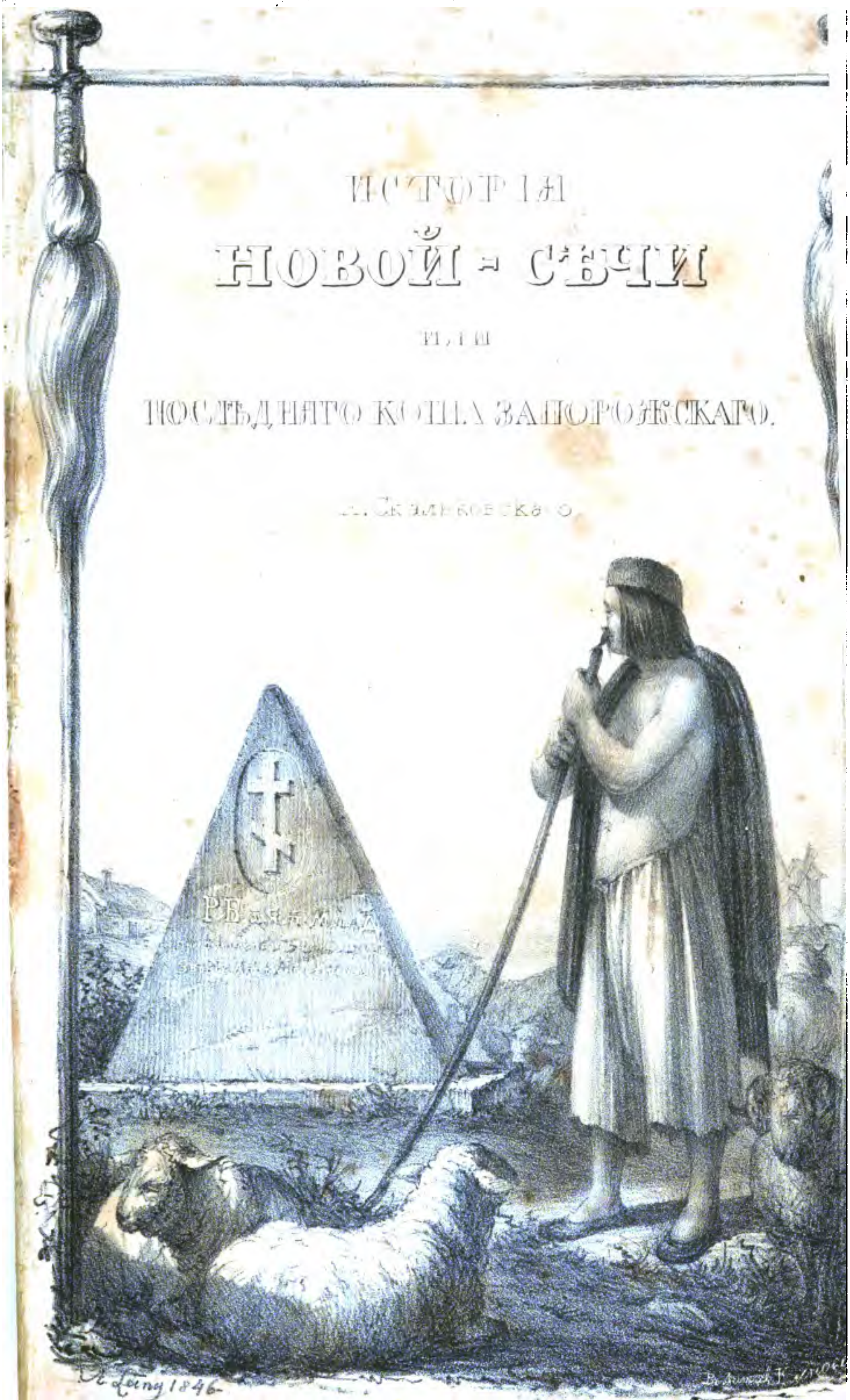
Printed in Soviet Union

ИСТОРІЯ
НОВОЙ-СѢЧИ
ИЛИ
ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО.
А. Скальковскаго
1846

ИСТОРІЯ
НОВОЙ-СѢЧИ
ИЛИ
ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО.

СОСТАВЛЕНА

изъ подлинныхъ документовъ Запорожскаго Сѣчеваго Архива

А. СКАЛЬКОВСКИМЪ,

Одесскаго Общества любителей Исторіи и Древностей, Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи и Копенгагенскаго Королевскаго Общества Сѣверныхъ Антикваріевъ Членомъ, Статистическаго Отдѣленія при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Корреспондентомъ, Редакторомъ Главн. Статистич. Комитета Новороссійскаго Края.

Ой житè наше минулося
Житè бурлацкое!
Колыбъ воно вернулося
Славне житè козацкое!...
Охъ, братцы! возьмить въ руку писочку, тай посійте;
Отоди оно вèрнеця, якъ цей писочекъ зійде.
(Запорожская пѣсня).

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

исправленное и значительно умноженное.

ЧАСТЬ III.

Одесса.

1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Одесса, Мая 16-го дня 1846 года.

Цензоръ К. Зеленецкій.

ВЪ ГОРОДСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

ИСТОРІЯ
НОВОЙ-СѢЧИ

или

ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО.

ЧАСТЬ III.

ИСТОРІЯ НОВОЙ-СѢЧИ

или

ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО.

ЧАСТЬ III.

ПАДЕНІЕ НОВОЙ-СѢЧИ И ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО.

ГЛАВА I.

КРЫМЪ-ГИРЕЙ. НАѢЗДЪ КРЫМЦЕВЪ НА НОВУЮ-РОССІЮ. ВОЙНА СЪ ТУРЦІЕЮ. КАМПАНІЯ ЗАПОРОЖЦЕВЪ 1769 ГОДА.

Кому изъ Русскихъ неизвѣстна та знаменитая война 1769—1774 годовъ, которую называютъ войною *Румянцовскою*, а справедливѣе наименовать должно борьбою Руси съ Востокомъ. Театромъ этой войны отчасти были южныя и западныя степи Запорожья, а потому, по связи обстоятельствъ, и мы должны говорить о ней. Но въ разсказѣ нашемъ мы намѣрены коснуться тѣхъ только событій, въ которыхъ участвовали Запорожцы подъ знаменами славныхъ Русскихъ полко-

ИСТОРІЯ НОВОЙ-СѢЧИ

или

ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО.

ЧАСТЬ III.

ПАДЕНІЕ НОВОЙ-СѢЧИ И ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО.

ГЛАВА I.

КРЫМЪ-ГИРЕЙ. НАѢЗДЪ КРЫМЦЕВЪ НА НОВУЮ-РОССІЮ. ВОЙНА СЪ ТУРЦІЕЮ. КАМПАНІЯ ЗАПОРОЖЦЕВЪ 1769 ГОДА.

Кому изъ Русскихъ неизвѣстна та знаменитая война 1769—1774 годовъ, которую называютъ войною *Румянцовскою*, а справедливѣе наименовать должно борьбою Руси съ Востокомъ. Театромъ этой войны отчасти были южныя и западныя степи Запорожья, а потому, по связи обстоятельствъ, и мы должны говорить о ней. Но въ разсказѣ нашемъ мы намѣрены коснуться тѣхъ только событій, въ которыхъ участвовали Запорожцы подъ знаменами славныхъ Русскихъ полко-

водцевъ: Румянцова, Панина или Долгорукаго Крымскаго, черпая повѣсть нашу изъ свѣдѣній самими Запорожцами намъ оставленныхъ. Такимъ образомъ и достовѣрнымъ свидѣтелемъ и настоящимъ источникомъ исторіи этихъ событій будутъ: Высочайшія грамматы, ордера военныхъ начальниковъ того времени, а еще болѣе отрывки изъ «походныхъ журналовъ» или переписки этого войска. Онѣ тѣмъ безпристрастнѣе разскажутъ намъ всю истину, что никогда не назначались для публики; напротивъ онѣ составляли часть особенныхъ «секретовъ» войсковой канцеляріи. Надобно было Запорожцамъ окончить свое политическое существованіе, чтобъ ихъ лѣтописецъ, какъ наслѣдникъ, воспользовался единственнымъ «добромъ», послѣ нихъ оставшимся — ихъ канцелярскимъ архивомъ, и то малою его частицею; чтобъ извлекъ изъ него ту нескладную, быть можетъ, повѣсть, которую теперь предлагаемъ читателямъ.

Но прежде скажемъ два слова о началѣ или причинахъ этой достопамятной войны. Уже въ концѣ II-й части настоящей книги говорили мы о началѣ и дѣйствіяхъ столь извѣстной и столь пагубной для Польши, Барской конфедераціи. Ея предводители, въ особенности-же предпріимчивые: *Казиміръ Пулавскій*, староста Варецкій и *Красинскій*, епископъ Каменецъ-Подольскій, видя слабость своихъ силъ и холодность къ нимъ большей

части народа, рѣшились искать помощи за границею. Ихъ агенты разсѣяны были: въ Турціи, Молдавіи, Саксоніи (у принцевъ, дѣтей послѣдняго короля и курфирста Августа III), даже въ Крыму и у Запорожцевъ, приглашая ихъ къ войнѣ противу Россіи и тѣсному союзу съ Польшею, которой они называли себя представителями. Даже Французскій дворъ, не смотря на банкротство своихъ финансовъ, внутренніе раздоры и угрожавшія ему бѣдствія, увлеченный краснорѣчіемъ Красинскаго, пребывавшаго въ Парижѣ, и деньгами, и чрезъ посла своего въ Константинополѣ, помогалъ конфедератамъ при Портѣ Оттоманской. Одинъ изъ посланцевъ его, отправленный въ Крымъ, посѣщалъ всѣ почти Ногайскія жилища въ Буджакѣ и Едисанской ордѣ (Херсонск. губ.) и ихъ видѣвшіе Запорожскіе купцы дали знать о томъ правительству. Другой Барскій эмиссаръ чрезъ Умань дошелъ было до Балты, но здѣсь партизанами противной имъ партіи былъ схваченъ и немедленно повѣшенъ. Третій наконецъ пробрался въ Запорожье, гдѣ Поляки имѣли знакомства, и на тѣхъ изъ козаковъ, которые происходили изъ Польскаго дворянства и католиковъ, полагали большія надежды. Нѣкоторые Польскіе и иностранные писатели (въ числѣ послѣднихъ былъ и баронъ де-Тоттъ) увѣряютъ, что Запорожцы склонили ухо къ подговорамъ Барскихъ конфедератовъ и обѣщали если не содѣйствіе, то хотя

неутралитетъ въ случаѣ войны съ Россіею; — но это явная выдумка, судя по событіямъ Уманскаго выше нами описаннаго мятежа, гдѣ Запорожскіе бѣглецы съ остервенѣніемъ терзали все, что было Польское; а еще болѣе по достовѣрнымъ, у насъ имѣющимся современнымъ письменнымъ свидѣтельствамъ. Этому можетъ служить прагматическимъ документомъ слѣдующій отрывокъ изъ Высочайшей грамматы Императрицы Екатерины, данной кошевому Петру Калнишевскому и войску Запорожскому 19 Декабря 1768 г., т. е. за нѣсколько дней до открытія войны со стороны Турціи. Въ ней сказано: «Мы съ особливымъ «удовольствіемъ увѣдомились чрезъ Нашего Кіев«скаго генералъ-губернатора Воейкова, какимъ «похвальнымъ образомъ поступилъ ты атаманъ «со старшинами, при учиненіи вамъ отъ враговъ «Нашихъ и всего христіанства гнусною лестью «и ядомъ наполненнаго предложенія, для скло«ненія васъ и со всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ Запо«рожскимъ войскомъ, къ измѣнѣ и предательству «противъ церкви Божіей и противу Насъ. Мы «почитаемъ васъ въ числѣ ревнительнѣйшихъ сы«новъ и защитниковъ Нашего истиннаго благо«честія и преданій Христа Спасителя Нашего, «слѣдственно между Нашими найусерднѣйшими «подданными; потому никогда наймалѣйшаго со«мнѣнія имѣть не могли о вашей со всѣмъ вой«скомъ къ Намъ вѣрности, а напротивъ того отъ

«всѣхъ васъ всегда ожидали и впредь ожидаемъ «таковаго оную доказывающаго при подобныхъ «случаяхъ поступка; со всѣмъ тѣмъ однакожь Мы «сей знакъ вашего должнаго вѣрноподданниче-«скаго усердія съ Императорскимъ Нашимъ бла-«говоленіемъ пріемлемъ и при первомъ случаѣ «за то Высочайшую Нашу милость ко всему На-«шему вѣрному Низовому Запорожскому войску «оказать не оставимъ. Между тѣмъ же Мы Вы-«сокомонарше всѣхъ васъ обнадеживая, что Мы «всегда готовы, по заслугамъ онаго войска и по «справедливымъ его прошеніямъ, показывать къ «нему Монаршее Наше милосердіе и снисхож-«деніе»[1].

Между тѣмъ интриги Французскаго двора и алчность Турецкаго дивана къ деньгамъ конфедератовъ, возъимѣли полный успѣхъ. Турки съ жаромъ искали войны и легко къ тому нашли поводъ. Небольшая Русская армія, дѣйствовавшая въ Польшѣ противъ конфедератовъ, загнала одну ихъ партію къ Днѣстру. Часть ушла въ Бессарабію подъ начальствомъ *Іоакима Потоцкаго*, подчашаго Литовскаго. За ними посланъ былъ полковникъ *Вейсманъ* съ Русскими драгунами, но Турки ихъ не допустили. Тогда Ягубъ-Ага, каймаканъ Дубосарскій, пребывающій въ Балтѣ (о

(*) Этой замѣчательной граммaты мы нашли только два отрывка, и то въ копіяхъ.

которомъ мы уже говорили выше), подъучилъ нѣсколько Поляковъ, за границею бывшихъ, соединясь съ толпою гайдамакъ, напасть на Вейсмана и такимъ образомъ заманить къ границѣ, т. е. рѣчкѣ Кодымѣ, которая дѣлила вновь это устроенное мѣстечко на двѣ части; лѣвая сторона подъ названіемъ *Юзефгроду*, принадлежала Польшѣ, правая, т. е. собственно *Балта* хану Крымскому, котораго каймаканъ былъ тамъ *гатманомъ* или пограничнымъ губернаторомъ. Русскій отрядъ погнавшись за конфедератами, достигъ до самаго мостика на Кодымѣ, у котораго они держались; въ пылу боя забывъ о границѣ, которая ничѣмъ не была обозначена, врывается въ Турецкую часть города, убиваетъ и гайдамакъ и конфедератовъ; — пожаръ довершаетъ невольное нарушеніе границы и мира. Это происшествіе, сто разъ случавшееся прежде, не обращало никогда вниманія Порты, но графъ де Верженъ (de Vergenne), посолъ Французскій, умѣлъ воспламенить умъ Турецкаго дивана до такой степени, что война была объявлена и Русскій резидентъ *Обрѣзковъ* посаженъ въ Семибашенный замокъ. Чтобы вести настунательную войну, вызванъ былъ достойный предводитель авангарда, — герой Ногаевъ, Крымъ-Гирей., ханъ Крымскій.

Уже подъ 1758 г. упомянуто было, какимъ образомъ этотъ Ханъ, послѣдній отблескъ храбрыхъ потомковъ Чингизъ-Хана, вошелъ на Крым-

скій престолъ, въ противность не только Татарской аристократіи (т. е. Ширинскихъ, Аргинскихъ и др. большихъ Мурзъ) но даже и самой Порты[1]. Но правленіе его было не долго. Диванъ не могъ простить ему ни его военной репутаціи, ни его правъ на Турецкій престолъ, ибо не только въ Крыму, но и въ Турецкомъ народѣ считали Хановъ прямыми наслѣдниками своихъ падишаховъ; ни тѣхъ средствъ, которыя онъ употребилъ, чтобы сдѣлаться ханомъ. Въ 1764 г. Диванъ нашелъ удобный случай отмстить ему во время неудачнаго похода Крымцевъ въ горы, гдѣ отъ Черкесскаго оружія и холода не только ханскіе сеймены, но даже свыкшіеся съ горскими войнами Кубанскіе Ногайцы были совершенно истреблены. Крымъ-Гирей былъ сверженъ и заточенъ въ Родосъ, а Максудъ-Гирей сынъ Селаметъ-Гирея II хана былъ возведенъ на его мѣсто. Такъ прошло 4 года. Когда въ 1768 г. война съ Русскими была провозглашена, Султанъ не только призвалъ его изъ заточенія, но съ особенною торжественностію возвратилъ ему знаки ханскаго достоинства и позволилъ дѣйствовать впередъ по его произволенію, лишь бы Россіи нанести жестокіе удары. Крымъ-Гирей послѣ совѣщаній съ визиремъ, главно-командующимъ надъ приготовленными войсками, немедленно пустился въ Буджакъ и осно-

---

[1] Часть II глава VII стр. 261.

валъ свое пребываніе въ Каушанахъ[1]. Оттуда писалъ онъ къ конфедератамъ, пребывавшимъ, въ числѣ 1,500 чел. подъ предводительствомъ Іоакима Потоцкаго, бывшаго регментаря барской конфедераціи, въ Хотинскомъ цынутѣ и другихъ частяхъ сѣверной Бессарабіи, и приглашалъ ихъ къ началу Декабря въ Каушаны или же въ Балту, для открытія вмѣстѣ военныхъ дѣйствій. Этотъ же Потоцкій искалъ связи съ великимъ визиремъ и имѣлъ съ нимъ свиданіе, но, дурно принятый, остался въ ханскихъ владѣніяхъ, не обнажая оружія. Весь Крымъ и всѣ орды должны были выступить въ поле, давая, кромѣ съѣстныхъ припасовъ и оружія, по 3 всадника на 8 семействъ. Жившіе тогда на Кубани Некрасовцы или Кара-Игнатъ-козаки, какъ ихъ называли Татаре, явились одни изъ первыхъ и составили особый отрядъ въ 500 чел., столь много цѣнимый Ханомъ, что онъ считался въ составѣ его тѣлохранителей. Опасаясь движенія Запорожцевъ, вѣчныхъ своихъ враговъ, онъ попытался лестью и дружбою если не привлечь ихъ на свою сторону, то хотя усыпить ихъ бдительность. Въ числѣ другихъ употребленныхъ на то хитростей было слѣдующее. Въ Октябрѣ 1767 г. въ Крыму захвачены были, по приказанію Максудъ-Гирея-Хана, Русскіе и Запорожскіе про-

---

[1] Мѣстечко и почтовая станція близъ Бендеръ на рѣч. Ботнѣ въ Бессарабіи.

мышленники, при соляныхъ озерахъ пребывавшіе и въ *ясыръ* для продажи назначены. Не смотря на всѣ требованія Коша сераскиръ Едичкульской Орды Ногайцевъ *Сагибъ-Гирей-Султанъ*, которому они достались въ собственность, выдать ихъ не хотѣлъ. Въ Октябрѣ 1768 г. явился въ Кошъ посланецъ Крымъ-Гирея-Хана, Али-Акай-Ага съ письмомъ Перекопскаго каймакана *Салихъ-Аги*, въ которомъ сказано, что новый ханъ далъ ему повелѣніе: «находящихся въ Крыму Россійское купечество и солевозовъ-козаковъ, опредѣля къ нимъ для безопасности отъ Ногай (Ногайцевъ) конвой, чрезъ Ногай провесть даже до границы и на ту сторону (Русскій берегъ) Днѣпра, въ цѣлости, благополучно препроводивъ, вручить г. кошевому и чтобы такимъ образомъ кошевой и Крымскихъ людей въ границу возвратилъ». Каймаканъ исполнилъ такія приказанія Хана; собравъ всѣхъ задержанныхъ людей съ имуществомъ и скотомъ, съ нарочнымъ посланцемъ до Камяннаго (противъ Никополя) доставилъ. Письмо же свое каймаканъ оканчиваетъ увѣреніемъ, что Ханъ желаетъ: «если во внутреннихъ Крымскихъ городахъ имѣются (Русскіе) купцы и козаки, то когда они поисправя свои надобности, на обратномъ пути въ Перекопъ пріѣдутъ, то и тѣ равномѣрно съ провожатыми и конвоемъ возвращены въ Кошъ будутъ. Что же касается до вступленія въ ханское владѣтельство Его Св. Крымъ-Гирея-Хана, Ногайцами причине-

ны обиды и шкоды, то отъ Его Св. приказано Сераскиръ-Султану (Едичкульской орды), все безвозвратно собравъ, въ удовольствіе обиженнымъ вашимъ возвратить. И оные всѣ пропажи уже собраны и ежели Вы вмѣстѣ съ Али-Акай-Агою пошлете своего человѣка, то ему все вручено будетъ непремѣнно».

Получивъ столь благопріятное письмо, Кошъ отправилъ за Днѣпръ писаря Никитинскаго перевоза для пріема плѣнныхъ, и такимъ образомъ возвращены были изъ Крыма безъ окупа: 70 козаковъ Запорожскихъ, Путивльскій купецъ Михаилъ Макаровъ, 4 Малороссійскихъ жителей, 95 возовъ, 1 будка (т. е. кибитка), 299 воловъ и 12 лошадей. Удивленные такою щедростью самаго храбраго и надменнаго хана, Запорожцы дали знать о томъ чрезъ гонцевъ своихъ въ Кіевъ генералу Воейкову, какъ главному командиру Новой-Россіи, и графу Румянцову, генералъ-губернатору Украйны. Воейковъ, какъ государственный человѣкъ, понялъ хитрость дикаго Крымскаго дипломата и отвѣчалъ: «что Кошу довольно извѣстны свойства и предпріимчивость Крымъ-Гирея, слѣдственно, на сладкіе отзывы его и Перекопскаго каймакана отнюдь полагаться и оплошать не должно, паче потому что можетъ быть ханъ сею приманкою думаетъ насъ засыпить и чрезъ то въ *своемъ намѣреніи* лучшій себѣ успѣхъ доставить». (8 Ноября 1768).

Каково было это *намѣреніе* Крымъ-Гирея, скоро доказали — кровью залитыя и Татарскимъ наѣздомъ истоптанныя поля нашего края. Манифестъ Императрицы Екатерины, отъ 18 Ноября 1768 г. извѣстилъ всю Россію о заключеніи посла Ея въ Семибашенный замокъ, приготовленіи Порты къ войнѣ, и что Она съ оружіемъ въ рукахъ идетъ карать дерзкихъ и невѣрныхъ враговъ Имперіи.

Двѣ Русскія арміи — одна, или *первая*, наступательная, подъ предводительствомъ фельдмаршала князя Голицына, двинулась чрезъ Западную Россію къ Днѣстру; другая, подъ начальствомъ графа Петра Алек. Румянцова, въ видѣ наблюдательнаго корпуса, сформировалась со стороны Украины и Новой Россіи и къ ней причислены Запорожцы. Но прежде нежели войска Русскія двинулись впередъ, Крымъ-Гирей, какъ ураганъ, повергся на Новую-Россію. Г. М. Исаковъ едва успѣлъ укрѣпить нѣсколько полуразрушенныхъ Ново-Сербскихъ шанцевъ, запереться съ гарнизономъ въ Крѣп. Св. Елисаветы, какъ уже передовыя толпы Ногайцевъ Буджакскихъ и Едисанскихъ пробрались чрезъ Бугъ по льду довольно крѣпкому, между Вознесенскомъ и Ольвіополемъ, столь внезапно и въ столь большомъ числѣ, что небольшая команда Запорожцевъ въ Гарду находившаяся не могла удержаться. По сказанію очевидца, Французскаго консула въ Крыму барона де Тоттъ, они

сперва достигли рѣки Мертвыхъ-Водъ и по ней подвигались къ сѣверу чрезъ Запорожскія степи, пока не дошли до Новосербіи, т. е. Елисаветградской провинціи[1]. Жаль, что до сихъ поръ имѣемъ столь мало достовѣрныхъ извѣстій объ этомъ важномъ для Новой-Россіи событіи; тогда какъ, быть можетъ, потомки многихъ тогда дѣйствовавшихъ лицъ живы доселѣ и наслѣдовали бумаги, современныя наѣзду и пораженію Крымцевъ. Какъ интересны должны быть записки или хотя замѣтки генерала Исакова, командовавшаго въ столь обширномъ, почти безоружномъ и беззащитномъ краѣ! До сихъ поръ мы принуждены ссылаться на свидѣтельства иностранца и еще агента того самаго министра, котораго интриги зажгли, можно сказать, эту кровавую, хотя и достославную для Россіи борьбу. Вотъ напримѣръ одинъ достовѣрный и современный документъ, который, какъ эпизодъ этого наѣзда, спѣшимъ сообщить читателямъ. Это простой оффиціальный рапортъ вальдмейстера (лѣсничаго) секундъ-маіора *Максимова*, писанный въ нѣсколько дней послѣ Крымскаго вторженія[2]. «По приказанію начальства, говоритъ онъ, вѣдомства моего Гончарской (Александрійскаго уѣз. Херсонской

---

[1] *Mémoire du Baron de Tott sur les Turcs et les Tatares.* 1785. Часть 1 стр. 153 и др.

[2] Этотъ любопытный документъ отысканъ Г. И. Соколовымъ въ архивѣ крѣп. Св. Елисаветы, котораго разборомъ онъ дѣятельно занимается.

губ.) и вновь поселенной мною (Максимовской) слободѣ, обыватели съ женами и дѣтьми для сохраненія отъ непріятельскаго набѣга, оставя домы свои, скрывались въ *Черномъ-Лѣсу*, въ пристойныхъ мѣстахъ; — а сего Генваря 24 ч. въ полдни непріятель въ великой силѣ въ оныя слободы вступилъ и въ оныхъ ночлегъ имѣлъ и въ ту свою бытность обывательскіе дворы, равно и бывшее въ лагерѣ Чернолѣсскомъ казенное строеніе, все безъ остатка огнемъ выжегъ. При вступленіи же онаго непріятеля въ слободы, когда еще сперва малое число Татаръ показалось, то тѣ Гончарской и другихъ слободъ скрывающіеся въ лѣсахъ обыватели, съ имѣющимися при нихъ ружьями самоохотно вышедъ изъ лѣсу къ слободѣ Гончарской, чинили ему, непріятелю, ружейною пальбою и другимъ оружіемъ сопротивленіе и нѣсколько непріятельскихъ людей побили до смерти. При чемъ и изъ нихъ слобожанъ нѣсколько побито, а другихъ ранили, кои раненные спасшися бѣгомъ въ живыхъ остаются, а сколько числомъ съ обѣихъ сторонъ побито, то и познать не можно. За чѣмъ Слобожане многіе еще изъ лѣсовъ не собрались, а непріятель своихъ побитыхъ людей огнемъ сожигаетъ. Я уже нынѣ съ имѣющеюся при мнѣ командою нахожусь въ укрѣпленномъ мѣстѣ въ шанцѣ Цыбулевскомъ (на р. Ингульцѣ въ Александрійскомъ уѣз.) къ которому шанцу на другой день, т. е. 25 ч. тотъ же непріятель чинилъ приступъ, однакожъ съ по-

мощію Божіею чрезъ употребленный противъ его воинскій отпоръ, никакого тому шанцу вреда не учинилъ; да и въ предбудущее время проживать имѣю въ ономъ же шанцѣ Цыбулевскомъ, ибо пока сія начавшаяся съ варварами война продолжаться будетъ, по то время въ неукрѣпленныхъ мѣстахъ жить будетъ опасно». (26 Января 1769 г.). Баронъ де Тотъ разсказываетъ, что Крымъ-Гирей отправилъ Калгу-Султана къ Самарѣ и Бахмуту, а самъ, выступивъ изъ Каушанъ, съ остальными Крымцами и частью Турокъ соединился у Балты, пошелъ къ Бугу и у впаденія въ него р. Мертвыхъ Водъ перешедъ его по льду,— вверхъ по этой послѣдней рѣчкѣ, слѣдовалъ степями Запорожскими отвердѣвшими отъ мороза, до Ингула. Здѣсь на правомъ берегу этой рѣки Крымскіе предводители держали совѣтъ и боясь, какъ видно, осаждать кр Св. Елисаветы, даже простые шанцы, положили огнемъ и мечемъ истребить весь открытый край до самой Польской границы. Онъ говоритъ, что *Аджамка* (тогда 19-ая рота Елисаветградскаго Пикинернаго полка) и 150 другихъ селъ сдѣлались добычею пламени. Другіе писатели считаютъ до 30,000 душъ погибшими или въ плѣнъ взятыми, въ томъ числѣ будто бы 200 дѣвицъ, посланныхъ въ даръ султану Мехметъ-Амину. Мы вполнѣ увѣрены, что это число было преувеличено; въ 1769 г. вся Елисаветградская провинція съ поселенными полками и гарнизономъ имѣ-

Станъ Крымъ-Гирея близъ с. Аджамки 1769 г.

ла едва 35,000 душъ об. п., 50 шанцевъ и столько же начатыхъ слободъ и хуторовъ. Если къ нимъ причислить 20 или 30 зимовниковъ, то и тогда числа 150 не достанетъ, хотя по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ многіе шанцы Татаре обходили, не смѣя къ нимъ даже приблизиться, а многихъ селъ и зимовниковъ и не видали, особенно тѣхъ, которые построены уединенно по балкамъ и близъ овраговъ[1]. Наѣздъ Крымцевъ такъ былъ внезапенъ и быстръ, что обѣ арміи, какъ мы сказали

[1] Вотъ описаніе, сдѣланное *Барономъ де-Тотъ* этого страшнаго наѣзда, взятое нами изъ упомянутыхъ выше его *Записокъ:* «L'armée, говоритъ онъ, marcha en se rapprochant du Bog que nous traversâmes sur la glace pour établir notre premier camp dans les déserts Zaporoviens... Cependant le froid était devenu si violent et les plaines que nous parcourions, précédemment brûlées, offraient si peu de pâturages, qu'après avoir traversé *l'Eau morte* (рѣчку Мертвоводье, впадающую въ Бугъ у Вознесенска), on se détermina à côtoyer cette rivière pour aller camper. au milieu des roseaux qui venaient d'être découverts par nos patrouilles. Nous en avions besoin pour nous réchauffer et pour alimenter les chevaux». Слѣдуетъ описаніе Татарской арміи. «Une petite butte (курганъ) que nous trouvâmes sur notre route pendant que l'armée dévéloppée dans la plaine marchait en bataille, inspire à Krim-Guéray le désir d'y monter pour voir toutes les troupes d'un coup d'œil. Il ordonne de faire halte: je le suivis sur cette éminence, et la couleur sombre des vêtemens Tartares, jointe à la blancheur de la neige qui servait de fond à ce tableau, n'en laissait rien échapper. On y distinguait par les étendarts les troupes des différentes provinces; je remarquai que sans aucun ordre déterminé, cette armée était naturellement sur vingt files de profondeur et passablement alignée. Chaque sultan-serasquier avec une petite cour, formait une groupe en avant de sa division. Le centre de la ligne occupé par le souverain, présentait un corps avancé assezn ombreux, dont l'arrangement offrait un tableau également militaire et agréable.

выше, изъ квартиръ своихъ еще не тронулись, когда вся почти Елисаветградская провинція и часть зимовниковъ Запорожскихъ по Ингулу, Корабельной, Мертвымъ-Водамъ (въ Бугогардовой поланкѣ) была захвачена врагами, или пожрана пламенемъ. Противу столь опаснаго набѣга только Гардовой полковникъ съ 400 козаковъ Запорожскихъ, выбитый изъ своего поста на Бугѣ и Г. М. Исаковъ съ 4,000 поселенныхъ гусаръ и пикинеръ отстаивали крѣп. св. Елисаветы и нѣкото-

---

Quarante compagnies, chacune des 40 cavaliers, marchaient en avant sur 4 de front, en deux colonnes et formaient une avenue bordée de chaque côté de vingt étendarts. Le Grand-Ecuyer suivi de 12 chevaux de mains et d'un traineau couvert, marchait immédiatement après et précédait le gros de cavaliers qui environnait le Khan. L'étendart du Prophète porté par un Emir, ainsi que les flammes vertes qui l'accompagnent, venaient ensuite et flottaient avec les étendarts des Ignats-Cosaques (Игнатъ-Козаковъ) dont la troupe annexée à la garde du Prince, fermait la marche».

Вотъ разсказъ самаго набѣга на Елисаветинскую провинцію (Ново-Сербію). L'armée dirigeant toujours sa marche vers le nord, cherchait à se rapprocher du grand Ingoul (р. Ингулъ), sur la position duquel on n'avait que des notions assez vagues. Ce fut aussi par une marche forcée de 12 lieues que nous parvînmes à asseoir notre camp sur la rive de ce fleuve: quelques habitations abandonnées et des meules de foin qui les environnaient, nous furent d'un grand secours. Nous touchions à la Nouvelle-Servie, nous étions arrivés au point d'où l'incursion devait frapper sur ces malhereux habitans, et le conseil de guerre fut convoqué pour régler la quantité de troupes, nécessaires à cette expédition. Tandis qu'il se rassemblait, un courrier et quelques prisonniers faits par les patrouilles, déposèrent que sur notre droite les cosaques Zaporoviens (изъ Бугогардовской поланки) contenus par le Calgà Sultan, ayant demandé et obtenu de ce prince le neutralité, venaient de refuser tout secours au gouverneur-

рые шанцы, т. е. села на скоро землянымъ валомъ и рвомъ укрѣпленныя, ожидая прибытія арміи со стороны Малороссійскаго рубежа. Но когда отъ холода, голода и оружія часть Татаръ погибла, потерявъ $^3/_4$ всего своего скота, когда при переправѣ чрезъ Ингулъ и Мертвоводье часть Спаговъ потонула, а добыча была слишкомъ бѣдна, чтобы поддерживать непостоянное мужество, или лучше сказать звѣрство Ногаевъ, — Крымъ-Гирей зная, что войска Русскія чрезъ Польшу прибли-

---

général de Ste Elisabeth (??). Les prisonniers ajoutaient que ce f rt situé sur notre gauche contenait une forte garnison. Ces détails éclairèrent le Khan et les généraux sur leur véritable position Il fut décidé que le tiers de l'armée, composé de volontaires, rassemblé sous les ordres d'un sultan et de plusieurs mirzas, passerait le fleuve à minuit, se diviserait en plusieurs colonnes, se subdiviserait successivement et couvrirait ainsi la surface de la Nouvelle-Servie pour y brûler tous les villages, toutes les récoltes ammoncelées, enlever tous les habitans et emmener tous les troupeaux. Le détachement fut également préveu que le reste de l'armée, après avoir passé l'Ingoul le lendemain, dirigerait sa marche à petites journées vers la frontière de Pologne, en serrant Ste Elisabeth, pour protéger les fourrageurs et attendre leur retour». Наконецъ, взгляните на картину опустошенiй, произведенныхъ Татарами. «Les colonnes de fumée qui bordaient l'horizon à droite et le fort Ste Elisabeth que nous apercevions à gauche, ne laissait plus d'incertitude sur la route que nous devions tenir. Nous la dirigeâmes vers des espèces de *jalons* placés devant nous, et que nous reconnûmes bientôt pour une préparation de feux de signaux. Des charpentes triangulaires à huit étages remplies de paille et de fagots, n'étaient sans doute destinées qu'à répandre l'alarme à la première apparition des Tatares, elles ne servirent cependant que des guides à leur armée jusqu'à *Adjemka*; ce bourg. préservé des ravages de l'incursion par sa position dans le voisinage de Ste Elisabeth, ne nous présenta qu'un petit nombre d'habitans et

жаются къ Днѣстру, поднявши свои кибитки, пустился назадъ. По его слѣдамъ пустился за нимъ въ погоню Исаковъ и многіе отряды Татаръ и Турокъ были настигнуты и истреблёны. Наѣздники, какъ стадо дикихъ звѣрей, безъ оглядки спасались бѣгствомъ столь же быстро, какъ и свой наѣздъ совершали, такъ что къ концу Февраля 1769 г. ни одного Ногайца или Крымца не осталось за Бугомъ. Но это было только преддверіе настоящей кампаніи.

Съ раннею весною обѣ Россійскія арміи при-

---

l'on soupçonna que la plus grande partie s'était refugié sous les canons de celte forteresse». Замѣчательно, что *Баронъ де-Тотъ* упоминаетъ здѣсь о Запорожскихъ *фигурахъ*, описанныхъ нами въ главѣ IV, I-й части настоящаго очерка. Описанная здѣсь Аджамка, бывшая 19-я рота Елисаветградскаго Пикинернаго полку, находится въ Александрійскомъ уѣздѣ Херсонской губерніи. «Quelque soin q'on eût mis, en arrivant, à la recherche des habitans d'Adjemka, ce ne fut que le surlendemain, au moment du départ lorsqu'on mit le feu à toutes les meules du bled et de fourrage qui récélaient ces malhereux, qu'ils vinrent se jetter dans les bras de leurs ennemis. pour échapper aux flammes qui dévoraient leurs récoltes et leur foyers. L'ordre de brûler Adjemka fut exécuté si précipitamment et le feu prit à toutes ces maisons couvertes de chaume avec une telle violence et une telle rapidité, que nous ne pûmes en sortir nous mêmes qu'à travers les flammes. L'atmosphère, chargée de cendre et de la vapeur de neiges fondues, après avoir obscurci le soleil pendant quelque temps, forma de la réunion de ces matières une neige grisâtre, qui craquait sous la dent. 150 villages également incendiés en produisant le même effet étendirent ce nuage des cendres jusqu'à 20 lieues en Pologne, où notre arrivée put seule donner l'explication de ce phénomène». Сказка о предательствѣ Запорожцевъ послѣ грамматы 19 Декабря 1769 г. не стоитъ опровержевія.

ступили къ границѣ Новой Россіи и Бессарабіи; главная подъ начальствомъ генерала князя Александра Михайловича Голицына въ Апрѣлѣ перешла Днѣстръ и вскорѣ взяла Хотинъ, не смотря на сильное сопротивленіе Турокъ и конфедератовъ подъ начальствомъ I. Потоцкаго тамъ бывшихъ. Румянцевъ со стороны Малороссіи вошелъ въ Новороссійскую губернію и занялъ постепенно всю линію отъ Бахмута до крѣп. Св. Елисаветы. Съ частію его корпуса генералъ-поручикъ фонъ-Бергъ расположился по южнымъ границамъ Запорожья, по р.р. Конской, Бердѣ до устьевъ Днѣпра и долженъ былъ въ случаѣ движенія непріятельскаго съ этой стороны чрезъ Ногайскія степи, итти къ Сивашу и даже на полуостровъ Крымскій. Такимъ образомъ и Запорожское войско призвано было къ оружію. Румянцевъ послалъ кошевому слѣдующій ордеръ:

«По открывшимся отъ непріятеля движеніямъ къ нашимъ границамъ, повелѣваю Вамъ со всѣмъ Запорожскимъ войскомъ приготовленнымъ къ походу тотчасъ съ полученія сего выступить изъ Сѣчи, слѣдовать немедленно по большой дорогѣ къ крѣп. Св. Елисаветы и между р.р. Зеленой и Желтой, при *Широкой-Балкѣ* (Херс. уѣзд. близъ Ингульца) расположиться, до дальнѣйшаго повелѣнія». (9 Іюня 1769 г.).

Въ это время командиръ Запорожскихъ лодокъ внизу Днѣпра на стражѣ находившихся, вой-

сковый старшина *Филиппъ Стягайло*, донесъ Кошу, что на противоположной сторонѣ рѣки, противу устья рѣчки Камянки и оврага Мѣловаго, за 80 только верстъ отъ Сѣчи, Татарскій отрядъ въ 2,000 чел. хотѣлъ было переправиться черезъ Днѣпръ для наѣзда на Запорожье, но низовая, т. е. лодочная команда ихъ атаковала, 4 транспорта затопила, многихъ убила и въ плѣнъ захватила. Изъ такой добычи 10 чел. плѣнныхъ, 4 знамена и 1 перначь Кошъ оставилъ въ Сѣчи, а остальныхъ Татаръ для «языка» отправилъ къ главнокомандующему, требуя приказаній: должно ли Запорожскому войску слѣдовать по прежнему ордеру, или сидѣть въ Сѣчи для охраненія границы, весьма угрожаемой отъ непріятеля? При чемъ Кошъ извѣщалъ графа Румянцова, что одинъ козакъ, взятый было въ плѣнъ при порогахъ и ушедшій отъ Татаръ, показалъ старшинѣ, что Татаре готовились сдѣлать еще разъ нападеніе на Русскія границы и что уже до 17,000 всадниковъ отправилось къ Запорожскимъ границамъ со стороны Калміуской поланки (Бердянскаго уѣзда).

Графъ Румянцовъ, надѣясь на корпусъ фонъ-Берга, расположенный вдоль Крымской границы, и имѣя крайнюю нужду въ легкомъ войскѣ, особенно столь храбромъ и столь знакомомъ съ Татарами, какъ Запорожцы, приказалъ кошевому: оставивъ въ Сѣчи при судьѣ войсковомъ *Иванѣ Бурносѣ* пѣхотный отрядъ для защиты ихъ Коша

и заготовленія фуража, съ остальнымъ, готовымъ къ бою товариствомъ, выступить немедля въ походъ. При чемъ выхваляя усердіе и храбрость «водяной» команды, писалъ кошевому Петру Калнишевскому: «Учиненные вами надъ непріятелемъ поиски, возвышаютъ общественно славу всего Запорожскаго войска, и особливо вашу. Они суть истиннымъ доказательствомъ вашихъ неутомимыхъ трудовъ и ревностнѣйшей вѣрности, вашей и всего Запорожскаго войска къ Е. И. В-ву». (15 Іюня 1769).

Кошевой немедленно выступилъ въ поле. При немъ, подъ сѣнью большой войсковой хоругви собралось: 14 войсковыхъ старшинъ, 17 полковниковъ, 31 полковыхъ старшинъ (писарей и эсауловъ), 36 походныхъ куренныхъ атамановъ, 1 войсковый пушкарь съ 105 канонерами; отецъ намѣстникъ Сѣчевыхъ церквей съ тремя іеромонахами, войсковый довбышъ (или полицмейстеръ) и въ 36 куреняхъ: 7,350 козаковъ. Артиллерія состояла изъ 8-ми пушекъ и 4-хъ фальконетовъ. Войсковый старшина *Яковъ Качаловъ* несъ большую войсковую, т. е. Императорскую хоругвь; войсковые старшины: *Николай Косапъ* былъ войсковымъ обознымъ или начальникомъ штаба, *Сидоръ Бѣлый* войсковымъ эсауломъ или намѣстникомъ кошеваго, *Иванъ Глоба* войсковымъ писаремъ. Кромѣ того съ войсковымъ старшиною *Филиппомъ Стягайлою* на судахъ внизу Днѣпра, при

3-хъ полковникахъ, 8-ми старшинахъ полковыхъ, 4-хъ хорунжихъ и одномъ іеромонахѣ, 38 канонеровъ и 1,690 козаковъ; да въ разныхъ постахъ подъ начальствомъ войсковаго старшины *Андрея Порохни* и двухъ полковниковъ: *Николая Чернаго* и *Омельки Шпака*, 10 старшинъ и 1,260 козаковъ. Всего-же въ походѣ и на отводныхъ караулахъ: 140 старшинъ и 10,300 козаковъ, при 12 пушкахъ и 38 судахъ съ фальконетами. Запорожскій отрядъ, дошедъ до означеннаго мѣста, получилъ приказъ слѣдовать къ Бугу, занять линію отъ Орлика (Ольвіополя) и Гарду до устья р. Мертвыхъ-Водъ и наблюдать за дѣйствіями непріятеля со стороны Очакова. Отсюда два отряда въ 1,000 человѣкъ каждый, подъ командою войсковыхъ старшинъ *Андрея Ляха* и *Алексѣя Чернаго*, пошли въ авангардъ къ Г. М. Зоричу.

Вскорѣ опасенія Запорожцевъ вполнѣ оправдались; едва войско дошло до р. Арбузинки (Бобринецкаго уѣзда Херсонской губ.), какъ Татаре, подъ бунчукомъ самаго Калги-Султана, пробившись чрезъ линію генерала фонъ-Берга, истребили команду Калміусскаго полковника и ворвавшись въ Самарскую, Протовчанскую и даже Орельскую поланки, сдѣлали ужасныя тамъ опустошенія. Села: Перещепино, Козырщина, Лычковка и др.; — зимовники: по рѣч. Орели, Богатой, Волчьей, Кильчени, Самарѣ и Протовчѣ были обращены въ пепелъ; изъ жителей, нѣкоторые

убиты или захвачены въ плѣнъ, остальные разбѣжались. Вотъ вѣдомость о потеряхъ войска въ самомъ началѣ этого набѣга:

1) Въ Орѣльской паланкѣ	людей убито . . .	1.	
»	» взято въ плѣнъ . . .	34.	
»	» сожжено дворовъ. . .	50.	
»	» занято скота . . .	6,923	шт.
2) Въ Самар. и Протов.	людей убито	53.	
»	» взято въ плѣнъ . .	222.	
»	» сожжено зимовниковъ	52.	
»	» занято скота . . .	15,857	шт.

въ томъ числѣ 600 лошадей, принадлежавшихъ къ зимовнику кошеваго на р. Протовчѣ, изъ коихъ 160 были верховыя.

Запорожцы, имѣвшіе тамъ подъ начальствомъ войсковаго старшины Порохни не болѣе 1260 козаковъ, не могли противустоять столь превышающимъ ихъ силамъ, а потому просили помощи на Украинской линіи; ея начальникъ генералъ-поручикъ фонъ-Штофельнъ съ своими полками, отрядомъ Донцевъ и Калмыкъ (впрочемъ скоро ушедшихъ) паспѣшилъ къ нимъ и Татаре были прогнаны. Но Штофельнъ среди похода разбитый параличемъ, отвезенъ былъ въ Козловскую крѣпость; въ его отсутствіе козаки боролись почти одни. Вотъ одинъ эпизодъ довольно любопытный изъ этого наѣзда. Это жалоба полковника *Николая Чернаго* на холодность войсковаго стар-

шины Порохни, главнаго командира Запорожскихъ отрядовъ, на лѣвой сторонѣ Днѣпра бывшихъ. Изъ этого документа съ одной стороны видѣнъ рыцарскій духъ козачества, вѣчно жаждущаго войны, съ другой уваженіе къ войсковой дисциплинѣ опытнаго старшины, не смѣвшаго дѣйствовать безъ приказаній Коша. «Увѣдомившись мы (писалъ Чорный къ судьѣ Бурносу), что непріятель пробрался въ Россійскую границу и уже попакостилъ нѣкоторыя слободы, также и около Самары, — собравъ со всѣхъ зимовниковъ отъ высшихъ пороговъ по всему Днѣпру козаковъ и съ своими всѣми командами, пришли мы до стоявшаго обозомъ противу насъ въ великомъ Лузѣ войсковаго старшины Андрея Порохни, гдѣ съ нимъ купно стоялъ и подполковникъ *Карлъ Пейкинъ* съ 500 своими козаками и москалями, и начали мы говорить ему: «ходимо противу непріятеля на вершины рѣчокъ «Конской, Московки и другихъ», къ чему было и подполковникъ Карлъ Пейкинъ весьма охотно приступилъ, говоря такъ: «пѣхота беретъ у меня «порохъ, свинецъ и пушки; ходимъ противу непріятеля, гдѣ онъ будетъ *ясыръ* гнать, не спо-«може ли Богъ что отнять», а у Порохни было три пушки. И началъ Порохня говорить: «я не «пойду на степъ, ибо велику силу орды изъ тясь-«мы дознаваю», и пошелъ до Самары; только напрасно насъ 5 дней колотилъ, что мы войско изъ зимовниковъ собирали, по его до насъ письму,

чтобъ ему дать помочь, когда непріятель нападетъ. Когда же получили мы зъ Коша ордеръ, чтобъ итти противъ непріятеля на трактъ, прочитавши его предъ всѣми козаками, весьма израдѣли всѣ козаки, и тотъ самый ордеръ послали къ Порохнѣ, чтобъ и онъ статъ могъ на трактъ: яко у него пушки и у москаля (въ отрядѣ подпол. Пейкина) превеликія пушки, картечи и запасу довольно. Но онъ Порохня сказалъ: «что онъ ордеру самъ не получалъ, что вертаться не хочетъ» и сталъ больше стращать, такъ что и москаль за нимъ съ пушками поплелся. А москаль весьма хотѣлъ съ нами на трактъ идти говоря, что «съ «пѣхотою при пушкахъ и въ Крымъ пойду». И такъ наши козаки стали говорить: «когда Порох-«ня съ пушками боится и москаля съ собою по-«велъ, сами идти безъ пушекъ тоже боимось». Однакъ когда велите ордеромъ, пойдемъ на вершины рѣчокъ къ тойже *тясьмѣ* (слѣду Татарскому), куда непріятель изъ Россіи ретировался, толькожъ безъ пушекъ и сами знаете, вельможный пане, что противу силы не можно сподѣваться (надѣяться) стати, а уже вскорѣ и повороту непріятеля сподѣваемся, а и орда тымъ трактомъ идти будетъ, куды и прежде шла, ибо по всему степу *пожарня.* (6 Сентября 1769). Въ другомъ письмѣ онъ присовокупилъ: что видя нерѣшительность Порохни «когда вся команда изъ Низу (Днѣпра) собралась, пошли мы въ рѣчку Конскую, то уже Калмыковъ,

Доновъ и Сербовъ, на той *тясьмѣ*, которою непріятель зъ Россіи поворотясь ишелъ, найшли съ утекшими отъ непріятельскихъ рукъ 4 пикинерами, которыхъ они идучи еще въ Россію на бекетахъ (пикетахъ) забрали. О множествѣ ея довольно мы узнали: не было больше какъ тысячь три, не такъ что говорилъ Порохня «на 20 верстъ «самой тясьмы, а ей (Орды) цѣлое царство пошло»! А когда она ишла въ Россію на бекетѣ 20 чел. пикинеровъ цѣлый день добувала. Когдажъ у нихъ запасу не стало, то въ вечеру живыхъ забрала съ собою подъ Орель. А поворотясь оттоль уха и лытки (икры) повырѣзовавъ, на смерть помучила на томъ мѣстѣ, гдѣ она ихъ добувала и покидала. Народа жь и скота премножество погнала сего Сентября 5 и 6 чиселъ чрезъ Московку и Конску рѣчку; не подалеку отъ Днѣпра пройшла. Еслибы наша команда одна отъ другой не такъ далеко стояла, то можно бы и часто приходить на степъ и провѣдывать, а то нашей команды не можно недѣль за двѣ собрать въ одно мѣсто. Ежелибъ она и теперь собралась завременно, когда мы стали извѣщать, то благополучно бъ по войсковому ордеру сбылось». (12 Сентября 1769 г. съ Кичкасъ).

Графъ Румянцовъ, давъ знать Кошу, что Хотинъ уже взятъ, предложилъ имъ, кромѣ наблюденія за движеніемъ непріятеля, дѣйствовавшаго со стороны Днѣстра до самаго Буга, такъ что даже

Бершадская волость Подольской губ. была вся истреблена, — отправить для «поисковъ непріятеля» отрядъ Запорожцевъ къ сторонѣ Очакова. Но самолюбіе Коша было сильно оскорблено подчиненіемъ его отряда Г. М. Зоричу и Румянцову большаго труда стоило убѣдить упрямое козачество и принудить къ повиновенію[1]. Впрочемъ въ послѣдствіи заслуги храбраго Зорича привлекли къ нему сердца всего Низоваго товариства. Два отряда были сейчасъ снаряжены въ Ногайскія степи и Едисанскія кочевья: одинъ подъ начальствомъ бывшаго судьи *Павла Головатаго*, съ 4 войсковыми старшинами, 6 полковниками и 9 полковыми старшинами, дѣйствовалъ близъ Очакова; другой подъ начальствомъ войсковаго старшины *Андрея Носача* направленъ къ Днѣстру. Реляціи обоихъ приводимъ здѣсь:

1). *Меморіалъ Головатаго*[2].

«При слѣдованіи за Бугъ первой ночлегъ имѣли при Чертальскомъ броду (близъ м. Кантакузовки Од. уѣзда) и слѣдовали по надъ Бугомъ до устья Мечетной Чер–

---

[1] Весьма любопытное письмо Румянцова по сему случаю помѣщаемъ въ приложеніяхъ.

[2] О дѣйствіяхъ своихъ Головатый прислалъ съ козакомъ слѣдующее донесеніе Кошу, изъ лагеря на р. Еланцѣ, написанное на обрывкѣ какого-то Турецкаго письма. «Вчерашняго въ рѣч. Янчаракѣ, а позавчерашняго чиселъ при р. Аджидерѣ (у Овидіополя) съ непріятелемъ Турками и Янчарами въ способное время случилось учинить хорошую баталію, и Божіимъ пособленіемъ нѣсколько надъ

талы. Отъ которой пойшли въ р. Чичаклею и въ оной отдохъ имѣли. Съ оной пошедши слѣдовали вершинами Сарыгольскими (рѣч. Цариголъ или Сары-Гёлъ Од. Уѣз.) до Тилигула рѣчки, въ коей пониже Журавки почлегъ имѣли. По утру къ устью сей же рѣчки обратно въ путь свой слѣдовали и съ оной приближаясь къ жилищамъ состоящимъ не вдаль отъ Очакова, въ Сариголѣ ночлегъ имѣли на степу безводномъ. По утружъ пришли въ рѣчку Сасикъ, въ которой, когда пойманные языки арнауты увѣрили, что въ Очаковѣ и въ околичностяхъ войска немного есть, то откомандировано полковниковъ: *Колпака*, *Чепегу* и *Носа* съ 500-ю командою въ село Аджи-Гассанъ, состоящее надъ моремъ при устьѣ Березани по ту сторону оной, кое отъ Очакова верстъ за 15, а отъ Бендеръ чаять верстъ за 40 (? болѣе 120). Гдѣ въ селѣ живущихъ Турковъ и ихъ женъ и дѣтей выстрѣляли и вырѣзали, а прочихъ въ двухъ лодкахъ бросившихся до побѣгу, въ морѣ потопили и оное село сожгли, гдѣ взяли Турковъ въ полонъ и прочего народа, о коемъ списокъ приложенъ. И съ онаго села досталось получить въ добычь овецъ тысячъ пять, рогатаго скота 600, коней на пастьбы ходящихъ паши Очаковскаго 30, да муловъ 50, палатокъ 10, разнаго багажу немалое число и 1 перначь. Повернувшись же оттоль въ рѣчку Березань, оные пол-

---

оными въ обоихъ мѣстахъ успѣхъ имѣли, какъ-то: Турковъ и Янчаръ убили до 100 чел. слишкомъ; рогатаго скота, коней и овецъ въ добычѣ равно и *языковъ* съ Турковъ и Янчаръ хорошій достатокъ имѣемъ. Коего при взятіи случилось и своихъ сущихъ христіанъ, женъ и дѣтей и находящихся у непріятелей въ ясыръ достать и оные всѣ нынѣ при насъ остаются». (14 Августа 1769).

ковники стояли повыше Каменнаго-Броду. Главная жъ команда въ 13 день (Августа) между Джемерлеемъ и Янчокракомъ (нынѣ станціи Одесск. уѣзда) имѣла баталію съ Турками, Янчарами и Бошняками, отправленными въ партію съ Очакова и шедшими изъ Кефы въ Бендеры, до заходу солнца, и вырѣзавши до двухъ сотъ оныхъ непріятелей, одного взяли Янчарина въ полонъ и добули знаменъ 8, съ коихъ одно нѣсколько порвато; коней съ уборомъ по числу убитаго непріятеля, шабель, *булдимокъ* (родъ ружья), пистолетовъ, съ прочими воинскими орудіями, денегъ и прочихъ вещей до немала. Гдѣ съ нашей стороны убито одного куреннаго атамана (*Григорія Чорнаго*) и 7 чел. коз. да ранено легко 3 козака. И совокупясь въ одно мѣсто съ прописанными полковниками, маршировали обратно въ свои границы и . . . 17-го числа въ войско прибыли». Въ эту экспедицію взято въ плѣнъ 16 Турокъ съ однимъ агою и освобождено отъ плѣну 63 души об. п., большею частью Грузинъ и Волоховъ.

Кошъ немедленно донесъ объ этомъ графу Румянцову и изъ добычи, которая по обычаямъ была раздѣлена въ войскѣ, главнокомандующему послано два жеребца съ сѣдломъ и уборомъ, и два мула. Графъ Румянцовъ прислалъ для раздачи дѣйствовавшему отряду 1,000 руб. въ награду, и отдавая оффиціально справедливость храброму войску, писалъ особо кошевому: «Радуюсь о пріо« брѣтенной славѣ мужествомъ вашихъ подкоманд« ныхъ и благодарю усердно за участіе, которое

«вы мнѣ опредѣлили при полученной добычѣ отъ «непріятеля. Я великое удовольство въ томъ бы «имѣлъ, еслибъ былъ когда случай раздѣлить съ «вами равно такуюжъ корысть». (22 Августа 1769).

Въ концѣ тогожъ мѣсяца опечаленный неудачами въ Буджакѣ, фельдмаршалъ князь Голицынъ оставилъ армію и уѣхалъ въ Петербургъ, а начальство надъ нею принялъ Румянцовъ. Вторая же армія и войско Запорожское поступило въ команду графа *Петра Ивановича Панина*, до пріѣзда котораго, т. е. до 17 Сентября 1769 года, командовалъ генералъ *Князь Василій Долгорукій*.

Въ Сентябрѣ того же года другой отрядъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины *Андрея Носача*, перешелъ Бугъ, сдѣлалъ экспедицію къ Очакову и даже Аккерману для поисковъ надъ непріятелемъ, и вотъ «меморіалъ» этой партіи, въ которой участвовали 5 войсковыхъ старшинъ, 6 полковниковъ и 3,100 козаковъ.

2). *Меморіалъ Семена Галицкаго.*

«25 Сентября, по выходѣ изъ Коша войска Запорожскаго Низоваго (у Орлика) въ партію, при старшинахъ и полковникахъ Запорожскихъ козаковъ, коихъ числомъ 3,100 и переправясь чрезъ Синюху, ночлегъ имѣли. А въ 26 день Сентября оттоль пошедъ всѣ чрезъ Бугъ рѣку въ бродъ, на устьѣ Кодыми [1], по надъ оною

[1] Рѣчка Кодыма впадаетъ въ Бугъ близъ с. *Конецполя* Подольской губ. и с. *Каменнаго-Мосту* Херсонской губ.

для ночлегу расположились, разставивши по курганамъ бекеты. Какъ сталъ свѣтъ, пошли надъ Кодымою въ гору до полдня и учинивши обѣденный роздыхъ, послѣ онаго съ Кодыми пошли въ степь чрезъ балки, къ сторонѣ Очакова на низъ Буга, и когда надъ вечеромъ у пруда главный командиръ *Андрей Носачь* заболѣлъ такъ, что и ѣхать не могъ, то возвративши его до Коша, пойшли съ эсауломъ его въ Чарталу, гдѣ въ Черталѣ повыше криницы и ночевали безъ воды.

«28 числа рано на разсвѣтѣ собравшись все войско въ сходку, изобрало главнымъ командиромъ на мѣсто заболѣвшаго Носача полковника *Семена Галицкаго*, съ которымъ съ Черталы пошли въ Чечеклею и тамъ имѣли роздыхъ довольный. А по надъ вечеръ переправившись чрезъ р. Чечеклею и по надъ оною расположившись, ночевали. 29 ч. рано какъ разсвѣло пошли съ Чечеклеи въ рѣч. Телигулъ; куда пришедши, что былъ великій дождь, по надъ оною расположились и ночевали, разставивши караулы. 30-го ч. какъ только стало свѣтать имѣли чрезъ оный Телигулъ переправу, по большой вязкой грязи до половины дня. Переправившись же пошли съ Телигула къ Куяльникамъ и на пути ходящихъ на степѣ больше 10 лошадей наѣхавши, получили въ добычь. И прибывши въ балку, которая впала въ Куяльники, въ оной расположившись и поставивши караулъ, имѣли ночлегъ.

1 го Октября на праздникъ Покрова Богоматери, какъ уже гораздо свѣтъ сталъ, съ той балки пошли и перешедши не очень далеко въ Куяльникъ рѣчку,

впадающую въ Дальникъ[1] и тамо расположившись, стояли чрезъ весь день. Гдѣ съ бекета усмотрѣно было Ногайцевъ ѣздящихъ 3-хъ, за коими старшина войсковый Софронъ Черный съ козаками слѣдомъ хотя и ѣздилъ, но что съ далека увидѣли, догнать не могли. Къ вечеру съ той балки переправившись чрезъ р. Куяльникъ пошли по надъ лиманомъ Дальницкимъ, кой впадаетъ въ Черное море, степомъ ночью. Гдѣ на пути съискали стадо Ногайское и при ономъ 7 челов. Ногайцевъ, съ коихъ 5 взяли живыхъ, а 2 зарѣзали, и при распросѣ тѣхъ Ногайцевъ, что войска на сей сторонѣ Днѣстра нѣтъ, а только лошадиныхъ табуновъ въ кутахъ[2] и къ морю много, и при оныхъ пастуховъ немного находится, — пойшли къ морю и чрезъ всю ночь идучи сыскивали стада и займали, а пастуховъ рѣзали. И пришедши ночью до моря къ селу Турецкому, состоящему между Очаковомъ и Бѣлогородомъ (Аккерманомъ), кое отъ Бѣлагорода верстъ за 20, зовомое *Хаджибею* (нынѣ Одесса) предъ свѣтомъ и мало близъ онаго отдохнувши, на разсвѣтѣ какъ только имѣли учинить на село нападеніе, то невзначай наѣхавшихъ съ Очакова въ Бѣлгородъ двохъ сотъ Турковъ напали. И учинивши на ихъ нападеніе, въ чемъ видя они свою невзмогу, ко оборонѣ себѣ спѣшились съ лошадей, съ намѣреніемъ отбиться и при перестрѣлкѣ

---

[1] Рѣчка Дальникъ близъ самой Одессы особымъ лиманомъ *(Сухимъ)* впадаетъ въ Черное море. Куяльникъ въ него не впадаетъ, а уходитъ въ особый лиманъ близъ самой Одессы.

[2] *Кутъ, kąt (уголъ)*, мѣсто уединенное надъ моремъ или рѣкою. Такія названія часто находятся въ нашемъ краѣ, напр. *Тарханъ-Кутъ*, *Веселый-Кутъ* и пр.

должной съ обѣихъ сторонъ, при помощи Божіей оныхъ Турковъ спѣшившись тоже козаки много выкололи и взяли раненныхъ въ полонъ 9 челов., кои по причинѣ ранъ отъ стужи съ дождемъ бывшей, померли на пути, объявляя, что шли въ Бѣлгородъ. При такомъ сраженіи весь ихъ багажъ, ружье, лошади съ уборомъ, также знамя два, булаву желѣзную и литавры мѣдные въ добычь получили. Нашихъ же ранено двохъ. Между чѣмъ въ селахъ довольно Турковъ мужеска и женска полу поколото. Паланки жъ (за̀мка) въ томъ селѣ имѣющейся, въ которую нѣкоторое число сельскихъ жителей убѣжало, что пушекъ въ ней довольно, недоставанно (не штурмовали). И попаливши многія хаты и прочое строеніе въ селѣ и въ другихъ мѣстахъ около того мѣста Хаджибея, такъ и въ степу ходячій скотъ рогатый, овцы, лошади завернули, кoего всего числомъ: лошадей болѣе 20,000, рогатаго скота 1,000, овецъ 4,000, верблюдовъ 180 позаймавши, а пастуховъ нѣкоторыхъ вырѣзавши, а прочихъ же въ полонъ забравши, пошли отъ моря по надъ лиманомъ Хаджибейскимъ и пришли до перваго Куяльника Кучурганскаго (Кучурганъ рѣч. въ Тираспол. и Одесск. уѣздахъ), гдѣ переправившись и отдыхъ имѣли. А отъ толь пошедши ночью, перешли средній Куяльникъ и мало надъ онымъ отдохнувши, пошли къ третьему (большому) Куяльнику и свѣтомъ уже третій (Куяльникъ) перешедши, поѣхали въ Тилигулъ 3-го Октября, гдѣ переправившись, имѣли отдохъ. Потомъ пошедши, и въ Чичиклеѣ ночью переправившись, отдохъ имѣли. 4-го дня въ свѣтѣ пойшли чрезъ Черталы до Буга, куда пришедши на устье Черталы противъ Броду-Черталь-

скаго, по надъ Бугомъ расположились и ночевали. 5-го Октября пошли по надъ Бугомъ и выше Гарду въ *Красуни* чрезъ Бугъ, поднявши плавни, сами и скотъ переправились и учинили оному раздѣлъ».

Мы должны сдѣлать здѣсь замѣчаніе, что если приведенные нами «*меморіалы*» не важны среди знаменитыхъ военныхъ подвиговъ Русской арміи въ эту достославную кампанію, то весьма любопытны въ историческомъ отношеніи, какъ образецъ той войны, которую всегда вели Запорожцы, какъ лучшая картина ихъ быта въ степяхъ. Для насъ они интересны еще и потому, что театромъ экспедиціи были окрестности Одессы и самое селеніе Хаджибей, на развалинахъ котораго она основана. Замѣтимъ мимоходомъ, что когда предводитель отряда по болѣзни удалился, войско само избрало ему преемника, и въ эту должность призвало, не смотря на присутствіе 5 войсковыхъ старшину, одного полковника т. е. младшаго чиномъ старшину, но вѣроятно достойнѣе другихъ по своей храбрости и искуству. Кошъ этому избранію не могъ и не хотѣлъ противиться, какъ видно изъ рапорта его главнокомандующему (13 Октября 1769), гдѣ при исчисленіи особенно отличившейся старшины, полковникъ Семенъ Галицкій показанъ первымъ.

Изъ пріобрѣтенной добычи: плѣнниковъ, лошадей, верблюдовъ и военной збруи, Запорожцы часть отдѣлили «въ презентъ» для важнѣйшихъ сановниковъ Имперіи. Главнокомандующему графу

Панину послали двухъ плѣнныхъ Ногайцевъ, 4 верблюдовъ и 3 жеребцовъ; князю Долгорукому 1 Ногайца, 2 верблюдовъ и 1 жеребца. При чемъ Кошъ писалъ къ графу, что войско оставило для себя на память 1 знамя и добытые литавры, и проситъ, чтобы настоящая его усердная служба « для пред-« будущихъ временъ въ военную книгу записана « была». Наконецъ при всеподданнѣйшемъ рапортѣ войсковый старшина *Софронъ Чорный* посланъ ко двору Монархини съ плѣнными и подарками изъ добычи на полѣ битвы пріобрѣтенной: Императрицѣ 2 Ногайскія мальчика, булава и знамя; Цесаревичу 1 мальчикъ Ногаецъ и одного Хаджибейскаго Турка сынъ *Джеферъ*, съ которыми посланъ былъ и войсковый толмачъ *Андрей Константиновъ*[1]. 25 Декабря т. г. онъ воротился въ Кошъ и привезъ отъ перваго тогда министра *Графа Никиты Панина* письмо, въ которомъ извѣщалъ: «что онъ представилъ плѣнниковъ Ея И. В. и « Его Высочеству, которые приняты съ новымъ « и особливымъ монаршимъ благоволеніемъ какъ « къ вамъ, почтенный господинъ кошевой и стар-« шины, такъ и ко всему храброму Низовому За-« порожскому войску». (11 Декабря 1769).

Главнокомандующій графъ Панинъ, благодарилъ тоже за совершенные подвиги и подарки, и желая

---

[1] Бывшій послѣ статскимъ совѣтникомъ и резидентомъ Русскимъ при ханѣ Крымскомъ.

оффиціально вознаградить войско за его подвиги, отдалъ по всей своей арміи слѣдующій приказъ:

«Отправленная, по повелѣнію моему, отъ Запорожскаго войска знатная партія для поиску надъ непріятелемъ отъ стороны моря къ р. Днѣстру, нашедъ слѣдующую отъ Очакова къ онымъ мѣстамъ достаточную партію, храбрымъ и искуснымъ своимъ нападеніемъ всю на голову побила подъ предводительствомъ *Семена Галицкаго*, *Макара Нагая*, *Алексѣя Чорнаго*, *Софронія Чорнаго* и *Сидора Бѣлого* и полковниковъ: *Логина Мощенскаго*, *Антона Красовскаго*, *Якова Расколупы*, *Ивана Яблуновскаго*, *Степана Делеха*, *Харька Чепеги*, взяли отъ нея два знамя, булаву и литавры, а потомъ въ тѣхъ же мѣстахъ получила въ добычь и въ свой Кошъ дѣйствительно привела плѣнныхъ Турокъ и Татаръ 18 чел.; лошадей больше 20,000, рогатого скота 1,000.. овецъ 4,000 и 180 верблюдовъ. О которой предъ Е. И. В. отъ сего войска столь знаменитой и подобной предковъ своихъ славы, услугѣ, всѣмъ симъ чинамъ обьявляю какъ на приношеніе управляющему праведное и побѣдоносное оружіе Нашей всемилостивѣйшей Государыни всещедрому Богу отъ каждаго, благодаренія, — такъ и на похвальное для будущихъ времянъ свидѣтельство знаменитыхъ при здѣшней арміи военныхъ, нынѣшнею кампаніею, дѣйствъ сего войска». (20 Октября 1769).

Въ заключеніе походовъ 1769 г. приведемъ еще одинъ довольно любопытный эпизодъ изъ мелкихъ войнъ, полагая, что знаменитыя дѣла главной арміи, подъ знаменами Румянцова, Панина и

Долгорукаго, будутъ описаны рукою болѣе опытною и болѣе свѣдущею въ военной исторіи нашего отечества. Послушаемъ разсказъ одного Татарскаго плѣнника. Во время наѣзда Татаръ Ногайскихъ на Самарѣ и Бахмутѣ, козаки Запорожскіе и Донскіе подъ начальствомъ полковника Колпакова, настигли ихъ на р. Волчьей (14 Ноября 1769) разбили и истребили ихъ совершенно, взяли 1 знамя, 160 лошадей, 74 сайдаковъ, 8 паръ пистолетовъ, 12 копій и всѣ вьюки съ хлѣбомъ и платьемъ. Въ плѣнъ достался одинъ только Татаринъ, весь исколотый. Этотъ плѣнникъ, Ногаецъ Джамбуйлуцкой орды *Джумали* (Джаумъ-Али), приведенный въ Сѣчь такъ разсказываетъ свои похожденія:

«Въ прошедшемъ Августѣ мѣсяцѣ, когда Татаре дѣлали впаденіе въ ваши границы и разоренія чинили около Самары, въ то время Татарскою ордою командовалъ Калга-Султанъ, а по немъ былъ самый старшій *Шахтемірь-Ага*. Когда они съ почученною добычею въ Крымъ возвратились и Татаре по ихъ кочевьямъ были распущены, въ то время означенный старшина Шахтеміръ-Ага сдѣлалъ Калгѣ-Султану просьбу, чтобъ онъ ему позволилъ собрать охотниковъ и съ оными ѣхать еще въ Россійскія границы, для нападенія и полученія добычи. На которую его просьбу Калга-Султанъ слушая ему отвѣтствовалъ: «не лучше ли оное «намѣреніе отложить, дабы тѣмъ въ Россійскихъ гра«ницахъ не дѣлать тревоги, а по наступленіи зимы

« онъ самъ Калга-Султанъ съ ордою намѣренъ въ Рос« сійскія границы идти, и чтобы обождать до того времени ». Однако на послѣдокъ на просьбу Шахтеміръ-Аги согласился и позволилъ охотниковъ набрать, а онъ получа то позволеніе послалъ въ Татарскія жилища своего вѣдомства публиковать и охотниковъ вызывать, обнадеживая при томъ, что они конечно съ хорошею добычею возвратятся. Почему его вѣдомства Татаръ охотниковъ къ Перекопу вышло человѣкъ 150., да при немъ безотлучно находящихся было исправныхъ Татаръ до 40., а сверхъ того изъ другихъ мѣстъ собрались, такъ что всѣхъ охотниковъ набралось до 500. Въ собранномъ числѣ былъ знатной наѣздникъ и во всякихъ случаяхъ отважный Татаринъ и провожатый (югбашче) владѣнія (орды) Джамбуйлуцкаго, именемъ *Хозба-Хаче*, который видя стараніе Шахтеміра весьма охотно шелъ и другихъ приглашалъ, а особливо тѣхъ, кои въ послѣднее на Самарѣ бывшее нападеніе небыли и не поспѣли. И какъ они собравшись всѣ отборные охотники, назадъ тому 17 дней (29 Октября) подъ предводительствомъ вышеписаннаго Аги, изъ подъ Перекопа пошли къ Россійскимъ границамъ, для полученія добычи, людей и скота, а предводитель Шахтеміръ-Ага имъ всѣмъ обьявлялъ, что гдѣ только случай будетъ, то они увидятъ, что онъ прежде всѣхъ свое усердіе и храбрость покажетъ. И такъ они шли день и ночь, останавливаясь только нѣсколько часовъ для отдохновенія и кормленія лошадей, коихъ кормили однимъ полевымъ кормомъ. А сего мѣсяца (Ноября) на 14 число остановясь на ночь, послали отъ себя партію до 30 чел. чтобъ они развѣдали и мѣста осмотрѣ-

ли, нѣтъ ли табуновъ и карауловъ, и какъ свободнѣе къ Бахмуту пройтить, также и не попадутсяль гдѣ *для языка*, какіе люди. Сія партія 14 числа по утру рано пришла на рѣчку Торецъ (Бахмут. уѣз. Екат. губ.) и по утружь какъ свѣтъ на тамошній хуторъ и мѣльницу напали и взяли 5 чел. и до 20 воловъ и когда тѣхъ людей привели въ большую партію, то тѣхъ приведенныхъ спрашивали о нашемъ войскѣ. гдѣ оное стоитъ и есть ли караулы? На что получили извѣстіе, что есть вездѣ заставы, а войска стоятъ по городамъ. Однакъ положили идти къ Бахмуту съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы отогнать какой нибудь табунъ или напасть на караулъ и какъ скоро начали передовые маршировать, а задніе еще съ мѣста подымались: вдругъ увидѣли назади 7 чел. козаковъ, кои имъ обратный путь пересѣкать могли и видя то усумнилися, разсуждали, — «конечно Россійскія войска ихъ нагонятъ и путь обратной совсѣмъ пересѣкутъ». Мыслили и говорили разное, впередъ ли идти или назадъ обратиться, потомъ въ скорости увидѣли козаковъ (вѣроятно цѣлый отрядъ), въ задъ имъ зашедшихъ, почему они и принуждены были обратиться на козаковъ и на нихъ ударить, что немедленно и исполнили, а напереди всѣхъ былъ главный ихъ предводитель Шахтеміръ-Ага со *значкомъ*, а подлѣ его отважный наѣздникъ Хозба-Хаче. Однако въ скорости и тотъ же моментъ усмотрѣли ихъ главнаго предводителя убитаго и при немъ Хозбе-Хаче, коихъ на храбрость и предводительство надѣялись и оробѣли и тѣ кои не столь храбры тотчасъ въ бѣгство обратились, а кои поазартнѣе были, то сопротивлялись. Первые ретирующіеся сколько

можно поспѣшали назадъ, однакожъ и тѣхъ козаки нѣкоторыхъ догоняли и кололи, а взятыхъ на мѣльницѣ людей и скотъ козаки отбили, а по убитіи старшаго предводителя и *значокъ* взяли, а онъ (Джумали) когда начальника своего лошадь хотѣлъ ловить, то его свой Татаринъ укололъ дротикомъ и лошади ловить не велѣлъ, а послѣ, въ скорости, раненнаго взяли живаго». Вотъ что онъ говоритъ о движеніи своей Ногайской братьи: «Какъ скоро Татарская орда, которая послѣднее на Самарѣ грабительство чинила, въ Крымъ возвратилась, то при роспускѣ оной отъ Калги-Султана было приказано: чтобы они лошадей хорошенько кормили, ибо они по наступленіи зимы всѣ востребуются. Прошлаго лѣта Крымскіе Татаре въ походъ ни къ Хотину, ни къ Очакову не ходили, а передъ Перекопскою линіею въ лагерѣ стояли. О числѣ ихъ судить можно потому, что когда со всего Крыма всѣхъ годныхъ къ оружію потребуютъ, то до 30,000 набраться можетъ [1]. Крымскій Ханъ (Крымъ-Гирей) все лѣто въ Крыму не былъ и нынѣ его тамъ нѣтъ, а находится съ Татарскими (Ногайскими) ордами въ Каушанахъ. А изъ Крымской орды находится только нѣсколько человѣкъ, составляющихъ его свиту. Въ Крыму же остается Калга-Султанъ (преемникъ престола) который живетъ подъ самыми горами въ г. Карасубазарѣ. Внутри Крыма полеваго корму весьма не-

---

[1] Изъ показанія этого Татарина можно убѣдиться, какъ всегда увеличивали число Татаръ или Турокъ во время войны. Судя по самымъ достовѣрнымъ даннымъ полагаемъ, что во всю кампанію ханъ Крымскій съ Ногаями и Крымцами имѣлъ едва 40,000 войска.

достаточно и за тѣмъ назадъ тому недѣль съ четыре (въ половинѣ Октября) скотскіе табуны выгнаны за Перекопъ (т. е. на Ногайскую степь) и намѣрены тамо чрезъ всю зиму содержать».

Между тѣмъ войска 2-й арміи стали на зимнія квартиры вдоль Днѣстра въ Польскихъ воеводствахъ и въ Малороссіи, а Запорожское войско отпущено въ Сѣчь; но прежде еще получило ордеръ главнокомандующаго графа Панина, учредить по прибытіи въ Сѣчь посты такимъ образомъ, чтобы прикрыть ими не только свои жилища, но и всю Имперію отъ покушеній непріятеля. Такимъ образомъ Запорожцы должны были содержать и своею грудью охранять сторожевую линію: «отъ р. Днѣпра вправо по своей границѣ до р. Ингульца, а вверхъ онаго до верховья р. Березоватой, съ онагожъ верховья на р. Каменку, а съ р. Каменки къ послѣднему на низу порогу на р. Днѣпрѣ; съ тогожъ порогу отъ лѣваго берега Днѣпра за рѣчку Волчьи-Воды до устья р. Каменки и вверхъ по оной до устья рѣчки Ганчулы, а съ оной на р. Конскія воды, до могилы Токмакъ». (Ордеръ 25 Октября 1769). На этомъ основаніи Кошъ Запорожскій учредилъ 16 «бекетовъ» или постовъ подъ начальствомъ войсковаго старшины *Андрея Порохни*, 16 походныхъ полковниковъ, 32 походныхъ полковыхъ старшинъ, въ командѣ которыхъ постоянно чрезъ всю зиму

находилось 600 пѣшихъ и 2,454 конныхъ козаковъ, имѣвшихъ каждый по двѣ лошади, а старшины « и больше ». Кромѣ того оставлены при четырехъ паланкахъ: Орѣльской, Самарской, Протовчанской и Кодацкой 4 полковника, 8 полковыхъ старшинъ и 290 пароконныхъ козаковъ. Всѣ команды должны были безпрестанно разъѣзжать по назначеннымъ имъ дистанціямъ, содéржать пикеты на курганахъ, а ночью фигуры изъ смоленныхъ бочекъ (маяки) для извѣщенія о всѣхъ движеніяхъ непріятеля. Эти посты находились въ слѣдующихъ мѣстахъ:

1. При р. Каменкѣ (въ 7-ми верстахъ отъ нынѣшней стан. Мѣловой, Херсонской губерніи).
2. Внизу р. Днѣпра въ урочищѣ *Скалозубовомъ*, (Херсонск. уѣзда).
3. Противъ Сѣчи Запорожской, на версту въ Татарской степи, въ уроч. *Темномъ* (Днѣпр. уѣзда).
4. Надъ р. Днѣпромъ, въ уроч. *Лысой-Горѣ*.
5. Тамъ же, въ урочищѣ называемомъ *Городище*, (бывшій *Каменный-Затонъ*).
6. Въ *Голой-Пристани* на Днѣпрѣ.
7. Надъ Днѣпромъ, въ уроч. *Тарасовскомъ*.
8. » » въ уроч. *Бѣленькой*.
9. На Хортицкомъ островѣ } на Днѣпрѣ.
10. На Дубовомъ островѣ } на Днѣпрѣ.
11. У Старо-Самарскаго ретраншамента.
12. Надъ р. Самарью, въ уроч. *Садкахъ*.
13. » » при ур. *Вольномъ* и *Займахъ*.
14. При Самарѣ, въ уроч. *Лучинѣ*.

15. За р. Самарью въ уроч. *Жуковскомъ*.
16. При Самарѣ въ уроч. *Богдановыхъ*.

Чѣмъ эти «постныя» команды занимались и какъ дѣятельно противу непріятеля ходили въ экспедиціи, водою и сухимъ путемъ, — вотъ еще одно донесеніе Коша графу Панину въ самую зиму 10 Декабря 1769 г. По приказанію главнокомандующаго, войсковый старшина Порохня съ 1,000 чел. ходилъ до самыхъ Молочныхъ-Водъ (Мелитопольск. уѣзда Таврич. губ.) для вреда Ногайскимъ кочевьямъ и стадамъ, а командиръ Днѣпровской козачьей флотиліи, войсковый старшина *Филиппъ Стягайло*, взявъ двѣ лодки и 40 козаковъ, дошелъ до самаго Лиману у Збуроевскаго ретраншамента; оставивъ тамъ свои лодки и 10 козаковъ, самъ съ остальными вышелъ на берегъ и пустился далѣе въ Крымскую степь. Прошедъ верстъ за 30, сначала никого изъ Татаръ не встрѣтилъ кромѣ многочисленныхъ стадъ, которыхъ часть, по обычаю и приказанію Начальства, немедленно занявъ, началъ гнать во свояси съ такою безпечностію, «что ночью было на кибитки (кочевья) Татарскія нагнались. По учиненной тревогѣ сбѣжались изъ аула вооруженные Татаре и атаковали козаковъ, но тѣ, убивъ человѣкъ 70 непріятеля и кромѣ скота получивъ въ добычу 60 сѣделъ, базавлука[1] и разнаго одѣянія

[1] Что значитъ слово *Базавлукъ*, не знаемъ: одни говорятъ, что

достаточно, и схвативъ «для языка» одного Татарина, начали ретироваться къ своимъ судамъ, ибо по показанію плѣннаго вблизи оттуда до 25,000 непріятельскаго войска находилось. Татаре собравшись еще въ большемъ числѣ, до самой Збурьевской пристани ихъ провожали, чиня безпрестанную стрѣльбу ружьями и стрѣлами, въ чемъ видя немалое препятствіе, храбрый Стягайло скотъ оставя, плѣнника жъ зарѣзавши, оборонною рукою противъ непріятеля пошли и вырѣзали его еще выше 30 челов. Зъ своей же стороны ни едного не втеряли, кромѣ что едного стрѣлкою легко ранено въ ногу, и возвратились благополучно».

Вотъ еще довольно оригинальное донесеніе одного козака, Самарскаго жителя (т. е. уже женатаго) *Никиты Лебеденка*, вполнѣ характеризующее этотъ полудикій, но храбрый народъ. «Посланъ онъ былъ отъ Самарской паланки въ Крымскую степь для провѣданья о непріятелѣ, и 10 Ноября съ 4-мя козаками (пароконной всякій), по р Татаркѣ, а послѣ чрезъ нижнюю и верхнюю рр. Терси, перешедъ (Павлоград. и Александровск. уѣздовъ Екатеринославской губ.), доѣхалъ прямо степью до р. Гайчули при уроч. *Барабашевой-Могилѣ* (Александровск. уѣзда Екатериносл.

это вьюкъ съ пшеномъ, другіе — что это вообще съѣстные припасы. Есть рѣчка Базавлукъ, отдѣляющая Екатеринославскую губернію отъ Херсонской.

губ.), а оттоль по вершинѣ р. Конской до могилы Токмацкой, а оттоль въ Молочну, которою на низъ къ морю пробрался, гдѣ наѣхалъ тясьму (слѣдъ) небольшую Татарскую, прошедшую какъ бы сотъ въ двѣ (лошадей) прямо на Берду. Не видя ничего кромѣ тясьмы, возвратился назадъ по Крымской сторонѣ р. Конскія-Воды. Видя усталость лошадей своихъ, онъ больше ѣхать не могъ, а потому отославъ трехъ товарищей со всѣми лошадьми назадъ въ Самарскую паланку, самъ съ однимъ козакомъ пѣшіе пошли по этой рѣкѣ на низъ Днѣпра. Но съ одной могилы усмотрѣли въ урочищѣ *Холодная-Балка*, небольшую въ 300 чел. Татарскую партію. Дождавшись ночи, они подошли къ ней, подлѣзши промежъ ихъ лошадей и высмотря караульныхъ, чтобъ не попасться самимъ, схватили 4-хъ лошадей зъ ярчаками и на нихъ понадъ *Великимъ-Лугомъ*, возвратились къ своей командѣ».

Въ Ноябрѣ мѣсяцѣ войско уже было въ своихъ жилищахъ и при вступленіи въ Сѣчь сдѣлана была имъ слѣдующая встрѣча: «Командовавшій въ Сѣчи судья войсковый *Иванъ Бурносъ* съ атаманами и стариками, верхомъ на лошадяхъ встрѣтилъ кошеваго, старшину и войско у *Багновой-Могилы* и съ ними въ *ассистенціи* до самой первой башни, гдѣ пушечная пальба со всѣхъ *раскатовъ* (батарей) произведена была одинъ разъ, провожалъ торжественно. При второй башнѣ ду-

ховенство съ церковнымъ клиросомъ встрѣтило и препроводивъ въ церковь Божію, начало должной благодарственной молебенъ пѣть, по окончаніи котораго, съ позволенія кошеваго, съ *моздѣровъ* możdzierz, пушка) и по раскатамъ опять выстрѣлы, учинены, для окончанія церемоніи».

ГЛАВА II.

СМЕРТЬ КРЫМЪ-ГИРЕЯ-ХАНА. ОБЕЗОРУЖЕНІЕ НОГАЙЦЕВЪ. ПОБѢДЫ РУМЯНЦОВА. ВЗЯТІЕ БЕНДЕРЪ ГРАФОМЪ ПАНИНЫМЪ. ЗАПОРОЖСКАЯ КАМПАНІЯ 1770 ГОДА.

Крымъ-Гирей-Ханъ, окончивъ столь успѣшно свой страшный наѣздъ на Елисаветградскую провинцію и видя приближеніе Русскихъ армій съ востока и сѣвера, бросилъ Новороссійскія степи и удалился въ Буджакъ, въ свой ханскій удѣлъ — Каушаны, не желая вовсе основать себѣ резиденцію внутри Крыма. Тамъ собравши остатки Едисанской и всю Буджакскую орду Ногайцевъ, ожидалъ дальнѣйшихъ повелѣній Порты, — какъ внезапно сначала жестокая болѣзнь съ меланхоліею, а вскорѣ и самая смерть, его постигшая, лишила Порту самаго жаркаго витязя. Его племянникъ и преемникъ Девлетъ-Гирей III Ханъ, сынъ Арсланъ-Гирея-Хана, хотя немедленно

явился въ Буджакѣ, но онъ ни Ногайцамъ, вовсе его нелюбившимъ, ни Туркамъ, по своей совершенной неопытности въ военномъ дѣлѣ, ничѣмъ не могъ быть полезенъ, особенно въ столь важную эпоху. Вскорѣ нестройныя толпы его, разбитыя вездѣ Русскими войсками, разбѣжались, а онъ лишенъ престола и сосланъ въ обычное мѣсто изгнанія — Румелію, гдѣ многіе годы еще тянулъ свое безполезное поприще. Его ханство отдано другому претенденту, Капланъ-Гирею II, сыну Селимъ-Гирея II, царствовавшаго въ Крыму съ 1743 по 1748 годъ.

Кампанія 1770 г. была очень блистательна и знаменита для Русскаго оружія и положила начало тому основному разрушенію, которому вскорѣ, хотя и постепенно подверглось Оттоманское владычество въ здѣшнихъ мѣстахъ. Первый ударъ, какъ мы сказали выше, сдѣлалъ князь Голицынъ взятіемъ Хотина и преслѣдованіемъ Турецкой арміи за Прутъ, которыхъ послѣдствіемъ было занятіе Яссъ, Букареста и обоихъ княжествъ, гдѣ духовенство съ крестомъ и евангеліемъ, а народъ съ клятвою преданности Россійскому престолу приняли корпусъ генералъ-поручика Эмина (16-го Сентября 1769). Въ тоже время корпусъ генералъ-лейтенанта графа Витгенштейна успѣшно дѣйствовалъ въ Буджакѣ и даже Оргѣевскомъ цынутѣ восточной Молдавіи, но въ 1769 г. въ военномъ отношеніи сдѣлано было еще очень мало. Крѣ-

пости: Очаковъ, Кинбурнъ, Енидуня въ Хаджибейской бухтѣ, Аккерманъ, Килія, а тѣмъ паче Бендеры и Измаилъ были въ рукахъ Турецкихъ. Ханъ Крымскій съ главнѣйшими своими ордами, Некрасовцами и частію Крымцевъ, великій визирь съ огромною Турецкою, тогда еще страшною арміею и Янычарами, т. е. лучшею во всей Европѣ пѣхотою, готовы были открыть военныя дѣйствія на своей землѣ; тогда какъ Россія въ двухъ арміяхъ не могла выставить въ поле и 60,000 чел. съ козаками и Донцами, дѣйствуя въ непріятельской землѣ или въ пустыняхъ Запорожскихъ, гдѣ все, что было заселено, Ногайцы превратили въ пепелъ и развалины. Все это принявъ во вниманіе, легко понять, какъ труденъ предстоялъ подвигъ и Панину и Румянцову, неимѣвшимъ на Черномъ морѣ ни флота, ни даже другихъ транспортовъ, кромѣ древнихъ Запорожскихъ лодокъ, — бѣдныхъ соперниковъ противу линейныхъ кораблей и фрегатовъ Оттоманскихъ.

Но Русскій Богъ великъ, Русское оружіе могущественно! Не прошло года, не наступила еще зима 1770 года, а уже двѣ великія побѣды, одна 7 Іюля на устьи рѣч. Ларги (въ Хотинск. уѣздѣ нынѣшней Бессарабіи), въ которой Девлетъ-Гирей-Ханъ предводительствовалъ и былъ побитъ на голову,— за что, какъ мы сказали выше, и ханскаго достоинства навсегда лишился; другая гораздо важнѣе произошла 31 Іюля, близъ устья р. Кагула

въ озеро этого имени и озера Ялпухъ (Кагульск. уѣзда Бессараб. обл , близъ станціи Волконешты и Трояноваго-Вала), въ которой участвовали со всею арміею великій визирь, Янычаръ-Ага нѣсколько пашей и тотъ же несчастный Девлетъ-Гирей. Эти двѣ битвы, коихъ послѣдствіемъ было взятіе Измаила и бѣгство визиря съ остатками войска за Дунай, положили прочное основаніе Русскому владычеству на югѣ Имперіи. Оставалась Бендерская крѣпость, но и та искусною и храброю осадою графа Панина и штурмомъ съ 15-го на 16-е число Сентября была взята, и весь Буджакъ предался Русскому скипетру.

Въ этой достославной кампаніи участвовали и Запорожцы, что видно какъ изъ многихъ ниже приводимыхъ нами *меморіаловъ*, въ архивѣ Коша найденныхъ, такъ и изъ Высочайшихъ похвальныхъ грамматъ и наградъ, этому войску пожалованныхъ. Они составляли авангардъ корпуса князя А. А. Прозоровскаго, дѣйствовавшаго въ теченіе 1770 г. въ тылу 2й арміи, для маскированія крѣпостей: Очакова, Кинбурна и Хаджибея, и занятія постовъ отъ Днѣпровскихъ пороговъ до Днѣстровскаго лимана. На этомъ огромномъ пространствѣ степей, балокъ и лимановъ, Запорожскіе козаки были какъ дома и подобную предкамъ своимъ вели свою «одвѣчную» партизанскую войну. Впрочемъ видно, что Запорожцы скучали за тѣми почти баснословными битвами, въ которыхъ столь-

ко славы пріобрѣтали Русскія войска. Вотъ что писалъ одинъ изъ самыхъ заслуженныхъ старшинъ, бывшій судья войсковый Павелъ Головатый, къ своему преемнику въ Сѣчи Николаю Тимофѣевичу изъ одной ставки въ Едисанскихъ поляхъ: «Доходятъ (догадываются) многіе и того, «что князь Прозоровскій намѣревается съ Калмы-«ками и регулярствомъ на ту (Бессарабскую) сто-«рону Днѣстра итти, а насъ здѣсь на Тилигулѣ «оставить.... Но намѣреніе у насъ такое: ежели «князь за Днѣстръ впрямъ итиметъ и насъ остав-«лять здѣсь будетъ, то мы хотя часть войска на-«шего намѣрены туды же послать». (31 Іюля 1770).

Получивъ по Высочайшей волѣ ордеръ графа Панина о выступленіи изъ Сѣчи «по первой травѣ къ сторонѣ Очакова», Кошъ раздѣлилъ свое войско на 3 неровные отдѣленія. Главный отрядъ подъ начальствомъ самаго кошеваго и всей старшины съ клейнотами и походнымъ кошемъ отправился въ команду князя Прозоровскаго; въ немъ было старшинъ и конныхъ Запорожцевъ 7,352 ч. съ 15,000 лошадей. Другой *Низовой*, т. е. на флотиліи отрядъ, надъ начальствомъ войсковаго старшины Третьяка и 2 полковниковъ на 40 судахъ имѣющій 2,391 пѣхотныхъ козаковъ съ 38 лодочными фальконетами, спустился по Днѣпру до самаго лиману и не смотря на Очаковскія укрѣпленія занялъ тамъ хорошую позицію, для содѣйствія сухопутному товариству. Третій, наконецъ, отрядъ, назначенный къ

корпусу генералъ-поручика фонъ-Берга, состоялъ подъ командою войсковаго старшины Порохни, имѣвшаго при себѣ въ сѣверныхъ степяхъ Таврической губ. 603 конныхъ Запорожцевъ и на отводныхъ караулахъ или на постахъ 392 конныхъ и пѣшихъ козаковъ. Слѣдственно Запорожцы выставили въ поле 10.738 коннаго и пѣшаго товариства съ 20,000 почти лошадей.

20 Апрѣля 1770 г. отрядъ кошеваго выступилъ въ поле и слѣдуя по данной инструкціи до Гарду на Бугѣ, переправился на Татарскую сторону и сталъ таборомъ «въ Черталахъ» т. е. на устьи въ Бугъ рр. Сухой и Мечетной Черталы, — гдѣ нынѣ дачи м. Кантакузовки. Отсюда Кошъ посылалъ партіи своего товариства на *подъѣздъ*, т. е. поиски противъ непріятеля. Командиру флотиліи *Данилѣ Третьяку* назначено было урочище *Цари-Комышъ* или *Бринза-Комышъ* (?), для секретнаго тамъ пребыванія и наблюденія непріятельскихъ движеній на лиманѣ и Черномъ морѣ. Вотъ нѣсколько подробностей о кампаніи этого года.

1). *Меморіалъ Іюня и Іюля мѣсяцевъ.*

«12 дня Іюня въ Субботу по отправленіи литургіи и молебствія о благополучномъ нашемъ въ намѣренной Очаковскій край путешествіи, и о возстановленіи побѣды надъ непріятелемъ, расположивши надъ Бугомъ у *Чертальскаго броду* при старшинѣ войсковому

Павлу Флорову Головатому главный нашъ обозъ, также бунчукъ и большую хорогвь и прочіе войсковые клейноты; съ собою жъ одинъ только прапоръ да литавры взявши, купно съ княземъ А. А. Прозоровскимъ, имѣющимъ въ своей командѣ Борисоглѣбскій (Драгунскій) полкъ, также и нѣсколько сотъ Донцевъ Грекова полку и дикихъ Калмыкъ, помаршировали къ Очакову [1]. При таковомъ маршѣ первой ночи въ первой Чарталѣ по сей сторонѣ оной переночевавши, пойшли рано оттоль къ *Сухой-Черталѣ*, гдѣ при Бугу и ночевали. У Понедѣлокъ же пообѣдавши къ рѣч. *Чичаклеѣ* помаршировали и не доѣзжая оной получили извѣстіе, что 3,000 партія Татаръ въ *Кодыми* (рѣчкѣ) нападеніе сдѣлала на передовыя 2 й арміи войска. И потому къ точному объ ономъ провѣдыванію по Кодыму, съ командою 120 козаковъ Запорожскихъ полковникъ *Иванъ Яблуновскій* отправленъ, а къ остаючемуся въ обозѣ Павлу Флорову за извѣстіе дано знать, чтобъ отъ непріятеля въ обозѣ осторожность имѣлъ. Переѣхавши жъ Чичаклею на горѣ вблизь могилъ, заведши на нихъ пушки, стали и стояли 15 ч. Іюня до вовторника. И возвратившійся полковникъ Яблуновскій привезъ рапортъ, обьявляя, что при чиненіи имъ поиску надъ непріятелемъ никого съ нихъ не видѣлъ. И такъ мы 16 ч. рано у Середу зъ Чечеклеи къ рѣч. *Березани* (Одес. уѣз.) помаршировали.

---

[1] Изъ современныхъ газетъ знаемъ, что въ отрядѣ князя А. А. Прозоровскаго были: Калмыцкое войско, подъ командою маіора *Елагина*, Борисоглѣбскій драгунскій, а также Черный и Желтый гусарскіе, Днѣпровскій пикинерный (т. е. Новороссійское военное поселеніе) и Донцы.

И переѣхавъ оную на вершинѣ и притомъ по надъ оною внизъ не весьма далеко подвигнувсь, расположились и ночевали. Переночевавши жъ, 17 Іюня въ Четвертокъ не очень рано, отправивши впередъ къ Очакову къ поимкѣ языка небольшую Запорожскую партію зъ старшинами войсковыми: *Лукьяномъ Великимъ*, *Алексѣемъ Чернымъ*, да *Софрономъ Чернымъ*, пойшли и сами мы скороспѣшно къ *Янчокраку* рѣчкѣ и до оной до ночи и ночью часовъ съ 2 шли и остановясь едномѣстно, по сей сторонѣ Янчокрака до утра 18 ч. Іюня, т. е. пятка, роздохъ имѣли; а въ той день скоро чрезъ Янчокракъ переправились и обозомъ подъ онымъ стали. Вдругъ и возвратившійся съ партіею Софронъ Черный съ товарищами къ намъ подуспѣлъ и представилъ подъ самымъ городомъ Очаковомъ взятыхъ въ полонъ 10 Турокъ-Янчаровъ, 1 Бошняка и 3 Волохъ и въ добычь рогатаго скота и лошадей нѣсколько штукъ. Убито жъ при взятіи языка Турокъ 26. Дѣлавшая жь за Запорожемъ непріятельская съ Очакова партія погонь, отъ обоза какъ бы верстъ за 8 съѣхавшись съ передовыми Запорожскими козаками, перестрѣливалась и имѣла баталію, при чемъ съ непріятельской стороны свыше 70 чел. въ смерть убито, ранено жъ по обьявленію много, но всѣхъ Турки межъ себе хватали, а нашими взято раненныхъ 2 Турковъ, изъ нихъ едного Очаковскаго Кигасу, именемъ *Ахметъ-Агу* и едного Янчарина. Въ добычь же лошадей, зброи и протчего получено по числу убитыхъ непріятелей, а съ нашей стороны убито одного куреннаго Рогѣевскаго атамана *Охоньку* и 3-хъ Запорожскихъ козаковъ, да ранено 4-хъ чел. и одного живемъ взято. По объявленіи жъ плѣнныхъ

непріятелей, что мало имѣется въ Очаковѣ войска, помаршировали въ обѣденную пору 19 ч. Іюня въ Субботу къ самой Очаковской крѣпости и скоро подъ оную стали подъѣздить, то Турки конные и пѣшіе съ пушками 4-я противъ нашихъ передовыхъ партій вышли и съ ними да и съ отправленными отъ насъ на сикурсъ Запорожскими партіями перестрѣлку и сраженіе имѣли, гдѣ съ ихъ стороны Турковъ нашими Запорожскими козаками 10 чел. убито и ранено много; въ полонъ же ни одного не взято, потому что (раненныхъ) Турецкая пѣхота стоя близко конницы, подхватывала. Съ нашей же стороны на томъ сраженіи едного козака ранено и 2-хъ лошадей тамо, а 3-ю съ Очаковской крѣпости на водопоѣ изъ пушки вбито. И такъ мы отъ Очакова какъ бы за 5 верстъ въ лѣву руку, надъ лиманомъ расположась, послали за извѣстіе объ ономъ 20 Іюня въ недѣлю (Воскресенье) къ графу Панину рапортъ, а «языкъ» Прозоровскимъ въ обозъ нашъ въ Чарталахъ оставленный, отправлено. Тожь полоненнаго Волошина съ письмомъ къ Пашѣ въ Очаковъ, чтобъ склонился хотя посыланно, но что сей возвратившійся Волошинъ обьявилъ яко онъ къ тому приступить не желаетъ, — а добуваннобъ крѣпости; крѣпости жъ безъ осадной артиллеріи что достать не можно, потому оттоль отступя и ночью противъ 21 чис. Іюня пошедъ, уже на свѣтаньи къ Янчокраку наспѣвъ, по сей сторонѣ оной (рѣчки) тамъ же гдѣ стояли и прежде расположившись, отправили за Березань къ вреду непріятеля Запорожскую въ 570 козаковъ партію, при старшинѣ войсковому Алексѣю Черному. А мы 22 у вовторникъ не очень рано въ гору по надъ Березанью на ночь

стали, а переночевавши наспѣлъ Олекса Черный съ партіею и обьявилъ, что доѣзжая до самой рѣчки Тилигула, никого съ непріятелей также и скоту не видѣлъ. И такъ у Середу 23-го числа пообѣдавши, чрезъ Березань переправились и заночевали, а въ Четвертокъ 24-го числа не очень рано поѣхали и къ рѣч. *Царигол*ъ (Одесскаго уѣзда) въ полуденное время прибывъ и надъ оною не переѣзжая расположились и до 27 ч. Іюня стояли, сего же дня пообѣдавши къ рѣч. Тилигулю впадаючему въ Черное море, ниже Очакова (близъ ст. Коблевки Од. уѣз.) пошли. И за приходомъ не переѣзжая Тилигулъ надъ онымъ расположились и стояли до 29 Іюня, т. е. С. Апостолъ Петра и Павла, котораго дня князь Прозоровскій со всѣми штабъ и оберъ драгунскими также и гусарскими офицерами въ нашъ лагеръ къ пану кошевому[1] съ поздравленіемъ тезоименитства приходилъ и довольно просидѣвши просилъ къ себѣ пана кошеваго кушать; и ходилъ панъ кошевый вмѣстѣ съ старшинами войсковыми. Мыжъ скоро *полагодившись* (исправясь), кони покульбачили и кони позапрягали. Потомъ заразъ настигли и паны и поѣхали сею стороною Тилигула въ гору: выѣхавши жъ нѣсколько верстъ стали и стояли до 7 числа Іюля. А того числа *рушили* (отправились) къ Днѣстру и слѣдуя ночевали противъ 8 ч. Іюля у рѣч. перваго *Куяльника* (Од. уѣз.), которую рано 8 ч. переѣхавши, стали и до вечера стояли и когда къ оному Днѣстру наближились, то мы съ княземъ и регулярными командами продолжая назадъ поважный маршъ,

[1] Имянинннику Петру Ивановичу Калнишевскому.

впередъ Запорожскія партіи отправили, кои бывъ въ селахъ и возвративсь, представили въ Кошъ ясыру Волошскаго, рогатого скота, коней и протчаго не мало; другогожь послѣ того дни будучи въ мѣстечкѣ *Аджидерѣ* (противъ Аккермана, нынѣ Овидіополь) и получа тожъ не малую добычь, хотя тамъ изъ непріятеля никого не застали, а ушелъ весь въ Бѣлгородъ (Аккерманъ); однакъ подошедъ къ намъ на судахъ, изъ пушекъ перестрѣливался и нашими пораженный опять возвратился назадъ безъ нашего урону, кромѣ съ его стороны. Послѣ чего предавъ огню оное мѣстечко и къ крѣпости *Аджибейской* (гдѣ нынѣ Одесса) маршируя, тожъ и во многихъ же еще селахъ ясыру и добычи не мало получили, а когда 13 Іюля по подступленіи подъ ту крѣпость изъ нашей артиллеріи пальбу на оную произведено и форштатъ сей крѣпости взятъ, въ такомъ случаѣ запершихся въ каменной избѣ Турокъ 14 чел. убито и 1 живемъ взято. А дѣйствовавшихъ при приступѣ на крѣпости артиллеріи Турковъ, съ мѣлкаго ружья Запорожскими козаками убито. 5 чел. сколькожъ ранено настоящаго числа неизвѣстно, но много. Запорожскихъ же козаковъ вбито 10 чел., въ томъ числѣ и атамана Звонецкаго (куреня) *Шапарця*, а ранено 27. И такъ, что сей крѣпости по ея весьма изъ каменя оградою укрѣпленія, не находя способу мѣлкими нашими пушками достать, отступили».

Объ этой экспедиціи съ похвалою упомянулъ графъ Панинъ въ слѣдующей реляціи ко Двору, напечатанной въ Петербургѣ при Сенатскомъ указѣ 1770 г. Августа 6-го: «Генералъ князь

Прозоровскій особливо выхваляетъ оказанную въ семъ случаѣ храбрость Запорожскаго войска, ибо когда застигнутые партіями его Турки изъ гарнизона замка (Хаджибейскаго), въ нѣсколькихъ десяткахъ кинулись въ крѣпкія предмѣстья его домы и, отстрѣливаясь, оборонялись до послѣдняго отчаянія, оное войско, не взирая на производимую какъ изъ замка, такъ и съ судовъ гавани его пушечную стрѣльбу, вошедъ въ тѣ домы приступомъ, ихъ всѣхъ порубило, да и предмѣстье зажгло».

Въ тоже время прибывшій съ лодками Запорожской флотиліи, командиръ ея Данило Третьякъ, съ урочища *Кызего* (т. е. *Кизій-Мысъ* на Днѣпрѣ, близъ сѣвернаго Днѣпровскаго гирла, именуемаго отъ того *Козельмыцкимъ* въ Херс. губ.) доносилъ Кошу о своихъ подвигахъ. Въ рапортѣ полученномъ 2 Августа 1770 г. писалъ онъ судьѣ: «Посланная на непріятельскія стороны и подъ Кинбурнъ отъ здѣшней команды партія для поимки языка, двохъ жителей да Янчарина Кинбурнскихъ, при двухъ коняхъ и четырехъ волахъ поймала... При поимкѣ жъ онаго языка много съ выскочившимъ съ Кимбора непріятелемъ точили (*точить*, съ Польск. toczyć, вести) войну, токмо слава Богу, что кромѣ трехъ раненныхъ, убитыхъ съ нашей стороны небыло. А зъ непріятельской стороны нашею партіею не мало побито, почему пришедши къ намъ въ *Кызе* з' Очакова

больше 11 кораблей со всею нашею командою, сильную пушечную баталію чрезъ цѣлый день 15 ч. (Іюля) продолжали, но помощію всемогущаго Творца и счастіемъ милостивѣйшей Монархини и вельможности вашей, непріятель получилъ отъ насъ на сраженіи оной баталіи уронъ непріятельскаго своего войска до 30 чел. убитыхъ, и съ разбитыми нашею командою тремя кораблями съ безчестіемъ въ свои мѣста прогнанъ; зъ нашей же стороны только едного Тимошевскаго куреннаго (козака) въ смерть убито, да едну куреня Батуринскаго нашу пушку между пальбою рознесло. Вельможности вашей съ покорностью просимъ: чи не можна насъ снабдить и двомя хочай пушками, бо̀льшими отъ имѣющихся у насъ пушокъ, чтобъ можно непріятеля на водѣ не пуская до себе вблизь, съ далеку бить; бо безъ такихъ пушокъ крайне намъ есть съ великою нуждою, яко имѣющіяся у насъ пушки очень близко допускаютъ приступъ до насъ непріятельскій».

Кромѣ того Третьякъ просилъ дать ему для отправленія службы Божіей священника и холста для постройки походной церкви. Кошъ послалъ имъ одного Межигорца (іеромонаха) и готовую палатку, т. е. походную церковь, бывшую послѣ въ *Мѣловомъ* (Камянномъ-Базарѣ) до постройки тамъ настоящаго храма.

Замѣчательно, что одинъ пикетъ съ команды Третьяка захватилъ даже близъ Кинбурна 7 Та-

таръ, которые, какъ открылось, были: сынъ Крымскаго Калги-Султана (преемника престола) *Али-Джанъ-Мурза* съ однимъ Джамбуйлуцкой орды «уланомъ» (витяземъ) *Тау-Мурзою* и пятью Ногайскими Татарами своего колѣна, которые соскучась бездѣйствіемъ Калги-Султана въ Крыму, бѣжали тайно изъ Козлова и направлялись къ Бендерамъ, въ команду Девлетъ-Гирей-Хана. Плѣнные посланы были къ главнокомандующему «для языка», а добыча въ Сѣчь для сохраненія и раздѣлу.

2). *Меморіалъ экспедиціи главнаго отряда въ Сентябрѣ и Октябрѣ 1770 года.*

«9-го Сентября въ четвертокъ, по отправленіи молебня валъ вечеръ вмѣстѣ съ Е. С. А. А. Прозоровскимъ, также регулярными полками и Запорожскимъ войскомъ къ Очакову, чтобы чинить поискъ надъ непріятелемъ, восприняли маршъ. И по прибытіи къ опому не вдаль остановивсь заночовали, а въ ранку 10-го числа въ пятокъ отправили наши козачьи партіи къ самому городу Очакову провѣдывать о непріятелѣ. Отъ коихъ присланные къ намъ въ полдень уже полковники *Красовскій* и *Яблуновскій*, когда донесли словеснымъ рапортомъ, что тѣ наши партіи съ выступившею съ Очакова при пушкахъ непріятельскою пѣхотою при трехъ каймаканахъ въ 2,000 и съ конницею въ 3,000 бывшею сражаются, то впередъ къ подкрѣпленію тѣхъ нашихъ партій и еще въ 1,000 чел. при старшинѣ войсковому Павлу Головатому отправивъ, взялись и

мы всѣ войскомъ скоропоспѣшно туда же маршъ, и егда подуспѣли атаковали и какъ конницу, такъ и пѣхоту въ замѣшательство привели, и пушки 3 отбили, а притомъ скоропоспѣшно за нами и слѣдовавшіе фронтами карабинеры, драгуны и гусары, съ ихъ предводителями, то заразъ вся конница на лошадяхъ бывшая и пѣшою сдѣлавшаяся, а притомъ и пѣхота непріятельская такъ вся головою (на голову) выбита съ ихъ непріятельскими начальниками, что ни одинъ изъ нихъ изъ атаки не ушелъ. Кромѣ до учиненія атаки бѣжало было конницы до 30 чел., но погнавшимися за ними отъ Запорожскаго войска старшинами и козаками убито на вздогони нѣсколько человѣкъ. 90 Янычаровъ пѣхоты съ ихъ капитаномъ и байрактарами въ полонъ взято, а получено въ добычь на мѣстѣ сея баталіи три пушки мѣдные, палубъ съ картечами и ядрами, коихъ до всякой по 60 оказалось. Тамъ же знаменъ 11 и перцачь. Булдимковъ же (Турецкихъ ружей), пистолетовъ, сабель, лошадей съ уборами и прочего багажу столь много, елико побитаго непріятеля было. И угнато рогатаго скота, коней, овецъ и верблюдовъ многочисленно. Глѣ на баталіи съ нашей стороны убито Запорожскаго войска куреннаго атамана *Якова Воскобойника* и 5 рядовыхъ козаковъ. А ранено весьма легко Запорожскихъ войсковыхъ старшинъ: *Ивана Бурноса* и *Филиппа Стигайла*, атамана Переяславскаго (*Михаила Дехтяра*) и рядовыхъ козаковъ 23. И что больше уже къ намъ непріятель не выходилъ съ Очакова, хотя мы съ Е. С. княземъ къ городу подъѣхавъ, до ночи простояли. Потомъ благополучно въ свой при Бугу обозъ возвратились и отправили полоненниковъ (плѣн-

ныхъ) къ князю Прозоровскому, — а знаменъ 4 и въ презентъ *булдрытку* (?) и саблю изъ добычнаго въ Бендеры къ графу Петру Ивановичу Панину съ Павломъ Флоровичемъ (Головатымъ)».

Въ это время, какъ мы сказали выше, вся Турецкая армія, побитая дважды въ Бессарабіи, бѣжала за Дунай и Румянцовъ погнался за нею. Ханъ Крымскій съ небольшимъ остаткомъ свиты помчался по направленію къ Очакову, желая пробраться на полуостровъ. Главнокомандующій далъ знать о томъ Запорожцамъ, а кошевый приказалъ командиру низовой флотиліи усугубить свою осторожность и стараніе къ преслѣдованію столь важнаго гостя нашихъ степей. По этому случаю Данило Третьякъ изъ своей главной квартиры писалъ въ Сѣчь: «Я съ командою своею и старшинами къ устью Очаковскаго лиману, къ недопущенію чрезъ лиманъ хана на Крымскую сторону дѣлать перепоны отправлялся, гдѣ подъ Кинбуромъ посыланною командою (что хана на Крымскую сторону еще не перепущено), Божьею помощью только у непріятеля провожаючаго въ Крымъ «ясыръ» Волоховъ, Жидовъ и Турковъ, мужеска и женска пола 673 души отбито». (11-го Сентября 1770). Въ другомъ рапортѣ, полученномъ въ Сѣчи 6 Октября, пишетъ Третьякъ судьѣ Николаю Тимофѣевичу: «21 Сентября отъ здѣшней команды партія на непріятельскія стороны посылана была подъ Кинбуръ, гдѣ помощію

Божіею, счастіемъ же нашей милостивѣйшей Монархини и вельможности вашей, нашею партіею непріятельскую большую команду разбито; при якомъ разбитіи много съ непріятелей побито, а прочія непріятельскія партіи отъ храбрыхъ команды нашей поступокъ моремъ едва могли спастись, съ коихъ трехъ взято только для *явственнаго языка*, съ которыхъ одного г. кошовому атаману П. И. Калнишевскому, а двохъ въ третью армію къ Е. П. генералъ-поручику Максиму Васильевичу *Бергу* отправлено [1]. А зъ нашей стороны счастіемъ вельможности вашей убитыхъ ни единаго нѣтъ, ранено жъ одного Левушковскаго (куреня) козака». (26 Сентября 1770). Но едва онъ успѣлъ отправить этотъ рапортъ, какъ получилъ вновь приказъ: послать сперва партію подъ Кинбурнъ, которая тотчасъ на лодкахъ съ полковымъ старшиною *Быстрицкимъ* отправлена, а послѣ и самому съ остальными козаками на лодкахъ туды же поспѣшить, ибо не смотря на всѣ предосторожности, ханъ Крымскій изъ уроч. *Султановки* успѣлъ на Кинбурнскую сторону пробраться. Вотъ реляція объ этомъ новомъ подвигѣ Низовой пѣхоты: «25 Сен-

---

[1] Генералъ-поручикъ Магнусъ фонъ-Бергъ (козаками въ превосходной степени *Максимомъ* «maximus» называемый), командовалъ третьею арміею, наблюдавшею со стороны сѣверныхъ степей Тавриды за движеніемъ Крымскихъ войскъ, запертыхъ, такъ сказать, въ полуостровѣ. Его квартира, какъ и въ 1769 г., была на р. Молочныя-Воды (Мелитоп. уѣзда).

тября съ цѣлою командою мы на Крымскомъ степу невдаль Кимбура съ перевезшимся съ Очакова въ Кимбуръ и бѣжавшимъ въ Крымъ ханомъ, имѣли сильную ружейную и пушечную баталію зъ рана до полудня и много зъ непріятелей и непріятельскихъ лошадей побито, а едного въ языкъ поймано. Зъ нашей же стороны одного въ смерть убито, а 6 ранено. При чемъ нашею командою въ добычь получено знаменъ 2, палицу сребромъ, а по частямъ и лазоремъ всю подъ позолотою оправлянную; знаковъ военныхъ 5, лошадей зъ вьюками до 100, да и прочихъ вещей и посудовъ много. Зъ которой добычи знаменъ 2, палицу, воинскіе знаки и взятый въ плѣнъ Татаринъ къ Е. В. г. кошевому отправленъ». («Съ Прогноевъ. 26 Сентября 1770»).

Это отважное, хотя и неудачное дѣло, въ которомъ мелкій отрядъ Запорожской пѣхоты съ самимъ ханомъ Крымскимъ (хотя Девлетъ-Гирей и Капланъ-Гирей были только тѣнью Крымъ-Гирея), столь восхитило Запорожское товариство, что войсковой судья отъ имени кошеваго и всего войска послалъ слѣдующую похвальную граммату «Данилѣ Третьяку съ полковниками и всѣми на *Низу* козаками» [1].

---

[1] Съ Третьякомъ были полковники: *Тимошъ Сукуръ*, *Якимъ Величко*, полковые старшины: асаулъ *Семенъ Быстрицкій* и писарь *Михайло Шридель*.

«Съ полученнаго нами въ 26 день Сентября Вашего рапорта, видимъ мы живые Ваши, предкамъ нашимъ подобные, въ разбитіи непріятеля подъ его городомъ Кимбуромъ къ конечной славѣ и въ потомные роды похвалѣ примѣры. Ревность ваша и усердіе къ умноженію войску Запорожскому Высочайшаго Е. И. В. благоволенія, — разбитіе сего и прошедшаго лѣта на морскихъ суднахъ, сего врага силъ, полученіе добычь и ясыра суть неоспоримыя тому доказательства и дѣлаютъ насъ немало къ Вамъ довольными. Почитая Васъ и съ компаніею (отрядомъ) вашею отъ большаго до найменьшаго за прямыхъ нашихъ собратевъ и товарищество, рекомендуемъ и впредъ для поссесіи противъ онаго наслѣднаго, нашему благочестивому отечеству злоненавистника, поражать его всегда съ твердымъ и крѣпкимъ духомъ. Себя жъ обязанныхъ считаемъ, гдѣ только надлежитъ взнесть къ вящшему Вамъ призрѣнію и чести, — чего предъ цѣлымъ войскомъ Вы справедливо достойны». (Октября 9, 1770 г.)[1].

Между тѣмъ кошевой съ похода распорядился, чтобы побитымъ въ сраженіяхъ старшинамъ и козакамъ, коихъ было уже 51 чел., сдѣланъ былъ поимянный списокъ и отправленъ въ Сѣчь для отслуженія въ Покровской церкви соборной панихиды, чтобы имена ихъ на особой таблицѣ выставлены были для всеобщаго уваженія, а также

[1] Этотъ документъ написанъ такъ несвязно и такъ много въ черновой бумагѣ перемѣнъ и поправокъ сдѣлано, что мы должны были его сократить и почти сложить на ново.

чтобы въ этомъ храмѣ и во всѣхъ Запорожскихъ церквахъ были совершiаемы и на будущее время годовыя поминовенія.

На счетъ отбитаго Третьякомъ *ясыра* сдѣлано слѣдующее распоряженіе: «Волоховъ поселить въ Кодацкомъ вѣдомствѣ, (гдѣ они и составили особое селеніе, до сихъ поръ существующее подъ названіемъ *Волосскихъ хуторовъ*), а Евреевъ, если окрестятся, оставить въ предѣлахъ войска; тѣхъ же, кои не захотятъ оставить своей вѣры, оставить до выкупу въ Кодакахъ, а по полученіи отъ нихъ выкупу отправить въ крѣп. Св. Елисаветы». На счетъ Турокъ и Татаръ, какъ военноплѣнныхъ, до окончанія кампаніи распоряженіе не дѣлано.

По случаю приближенія осени Кошъ отправилъ въ Сѣчь больныхъ и раненныхъ подъ прикрытіемъ приличнаго конвоя и съ нимъ отослалъ и скотъ добытый у непріятеля, коего число составляло 3,000 слишкомъ головъ, со множествомъ возовъ нагруженныхъ оружіемъ, сбруею и *богажемъ* непріятельскимъ.

Но въ то самое время, когда столь живо и богатырскими шагами Русская армія на всякомъ шагу поражала непріятеля, Русскій полководецъ графъ Петръ Ивановичь Панинъ совершилъ дипломатическій подвигъ, едвали не стольже важный, по своимъ послѣдствіямъ, какъ битвы на

Ларгѣ и Кагулѣ. Объ этомъ важномъ событіи разскажемъ здѣсь съ нѣкоторою подробностью.

Уже въ I-й части настоящаго труда нашего упомянули мы о состояніи и внутреннемъ составѣ ханства Крымскаго, присовокупивъ, что Ногайскія орды, на степяхъ Таврической и Херсонской губ., въ Буджакѣ и Таманскомъ округѣ (землѣ Черноморскаго войска) кочуюшія, были главною его силою въ военное время, ибо Татаръ Крымскихъ было очень мало и къ войнѣ уже они охоту потеряли. Эти орды были истинною язвою Южной и Западной Россіи, производя въ теченіи 4-хъ столѣтій тѣ безконечные и страшные наѣзды и опустошенія, о которыхъ лѣтописцы Русскіе и Польскіе въ столь преувеличенномъ видѣ передали намъ повѣсть подъ именемъ нападеній «царя Прекопскаго», хана Крымскаго или даже «Кипчакскаго». Въ древнія времена (въ XIV стол.) было ихъ, по сказанію самихъ Ногайцевъ до 300,000 семействъ, что впрочемъ слишкомъ много; но въ половинѣ XVIII стол. оставалось ихъ въ Европѣ до 15,000 семействъ или неболѣе 50,000 или 60,000 душъ обоего пола, раздѣленныхъ на 4 орды или лучше сказать 5 кочевьевъ: *Кубанское*, *Джамбуйлуцкое*, *Едичкульское*, *Едисанское* и *Буджакское*. Между племенами: Кубанской и Джамбуйлуцкой ордъ было много Киргизовъ; въ Буджацкихъ же аулахъ были остатки Едисанскихъ, Джамбулатскихъ, Орумбетскихъ и др. Татарскихъ

колѣнъ. Съ Крымъ-Гиреемъ въ 1769 г. вооружились всѣ почти кочевья и выставили въ поле до 15,000 всадниковъ, къ которымъ присоединился отрядъ Некрасовцевъ или Игнатъ-козаковъ въ 500 чел. и сотни двѣ сейменовъ, большею частію Горцевъ: Черкесовъ и Кабардинцевъ, что составляло родъ гвардіи или тѣлохранителей. Эти Ногайцы, не смотря на отличныя имъ принадлежавшія земли и огромныя стада, подобно всѣмъ кочевымъ народамъ, были въ самой отвратительной нищетѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ казановъ Буджакскихъ, имѣвшихъ уже порядочную осѣдлость и хлѣбопашество. Эта нищета и безпредѣльная преданность Гиреямъ, коихъ считали прямыми потомками и преемниками Чингизъ-Хана, заставляли ихъ желать вѣчной войны наступательной т. е. наѣздовъ и грабежа, и то тайкомъ, безъ провозглашенія разрыва, ибо при малѣйшемъ сопротивленіи, послѣ десяти ружейныхъ выстрѣловъ, всѣ колчаны закидывались назадъ, всѣ пики бросались на землю, — и цѣлая толпа Ногаевъ опрометчиво бѣжала назадъ, часто не зная куда и, слѣдственно, часто попадаясь на встрѣчу другимъ отрядамъ, посланнымъ по ихъ же «тясьмѣ» для пресѣченія имъ обратнаго пути. Ихъ мурзы были въ самомъ явномъ презрѣніи у Татаръ и Крымскихъ и Ногайскихъ, и за исключеніемъ 2хъ, 3хъ родовъ ни чѣмъ не отличались отъ оборванной и и нечистой громады цыганъ. Мы указали выше

примѣры, что шанецъ Цыбулевскій съ 3-хъ аршинным своимъ валомъ и какой то редутъ на Самарѣ, защищаемый 20 чел. Новороссійскихъ пикинеровъ, по цѣлымъ днямъ оборонялся отъ 1,000 и болѣе Ногайцевъ. Возмущеніе Едисанцевъ въ 1758 г. пробудило ненависть и недовѣріе къ нимъ Порты Оттоманской, которая быть можетъ истребила бы ихъ въ конецъ, еслибы не боялась Россіи, противъ которой эти орды составляли передовую и дешевую стражу. Уже дважды правительство Русское помышляло о преклоненіи ихъ на свою сторону или хотя безоружномъ неутралитетѣ, и оба раза это предпріятіе не удавалось, по неизвѣстнымъ для насъ причинамъ. Въ первый разъ Запорожцы въ 1735 г. донесли Кіевскому генералъ-губернатору графу фонъ-Вейсбаху, что «Ногайцы въ высокой протекціи Е. И. В. быть желаютъ». Въ другой разъ хотѣли Ногайцы сами предаться Россіи (въ 1758 г.) во время владычества въ Крыму несчастнаго Халимъ-Гирея-Хана, когда интригами Крымъ-Гирея Едисанская и Буджакская орды, поднявъ бунтъ противъ Халимъ-Гирея, предали пламени всю Бессарабію, а послѣ истребивъ взаимно свои кочевья, покорились съ тѣмъ, чтобы Крымъ-Гирей замѣнилъ его на ханствѣ. Тогда то они угрожали присланнымъ отъ Порты коммисарамъ, что если ихъ требованіе на счетъ Крымъ-Гирея не будетъ исполнено немедленно, то они всѣ перейдутъ Бугъ и предадутъ себя «подъ ру-

ку Е. И. В. Русской Монархини». Въ 1768 г. осенью главный командиръ Новороссійскаго края генералъ-аншефъ Воейковъ посылалъ Запорожскаго войсковаго толмача *Андрея Константинова*, знавшаго близко многихъ Ногайскихъ мурзъ и старшинъ, въ кочевья Едисанской орды, особенно на Тилигулѣ и Куяльникахъ пребывавшія, чтобы преклонить ихъ на Россійскую сторону, но это дѣло не вдругъ увѣнчалось желаемымъ успѣхомъ отъ страха Турецкихъ войскъ, значительно усиленныхъ тогда въ Бендерахъ, Очаковѣ и Аккерманѣ, а болѣе по причинѣ надежды Татаръ на возвращеніе изъ заточенія любимаго ихъ героя Крымъ-Гирея. Но безуспѣшный наѣздъ на Новосербскія села, внезапная смерть этого хана и страшное пораженіе Турецкой арміи въ Іюлѣ 1770 г. на р. Ларгѣ и въ Кагульской битвѣ, поколебали всю вѣру Ногайцевъ въ могущество и покровительство Порты. Осада же Бендеръ, во время которой Турки, бѣжавъ за Дунай, оставили ихъ однихъ въ Буджакѣ, указали несчастнымъ ордамъ все ихъ ничтожество и все безсиліе новаго хана, долженствовавшаго, какъ преступникъ, спасаться бѣгствомъ въ Крымъ, гдѣ его ждало немедленное низложеніе и изгнаніе.

Мудрый полководецъ и мужъ совѣта графъ Панинъ, предвидѣлъ все это и еще въ Октябрѣ 1769 г. объяснивъ Кошу состояніе Ногайскихъ ордъ, изнуренныхъ войною и голодомъ, предло-

жилъ ему услужить отечеству въ этомъ важномъ предпріятіи. « Какъ Запорожское войско, писалъ онъ Калнишевскому, имѣетъ въ себѣ разныхъ націй и языковъ людей, то несумнѣнно могутъ выбраться изъ онаго надежные и острые, съ знаніемъ Татарскаго и Турецкаго языковъ и всѣхъ жилищъ ихъ основанія и нравовъ, по сосѣдственному съ ними въ мирное время обращенію, то предъ Е. И. В. оказалобъ оно знаменитую услугу, еслибъ по 2 или 3 чел. послано въ Крымъ и Буджацкую орду, подъ видомъ дезертированія или подъ другимъ предлогомъ, съ тѣмъ, чтобы узнать настоящее Ногайской орды умовъ расположеніе и еслибъ примѣтили (какъ это уже извѣстно о Буджацкой ордѣ), что они въ крайнемъ на Порту неудовольствіи и негодованіи, то въ такомъ бы случаѣ оное негодованіе своими внушеніями увеличивали и увѣряли орды, что Россійская Монархиня никогда не желала съ Татарами воевать, что и настоящую войну не Россія, а Турція подняла, что наконецъ если они пришлютъ кого нибудь изъ своихъ начальниковъ къ главнокомандующему: съ изъявленіемъ покорности своей Россійскому скипетру, то не только будутъ немедленно отъ всякихъ непріятельскихъ дѣйствій спокойны, но и на всегда останутся освобожденными отъ Турецкаго ига « во « всей своей свободности и волѣ, особымъ наро- « домъ, подъ особливыми собственными законами « и управленіями », — какъ этому имѣютъ Татаре

очевидныя свидѣтельства въ Калмыцкомъ народѣ въ настоящую войну покорившемся». (12 Октября 1770 года).

На столь лестное приглашеніе кошевой почтительнымъ рапортомъ отъ 15 Октября отвѣчалъ, что войско отъ кампаніи и осенней непогоды крайне изнурено, лошади отъ эпидеміи погибли, хлѣба и фуража недостатокъ, — и наивно сознается, что «хотя въ войскѣ Запорожскомъ люде знающіе разные языки имѣются, однакъ по причинѣ нынѣшней опасности, сколько ни старался, но охотниковъ къ поѣздкѣ въ Крымъ и въ Буджакскую орду не отыскалъ». Но Кошъ предложилъ употребить къ тому *языковъ*, т. е военноплѣнныхъ, большею частью Ногайцевъ, которые охотно и безопасно для возвращенія свободы и спасенія жизни, служить въ этомъ дѣлѣ пожелаютъ.

Какъ поступилъ въ этомъ случаѣ графъ Панинъ, въ дѣлахъ Запорожскихъ не видно, знаемъ только что въ этой негоціяціи участвовалъ Запорожскій толмачь и бывшій козакъ Константиновъ, родомъ Грекъ, хорошо знавшій Татарскій языкъ, и что это доброе предпріятіе увѣнчалось совершеннымъ успѣхомъ. Вскорѣ послѣ побѣдъ Румянцова на р. Ларгѣ, въ главную квартиру 2-й арміи, осаждавшей Бендеры, прибылъ 25 Іюля Ногаецъ, Едисанской орды старшина *Тинай-Ага* и привезъ письмо къ графу Панину, подписанное: *Джанъ-Мамбетъ-Мурзою*, изъ Буджакской и

Ислямъ-Мурзою, *Мамай-Мурзою*, *Тимуръ-Султанъ-Мурзою* и *Джаумъ-Хаджи-Мурзою* изъ Едисанской орды. Въ этомъ письмѣ обѣ орды Ногайцевъ изъявляли готовность отторгнуться не только отъ Порты Оттоманской, но и отъ Крыма, лишь бы ихъ приняли подъ защиту Россійскаго престола и отъ бѣдствій войны были онѣ защищены. Графъ Панинъ принялъ благосклонно какъ письмо, такъ и самаго посланца и потребовалъ, чтобы явились къ нему отъ обѣихъ ордъ знатнѣйшіе начальники, въ качествѣ депутатовъ и тогда онъ прекратитъ военныя противъ нихъ дѣйствія. Немедленно прибыли къ нему депутатами уполномоченные: 1) отъ Бессарабскихъ или Буджакскихъ Ногаевъ упомянутый выше начальникъ: *Ханъ-Мамбетъ-Бейнъ-Оглу-Джанъ-Мамбетъ-Мурза* и *Али-Мурзнинъ-Оглу-Чебанъ-Мурза*; 2) отъ Едисанскихъ (всѣхъ колѣнъ: Кучурганскихъ, Куяльницкихъ, Березанскихъ и Буджакскихъ) *Мурза-Бей-Оглу-Мамбетъ* и *Сальманахъ-Оглу-Мехметъ*; 3) старшины (выборные): *Хаджрутунъ-Хаджи* и *Курбанъ-Али-Кюнбаши* отъ Буджакскихъ Ногаевъ и *Тинай-Ага*, *Чабанъ-Ага* и *Мунай-Ага* отъ Едисанской орды Съ заключенными на первый случай кондиціями они отправились въ орды для сообщенія оныхъ Ногайскому народу и собранія всѣхъ нужныхъ подписей. Ногайскія племена съ жаромъ приняли всѣ условія и первоначальный актъ примиренія былъ немедленно обѣими сторонами утвержденъ. *От-*

дѣльный миръ немедленно былъ имъ обѣщанъ, на основаніи котораго вскорѣ и весь Буджакъ орды очистили, переправясь за Днѣстръ и на степяхъ Едисанскихъ отъ р. Царигола (Од. уѣз.) до Чернаго моря кочевьями расположились, ожидая дальнѣйшихъ приказаній. Графъ Панинъ исполняя данное имъ обѣщаніе, 2-го Августа далъ слѣдующій ордеръ князю Прозоровскому:

«Въ слѣдствіе полученнаго мною, на мои письма (вѣроятно съ упомянутыми плѣнными Ногайцами посланныя) отъ знатнѣйшихъ Едисанскихъ и Аккерманскихъ мурзъ отзыва, В. С. наиприлежнѣйше рекомендую тотчасъ по полученіи сего, во всемъ вашему предводительству порученномъ войскѣ найстрожайше запретить, чтобъ перешедшимъ за рѣку Днѣстръ и на лѣвомъ берегу оной между *Желтыхъ-Водъ* (Сары-гёлъ, т. е. Цариголъ) и моремъ расположившимся Ногайцамъ отнюдь никакого непріятельства не оказывать и поиска надъ онымъ не чинить, подъ опасеніемъ жесточайшаго штрафа. А еслибъ паче чаянія съ Ногайской стороны по переходѣ уже «Желтыхъ-Водъ», впадающихъ въ Днѣстръ (?), т. е на правомъ берегу оныхъ, какой поискъ надъ форпостами подчиненныхъ вамъ войскъ, учиненъ быть имѣлъ нападеніемъ на оные, въ такомъ обстоятельствѣ надлежитъ достаточное дѣлать сопротивленіе, но и въ семъ послѣднемъ случаѣ крайнюю взять предосторожность, дабы отъ какого нибудь недоразумѣнія, непріятности воспослѣдовать не могли»...

Князь А. А. Прозоровскій сообщилъ этотъ ордеръ Кошу Запорожскому, который располо-

жился было на устьѣ Тилигула для корма лошадей, а самъ поставилъ таборъ свой на Куяльникѣ (по срединѣ между козаками и Ногайцами) для точнаго исполненія приказаній главнокомандующаго.

Переговоры окончились успѣшно; два сряду письма 5 и 7 Августа подписанныя — первое: подъ начальствомъ Джань-Мамбетъ-Мурзы, 28 Буджакскими и 24 Едисанскими мурзами, второе 10 знатнѣйшими Едисанскими и 11 Буджакскими мурзами. Къ нимъ присоединился наконецъ и самъ Буджакскій сераскиръ *Бахты-Гирей-Султанъ*, но вскорѣ ушелъ опять къ Туркамъ, а Ногайцы во всемъ наставляемые и предводимые благоразумнымъ и вѣрнымъ *Джанъ-Мамбетъ-Мурзою* Буджакскимъ, прислали вторую депутацію, составленную изъ *Ханъ-Мамбетъ-Мурзы*, *Мамбетъ-Шахъ-Мурзы*, *Козакъ-Мурзы*, и старшинъ: *Типишь-Аги*, *Сатли-Аги*, *Антакай-Аги*, *Акъ-Мамбетъ-Аги*, *Бешлели-Аги* отъ Буджацкихъ и *Islamъ-Мурзы*, *Тенисъ-Мурзы*, *Бей-Мамбетъ-Мурзы* и старшинъ: *Тинай Аги*, *Акли-Аги*, *Душембы-Аги*, *Эльбулдуг-Аги*, *Агали* и *Аги-Эфенди* отъ Едисанскихъ Ногаевъ [1]. Кромѣ того отъ всѣхъ колѣнъ съ подарками главнокомандующему прибылъ: *Султанъ-Али-Мурза*, *Калай-Мула* и *Зеджетъ-Кемай-Мурза*. Взаимно графъ Панинъ въ знакъ дружбы и братскаго союза съ новыми соотече-

[1] Да простятъ мнѣ читатели эту длинную номенклатуру. Вспомнимъ, что теперь Ногайцы Русскіе подданные, а ихъ мурзы Русскіе

ственниками отпустилъ имъ, по ихъ просьбѣ, изъ взятыхъ въ плѣнъ въ эту кампанію 809 Ногайцевъ об. пола.

Между тѣмъ зима приближалась и надобно было думать о помѣщеніи Ногайцевъ въ такомъ краѣ, гдѣ бы Турецкія деньги и лазутчики, особенно же полунищіе и праздные Румелійскіе султаны изъ рода Гиреевъ, не могли ихъ возмутить. Немедленно послѣ взятія Бендеръ и окончательнаго завоеванія Буджака, главнокомандующій распорядился о переходѣ Ногайцевъ не только за Бугъ, но даже и за Днѣпръ, дабы ихъ поставить между корпусомъ Берга и Запорожскими границами. По его ордеру князь Прозоровскій приказалъ Запорожскому Кошу, въ его командѣ бывшему, заготовить для переправы Ногайцевъ на Крымскую степь нужное число *дубовъ* и лодокъ подъ управленіемъ искусныхъ козаковъ. Находившійся въ этихъ кочевьяхъ для окончанія такъ называемой «Татарской негоціяціи», статскій совѣтникъ *Петръ Веселицкій* далъ знать, что по Высочайшей волѣ точкою для переправы Ногайцевъ на Крымскую сторону назначены «Кызыкерменскіе городки» (гдѣ нынѣ Бериславль); что ордами управлять будетъ глава (названный владѣтелемъ) Буджацкой орды Джамъ-Мамбетъ-Мурза, что наконецъ для ихъ кочеванія назначены

дворяне; въ этихъ строкахъ найдутъ они лучшій документъ своего древняго и *благороднаго* происхожденія.

степи отъ лѣвой стороны Днѣпра до Калміуса и оттуда до рр. Верхней-Терси и Янчула, слѣдственно самыя сѣверныя части нынѣшней Таврической губ. и Таганрогскаго градоначальства.

Со стороны Запорожья всѣ распоряженія немедленно были сдѣланы. Командиръ флотиліи, храбрый Данило Третьякъ съ 38 лодками и 2,000 козак. и полковникъ его пѣхоты Сукуръ съ 11 лодками или дубами и 165 козаками, съ 24 Октября по 7 Ноября, перевозили Ногайцевъ съ ихъ семействами и стадами, такъ что отъ непогоды и трудности, особенно при переправѣ скота, $^3/_4$ этихъ судовъ погибли. Кромѣ того приняты были мѣры для доставленія имъ нѣкотораго продовольствія, впрочемъ весьма грубаго, ибо Ногайцы, по словамъ Запорожцевъ, «довольствовались мертвою или вовсе негодною скотиною, волами, лошадьми и овцами». О томъ же писалъ кошевой своему намѣстнику въ Сѣчи, судьѣ Николаю Тимофѣевичу: «Татаре, переправившись чрезъ Днѣпръ, будутъ слѣдовать на Песчаный-Бродъ (Новомосковсков. уѣзда Екатериносл. губ.) и на мостъ чрезъ Самарь. Прикажите жильцамъ, чтобъ они тамъ не много *поупрятались,* а имѣли-бъ для продажи они и Новоселичане всякія надобности и съѣстное, потому что сей народъ теперь голодный и голый, а зимовать они будутъ по Калміусу. (3 Октября 1770)». Изъ переписки по сему предмету мы узнаемъ, что съ Джанъ-Мамбетъ-

Беемъ перешло 11,794 души об. п. Ногайцевъ, и что, по его стараніямъ, вскорѣ и двѣ другія орды: Едичкульская, сосѣдственная прежде съ Запорожцами, и Джамбуйлуцкая, близь Перекопа и по Сивашу кочевавшая, къ покорности Русскому престолу готовы были согласиться, что и случилось въ самомъ дѣлѣ. Весьма любопытно письмо Едисанскаго главнаго начальника Эль-Гаджи-Джаумъ-Мурзы къ кошевому Калнишевскому, объ отправленіи въ орды своихъ промышленниковъ, для взаимнаго обмѣна и торговли. «Сей народъ (т. е. Ногайцы, пишетъ онъ) преж-« нимъ Ногайцамъ не подобенъ; прежніе Ногайцы «въ повелѣніи и власти Крымскихъ хановъ были; « сей же народъ съ повелѣнія вашей имперіи въ «близкое новое сосѣдство пришелъ, и съ тобою « дружба вѣчно быть должна »[1].

Между тѣмъ Императрица Екатерина, желая вознаградить войско Запорожское за труды и совершеные имъ въ эту кампанію полезные и храбрые военные подвиги, всемилостивѣйше пожаловала ему слѣдующую милостивую граммату:

«Нашему вѣрноподданному войска Запорожскаго кошевому Калнишевскому съ старшинами и всему войску.

«По Высочайшему Нашему Имянному Императорскаго Величества указу, за оказанные въ прошлую

---

[1] Съ оригинальнаго ярлыка переводилъ войсковый толмачь Андрей Константиновъ. И подлинникъ и переводъ сохранились въ цѣлости.

и нынѣшнюю кампаніи отлично храбрые противу непріятеля поступки и особливое къ службѣ усердіе, Всемилостивѣйше пожаловали Мы Императорское Величество, войска Запорожскаго кошеваго Калнишевскаго золотою медалью съ портретомъ Нашего Императорскаго Величества, осыпанною бриліантами, которая при семъ и посылается».

По Ея И. В-ва указу, генералъ-аншефъ, главнокомандующій второю арміею и разныхъ орденовъ кавалеръ, князь *Василій Долгорукій.*

5-го Генваря 1771 г.
Москва.

Такой же милости и Монаршаго вниманія удостоились слѣдующіе старшины войска Запорожскаго:

Войсковый Обозный *Павелъ Головатый.*
» Писарь *Иванъ Глоба.*
» Хорунжій *Яковъ Качаловъ* [1].
» Асаулъ *Сидоръ Бѣлый.*
» Судья *Николай Тимофѣевъ* (Косапъ).
Войсковые бывшіе судьи: *Иванъ Бурносъ.*
» » » *Андрей Носачъ.*
» » Асаулы: *Андрей Порохня.*
» » » *Андрей Лукьяновъ.*
» » » *Макаръ Нагай.*

---

[1] Въ представленіи о наградѣ Качалова мы нашли слѣдующія замѣчательныя слова: «Хорунжій войсковый большой Всевысочайшей жалованной хоругви, Качаловъ, *по должности сего званія*, впереди къ непріятелю подъѣзжая, дѣйствовалъ и поступалъ съ неустрашимымъ мужествомъ и храбростію, не щадя живота и не закрывая лица своего».

Войсковые бывшіе Асаулы: *Софронъ Черный.*
» » » *Филиппъ Стягайло.*
» » » *Лукьянъ Великій.*
» » » *Алексѣй Черный.*
» » » *Василій Пишмичь.*
и полковый старшина *Проневичъ.*

Всѣ они награждены золотыми медалями цѣною въ 30 червонцевъ, для ношенія на шеѣ на Андреевской лентѣ.

Эти почетныя медали торжественно въ Сѣчевой Покровской церкви, послѣ молебствія, въ присутствіи всего войска надѣты. Къ особенной тоже чести оно приписало себѣ и то пріятное для него событіе, что многіе изъ важнѣйшихъ генераловъ того времени, какъ-то: графъ Петръ Панинъ и князь А. А. Прозоровскій, даже знаменитый астрономъ *Эйлеръ* сдѣлались козаками Запорожскими и въ курени были записаны. И не только они не считали этого для себя унизительнымъ, но даже лестнымъ и почти рыцарскимъ дѣломъ. Вотъ напримѣръ отвѣтъ графа Панина на избраніе его въ козаки Пишковскаго куреня.

«Избраніе и присоединеніе меня въ товариство ваше, знаменитаго издревле, такъ какъ и нынѣ, въ воинскихъ подвигахъ и вѣрности къ Е. И. В. Всемилостивѣйшей Государынѣ и Ея Всероссійскому скипетру, прославившагося Запорожскаго войска, принимая я особливымъ знакомъ вашего ко мнѣ, мои пріятели, усердія и удовольствія, въ нынѣшнемъ моемъ раздѣленіи, обще съ вами, военныхъ подвиговъ, противу не-

пріятеля нашей Всемилостивѣйшей Государыни и Имперіи, — нахожу и собственное свое въ томъ удовольствіе, дабы быть товарищемъ вашего знаменитаго военнаго общества и способствовать своимъ усердіемъ ко всякому тому благосостоянію, которое происходитъ отъ истинныхъ добродѣтелей и отъ честныхъ и достойныхъ поведеній военныхъ, прославившихся заслугами своему скипетру, мужествомъ и храбрыми дѣйствіями людей. Въ чемъ, желаю, да благословляетъ и впредь Господь силъ и вседержитель всѣхъ обществъ, Вышній Творецъ, оружіе, вѣрность и добродѣтельныя намѣренія Запорожскаго войска»! (8 Ноября 1770).

Но къ вящшему сожалѣнію войска, этотъ истинный покровитель и защитникъ Запорожскаго края графъ Панинъ въ концѣ 1770 г. оставилъ армію и уѣхалъ въ Петербургъ. 14 Декабря с г. въ послѣдній разъ писалъ онъ кошевому, что Е. И. В., по его прошенію и по болѣзнямъ, отъ службы уволивъ, армію его поручила генералъ-аншефу князю Долгорукому; въ команду котораго и войско Низовое поступитъ.

11 Октября войско Запорожское сухопутное начало переправляться чрезъ Бугъ, чтобы возвращаться въ домы свои. 21 ч. было на Ингульцѣ, а 23 о своемъ прибытіи и торжественномъ въ Сѣчь вступленіи кошевой писалъ своему намѣстнику, войсковому судьѣ Николаю Тимофѣевичу:

«Я съ войскомъ и артиллеріею сей часъ отдохъ имѣю въ *Пришибѣ* (Херсон. уѣз.) въ Камянкѣ (рѣчкѣ)

близъ зимовника *Третьяковаго*, а отсель въ Базавлукѣ ночевать, а въ Сѣчь о полудни послѣ уже службы Божіей завтрешній день, то есть въ недѣлю (воскресенье) прибыть намѣренъ. О чемъ вамъ чрезъ сіе пріятнѣйше увѣдомляемъ, съ тѣмъ, чтобы вы и прочіе съ службою Божіею, яко пріѣздъ будетъ о полдни, не ожидали. И какъ мы будемъ въѣздить въ городъ Сѣчь, въ первые загородніе ворота, то прикажите изъ пушекъ на валу стоящихъ всѣхъ, зачавъ съ первой башни, что на *Гассанбашѣ*[1], не скоро и порядочно стрѣльбу чинить; отъ той башни скрозь валомъ къ Кущовскому[2], а отъ онаго къ Пашковскому, Деревянивскому (куренямъ) и гдѣ пушки стоятъ по раскатамъ. Чтожъ принадлежитъ до встрѣчи отъ васъ, атамановъ и войска, (оставленнаго въ Сѣчи), то мы сіе оставляемъ на разсужденіе и волю вашу.... Мы слѣдоватымемъ чрезъ Базавлукъ на *Расколупино* или *Рубаново*, а оттоль чрезъ Солону на мостъ, гдѣ посланные отъ васъ могутъ насъ сыскать».

---

[1] Смот. на планѣ Новой-Сѣчи лит. СС. Гасанбашою называлась часть Сѣчи между *Уступомъ* или *Заливомъ* (портомъ) и Подпольною съ лѣвой стороны, гдѣ нынѣшняя часть с. Покровскаго до сихъ поръ именуется *Шамбашъ;* (по Запорожски *Гассанмбаша* называлась *Самбашою*).

[2] Кошевой Калнишевскій былъ изъ Кущовскаго куреня.

ГЛАВА III.

ЗАПОРОЖСКАЯ КАМПАНІЯ 1771 ГОДА. ЭКСПЕДИЦІЯ ДЛЯ ОСМОТРА ДНѢПРОВСКИХЪ И ДУНАЙСКИХЪ УСТЬЕВЪ. ПОДВИГИ КОЛПАКА И ДРУГИХЪ СТАРШИНЪ ЗАПОРОЖСКИХЪ. ЗАВОЕВАНІЕ КРЫМА.

1771.

Зимою съ 1770-го на 1771-й годъ, всѣ старанія Русскаго Правительства были обращены, кромѣ обыкновенныхъ заботъ къ охраненію занятаго уже края посредствомъ регулярныхъ войскъ и козачьихъ аванпостовъ, — къ опредѣленію жилищъ и обезоруженію Ногайцевъ. Уже мы упомянули выше, что вѣрный Мурза-Джамъ-Мамбетъ-Бей успѣлъ убѣдить и остальныя двѣ орды, въ сѣверныхъ степяхъ Тавриды кочевавшія, чтобъ и онѣ отъ Порты отложились и Россійской державѣ предались. Въ это время устроена уже была новая пограничная линія крѣпостей, названная *Днѣпровскою*, (о которой нѣсколько словъ скажемъ ниже) и назначена границею Крымскаго ханства

отъ Россіи, доселѣ весьма неопредѣленною въ натурѣ. Первымъ ея звѣномъ была *Александровская* кр. на Днѣпрѣ, противъ устья впадающей въ него рѣчки *Мокрой-Московки*, (что нынѣ уѣздный городъ Александровскъ, Екат. губ.), а послѣднимъ *Петровская* надъ самимъ Азовскимъ моремъ, вблизи устья рѣчки Берды. По этому-то рубежу, вверхъ по степямъ нынѣшняго Александровскаго уѣзда до рр. Верхней-Терси и Янчула (или Ганчулы), расположены были временныя кочевья Ногаевъ, пока болѣе благопріятныя обстоятельства Крыма не дали потомъ возможности поставить ихъ не много дальше отъ Русской границы, ибо тогда еще эти Татарскія колѣна мало были извѣстны и считались витязями, подобными сподвижникамъ Чингисхана и Тамерлана.

Между тѣмъ въ самомъ Крыму произошли перемѣны: разбитый дважды на Ларгѣ и при Кагулѣ ханъ Крымскій, тайкомъ, съ небольшою свитою бѣжалъ чрезъ Очаковъ на Крымскую сторону, куда бы Запорожцы его и не пустили, если бы гарнизонъ Очаковскій не подалъ ему руку помощи. Но тамъ его ожидалъ фирманъ Порты о низложеніи его съ престола. Селимъ-Гирей III, жившій 7 лѣтъ въ заточеніи, въ своемъ Румелійскомъ чифликѣ, былъ призванъ на ханство. Онъ принялъ всѣ мѣры къ защитѣ, и по сказанію посыланныхъ въ Крымъ Запорожскихъ козаковъ, могъ призвать еще до 60,000 ч.

Турокъ и Татаръ къ оружію; но какъ видно, и половины никогда не было подъ его бунчукомъ, а Турецкій флотъ, занятый графомъ Орловымъ Чесменскимъ на архипелагѣ, не могъ подать ему существеннаго пособія. Побѣды Румянцова и Панина показали всю непрочность Турецкаго могущества и планъ кампаніи 1771 г., на этомъ основаніи составленный, былъ одинъ изъ самыхъ искусныхъ и самыхъ удачныхъ.

Посыланные въ Орды и въ Крымъ лазутчики, особенно по причинѣ дозволенной было торговли, принесли вѣсти самыя благопріятныя для Русскаго оружія, ибо хотя видно было еще сомнѣніе въ вѣрности колеблющагося всегда Ногайскаго народа, — въ самомъ даже полуостровѣ явно двѣ партіи раздѣляли Диванъ: одна желала мира во что бы ни было; другая, боясь Турокъ и любя ихъ деньги, требовала войны. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ и Ханъ-Селимъ-Гирей. — Вотъ что разсказывалъ кади (судья) второй части Едисанской орды, *Озу-Эфенди*, прибывшій въ Сѣчь съ письмомъ къ кошевому отъ одного изъ главныхъ мурзъ Едисанской орды, *Хаджи-Джаума:*

«Опредѣленный для окончанія переговоровъ Россіи съ Ногайцами, стат. сов. Петръ Веселецкій поручалъ ему, Озу-Эфенди, развѣдать старательно о намѣреніяхъ и состояніи Крымскаго народа; почему онъ нарочно въ Крымъ ѣздилъ и по прилежномъ разсмотрѣніи и

распрашиваніи у знаемыхъ ему Ширинскихъ мурзъ[1] освѣдомился, что Крымскій народъ въ намѣреніяхъ и мысляхъ своихъ раздѣленъ на двѣ части: первая состоитъ изъ служащихъ при ханскомъ дворѣ и другихъ чиновниковъ — и та держится Турецкой стороны. Другая партія Ширинскихъ мурзъ, которая больше клонится къ Россійской сторонѣ по примѣру Буджацкой и Едисанской ордъ, и такимъ óбразомъ, одна другую колебля, по очереди преодолѣваютъ безъ малѣйшей надежды на будущее. Отъ Турецкаго султана прибылъ въ Крымъ моремъ Калга-Султанъ, для приведенія этого народа въ прежнее повиновеніе Турецкой Портѣ, на что имѣлъ онъ какъ отъ Порты, такъ и отъ новаго хана Селимъ-Гирея (бывшаго ханомъ въ 1765 году) указы, для прочтенія которыхъ весь Крымскій народъ (бывшій въ Бакчисараѣ) былъ собранъ, и по выслушаніи онаго Калга-Султанъ требовалъ на то отвѣта съ сильнымъ увѣщаніемъ, чтобы тому повиновенію народъ себя подвергъ. Но собраніе все довольное время сумнительнымъ казалось; а наконецъ отвѣтствовало, что оно «требуемаго отъ нихъ повиновенія обѣщать боится, ибо Россійскіе войска въ глазахъ; которымъ сопротивленіе чинить мы не въ силахъ, а отъ Порты никакихъ вспомогательныхъ войскъ ожидать нельзя». На что Калга-Султанъ объявилъ, что нынѣшній ханъ

---

[1] Крымскихъ мурзъ было очень много, но главнѣйшіе изъ нихъ 4 рода, т. е. Ширинскіе, Аргинскіе, Мансурскіе и Барынскіе (Барунскіе) мурзы, составляли Крымскую, такъ сказать, аристократію и извѣстны были подъ названіемъ: *Дöртъ-Караджи* (четыре налога, т. е. четыре тягости для ханства). См. мою статью: *Занятіе Крыма въ 1783 году* въ Журн. Минист. Народ. Просв. 1841. № 4.

и весь его дворъ и съ ними вмѣстѣ сверженные Девлетъ-Гирей и Максудъ-Гирей ханъ съ своими-свитами, (которые одни только изъ всѣхъ Гиреевъ остаются въ Македоніи) и даже 70,000 Турецкаго войска, въ возможной скорости, присоединятся для защиты Крыма»; — но и на то получилъ онъ отъ собранія отвѣтъ, что «Крымскій народъ воевать отказывается, представляя живою для себя опасностію близость Россійскихъ войскъ, и покудова мнимая Турецкая помощь прибудетъ, мы подвергнемся явной гибели». Кромѣ того Озу-Эфенди присовокупилъ, что состояніе Крыма весьма безсильно и скудно; а сверхъ всего, недостатокъ продовольствія всѣмъ ихъ намѣреніямъ препятствуетъ. Пріуготовленій военныхъ, воинскаго запасу и военныхъ орудій вовсе у нихъ нѣтъ и никакихъ военныхъ дѣйствій чинить не могутъ. Укрѣпленія Перекопскія стоятъ безъ починки; ровъ и валъ въ обоихъ концахъ, т. е. отъ моря и Сиваша, почти совсѣмъ сравнялся съ землею, такъ что при послѣднемъ выступленіи Джамбуйлуцкой орды, она не шла на крѣпостныя ворота (что на самомъ рву), но куда хотѣла переправлялась чрезъ валъ и ровъ».

Между тѣмъ комендантъ Александровской крѣпости, бригадиръ *Фредерздорфъ* подалъ князю Долгорукому сомнѣніе на счетъ спокойствія недавно предавшихся Россіи ордъ Ногайскихъ, къ мурзамъ которыхъ отъ Калги-Султана изъ Крыма былъ посыланъ гонецъ; а потому до выступленія въ походъ князь требовалъ отъ Коша вѣрныхъ о томъ свѣдѣній. Посланный въ *Крымскую Ка-*

менку [1], гдѣ производилась мѣновая торговля козаковъ съ Ногайцами, войсковый толмачь Константиновъ, 10 Апрѣля тамъ отъ мурзы аула Единохты Теръ-Мембета и другихъ Татаръ слыхалъ, что изъ Крыма выступилъ за Перекопскую Линію Оръ Бей (Султанъ изъ рода Гиреевъ, главнокомандующій въ Перекопскомъ кадылыкѣ и на Линіи), а съ нимъ изъ семи кадылыковъ, примѣрно до 5,000 чел.; что Едисанскихъ Татаръ, отправившихся въ Крымъ по купечеству, назадъ не отпускаютъ; что Оръ-Бей съ многими Ногайскими мурзами переписывается, и что Джамбуйлуцкая орда, перешедшая къ союзнымъ ордамъ зимою, помышляетъ уже объ измѣнѣ; что многіе изъ сихъ послѣднихъ ордъ мурзы въ Крымъ бѣгутъ. Такъ было вздумалъ поступить одинъ изъ первостепенныхъ мурзъ *Овутъ-Мурза*, собравшійся къ бѣгству въ Крымъ, но отъ того всегда намъ вѣрный союзникъ, Эль Хаджи-Джаумъ-Мурза удержалъ. Самаго «владѣтеля» Едисанскаго, т. е. главы ихъ орды, Джамъ-Мамбетъ-Бея, два брата въ Крымъ отосланы и одинъ изъ нихъ, Орумбетъ-Бей, тамъ и женился. Крымскій Калга-Султанъ съ своимъ войскомъ во всей готовности къ походу находится и скоро выступитъ; но ни хана, ни обѣщаннаго отъ Порты Турецкаго войска, еще

---

[1] *Крыменди-Базаръ*, «Крымскій-Базаръ» — это мѣстность нынѣшняго селенія *Малой-Знаменки*.

нѣтъ въ Крыму. По слухамъ только извѣстно, что нѣсколько Турецкихъ военныхъ кораблей съ войсками слѣдуютъ изъ Анатоліи въ Кефу».

Всѣ эти свѣденія доказали крайнюю необходимость удаленія Ногайскихъ ордъ изъ Крымскаго сосѣдства; а потому правительство, ввѣривъ ихъ въ начальство и управленіе Джамъ-Мамбетъ-Бея, на вѣрность котораго можно было полагаться, перевело ихъ за Донъ на при-Кубанскія степи, гдѣ они дѣйствительно спокойно и въ полномъ повиновеніи оставались до 1783 года. Изъ одного весьма любопытнаго документа, писаннаго самими Ногайцами, въ 7-й день мѣсяца Реба'юль Эввель (въ Февралѣ 1796), видимъ, что этотъ достойный Татарскій мурза до конца своей жизни остался вѣренъ Россійскому Двору и благу своихъ собратій[1].

Кампанія 1771 года была одною изъ самыхъ блистательныхъ для Русскаго оружія. Румянцовъ съ главными силами продолжалъ рядъ своихъ побѣдъ за Дунаемъ; но мы увѣрены, что онѣ слишкомъ извѣстны всякому Русскому читателю, чтобы имѣть нужду въ новомъ и столь неискусномъ описаніи нашемъ. Мы считаемъ естественнѣе заняться безвѣстными подвигами Запорожскаго Низоваго

---

[1] Этотъ документъ, въ числѣ другихъ къ этому времени относящихся, мы получили отъ дочери покойнаго *Константинова*, г-жи маіорши В. А. *Маркъ*, за что приносимъ здѣсь ей искреннюю нашу благодарность.

войска, еще не имѣвшими ни лѣтописца ни историка, о которыхъ едва мелькомъ говорили современники и о которыхъ вскорѣ забыли потомки, оглушенные вѣстію о ихъ паденіи.

Еще зимою 1770 — 1771 годовъ, расписаны были служба и *посты* войску Запорожскому для охраненія ввѣренныхъ имъ позицій: одной между Гардомъ на Бугѣ и устьями или гирлами Днѣпра, другой — «на отводныхъ караулахъ», т. е. аванпостахъ по Ногайскому рубежу отъ Запорожья, по нынѣшней границѣ Екатеринославской губерніи отъ Таврической. На этомъ огромномъ пространствѣ въ 8-ми главныхъ точкахъ находились, судя по оффиціальному опредѣленію Коша, утвержденному княземъ Долгорукимъ):

		чиновъ.	лошад.
1).	Главный «постный» командиръ, войсковый старшина.	1.	16.
2).	Полковниковъ	6.	48.
3).	Полковыхъ старшинъ: писарей и ассауловъ	14.	84.
4).	Козаковъ пароконныхъ	1,510.	3,020.
5).	» пѣшихъ	320.	—
6).	» служивыхъ при старшинахъ	69.	—
	Итого . .	1,910.	3,168.

Въ тоже время, съ открытіемъ ранней весны, и слѣдственно, сообщеній, выступилъ и главный отрядъ войска подъ командою самаго кошеваго, имѣвшаго слишкомъ 6,000 коннаго товариства и

12 пушекъ, и направленъ на ту же службу, что и въ предъидущей кампаніи. Но о его дѣйствіяхъ подробно говорить не будемъ, — довольно знать, что кромѣ «подъѣздовъ», онъ имѣлъ три жаркія и достославныя дѣла съ непріятелемъ, большею частью близъ Очакова и Хаджибея: 24 Іюня, 15 Сентября и 9 Октября. Изъ числа плѣнныхъ, тогда добытыхъ, 50 отправлено въ Сѣчь, остальные въ главную квартиру. — За то упомянемъ здѣсь 20 другихъ подвигахъ, напомнившихъ Кошу о героической эпохѣ его рыцарскаго быта, когда «козацкая слава» была извѣстна, по словамъ ихъ пѣсень: «отъ моря до моря». Сожалѣемъ только, что объ одномъ изъ нихъ и самомъ полезномъ для потомства, не имѣемъ довольно точныхъ и подробныхъ свѣдѣній.

11 Марта 1771 года съ нарочнымъ курьеромъ получено въ Кошѣ изъ Петербурга письмо отъ генералъ-прокурора, князя А. А. Вяземскаго (отъ 28 Февраля т. г.), въ которомъ онъ по Высочайшей волѣ предлагалъ войску: «По причинѣ завоеванія въ послѣднюю кампанію многихъ Турецкихъ мѣстъ, настоитъ весьма удобный случай сдѣлать опытъ: не можно ли изъ Сѣчи Запорожской, мимо Очакова и Кинбурна, пройти лодками въ Черное море и оттуда въ Дунай или хотя до Аккермана. Какой опытъ не только много бы способствовалъ въ нынѣшнихъ военныхъ операціяхъ, но впредь будетъ и для самаго войска вы-

годнымъ. Какъ это предпріятіе сопряжено съ храбростію и мужествомъ, то тѣмъ болѣе Е. С. надѣется, что въ войскѣ Запорожскомъ, по извѣданной его храбрости и отважности, скорѣе найдутся люди, которые за это дѣло возмутся и удачнѣе могутъ исполнить, тѣмъ надежнѣе, что какъ всѣ мѣста по Днѣпру и самое онаго теченіе имъ въ точности извѣстны, такъ и разстояніе между Очаковомъ и Кинбурномъ столь велико, что съ крѣпостей препятствія въ проходѣ сдѣлать никакъ не можно. Потому князь Вяземскій поручаетъ Кошу, отыскавъ способныхъ къ тому и охотныхъ людей, снарядить и отправить ихъ на лодкахъ, придавъ на всякую лодку по одному писарю, который бы могъ во время пути ихъ записывать поденно всѣ случавшіяся съ ними приключенія, какъ то: вѣтры, сильны ли оные были или тихи? Съ которой стороны дули? Часто ли перемѣнялись? Въ какомъ по видимому разстояніи между крѣпостей проходили? Какая тутъ глубина воды была? Проходя крѣпости, далеко ли отъ берегу плыли и какою, ежели можно извѣдать, глубиною? а если близко береговъ сіи лодки пойдутъ, то записывать же и берега, гдѣ оные круты, а потому близко-ль оныхъ стоятъ глуби, гдѣ отмѣли или кόсы и какъ далеки въ море? Гдѣ есть глубокіе *заводы*, гдѣ по берегамъ и какія селенія, города и деревни? Гдѣ тѣ лодки ночлегъ имѣли, съ какою выгодою и съ какими

предосторожностями и не было ли на нихъ какого покушенія и чѣмъ оное отвращено»? Князь Вяземскій просилъ приказать: по прибытіи лодокъ въ Аккерманъ или Килію, писарямъ оныхъ съ ихъ журналами, оставя козаковъ и старшину при лодкахъ, самимъ на почтовыхъ прибыть въ Петербургъ и явиться къ нему. Онъ увѣряетъ войско «что упомянутый подвигъ не только будетъ новымъ доказательствомъ его мужества и послужитъ къ вящшей его славѣ, но еще пріятенъ будетъ Ея И. В ву, да и самому войску со временемъ принесетъ пользу. Въ поощреніе же козаковъ Е. И. В. угодно было пожаловать съ своей стороны: тѣмъ, которые съ первою лодкою пройдутъ, 1,000 руб., съ другою 500 руб., а остальнымъ по 300 р. награжденія на всякую, — сколько ихъ будетъ въ экспедиціи. Буде же по причинѣ какихъ нибудь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, чего однакожъ воображать не можно, — мимо Кинбурна и Очакова этимъ лодкамъ пройти нельзя было, то для извѣстія прислать къ Е. С. того старшину, который на флотиліи будетъ командиромъ».

Кошевой, на столь лестное для войска порученіе, съ согласія старшины и товариства, отвѣчалъ генералъ-прокурору, какъ слѣдовало храброму козачеству, — что «такихъ охотниковъ въ Сѣчи довольно; что хотя многія лодки осеннею погодою во время транспорта Ногайцевъ на Крымскую

сторону, а также въ военныхъ поискахъ подъ Кинбурномъ, побиты и чинятся близь Сѣчи или въ Никитинѣ; но что войско, по усердію своему, до 20 лодокъ легко снарядить можетъ, на которыхъ по 1 пушкѣ и 50 козаковъ (съ запасомъ съѣстнымъ и боевымъ на 3 мѣсяца) помѣстить можно, что и составитъ отрядъ въ 1,000 человѣкъ охотнаго товариства. Что для поддержанія этой экспедиціи въ Днѣпровскихъ гирлахъ и близь Кинбурна, пошлется другая 1,000-я команда; но Кошъ просилъ поспѣшить доставкою изъ казенныхъ магазиновъ готовыхъ сухарей, ибо такимъ людямъ на лодкахъ пищи варить уже не можно будетъ, дабы огнемъ не привлечь вниманія непріятельскаго».

Для командованія этою важною экспедиціею, въ общей войсковой радѣ, 11 Апрѣля бывшей, избранъ полковникъ пѣхотной команды *Яковъ Сидловскій* «яко человѣкъ заслуженный и по этой части извѣстный», и онъ на 19 лодкахъ, 16 числа Апрѣля 1771 года, въ путь отправился. Успѣлъ ли онъ въ своемъ предпріятіи, совершило ль войско порученную ему отъ Е. И. В. службу? — ничего не знаемъ, ибо вся объ этомъ предметѣ переписка истреблена временемъ. Изъ оставшихся клочковъ бумагъ, едва могли мы составить указаніе, приведенное нами выше. Что однакожъ многіе изъ козаковъ на Дунаѣ съ лодками были и червонцы Русскіе оттуда привезли, то подтверждается на-

званіемъ «Дунайцевъ» или «нашихъ Дунайцевъ», которое часто встрѣчали мы въ дѣлахъ Коша Запорожскаго. — Теперь для разнообразія перейдемъ къ повѣсти о судьбахъ другаго, мелкаго правда, Запорожскаго отряда, но съ честію подвизавшагося въ эту кампанію, на новомъ и гораздо обширнѣйшемъ поприщѣ, въ эпоху довольно замѣчательную для Русскаго бытописанія.

2 Марта 1771 года получена была Высочайшая Е. И. В. граммата съ повелѣніемъ: «Избравъ «изъ среди войска 500 козаковъ доброконныхъ, «знающихъ положеніе мѣстъ до Перекопу и за «Перекопъ, — приуготовить ихъ для походу при «арміи, препоруча ихъ въ команду полковника «*Колпака*, яко довольно извѣстнаго, надежнаго и «оную степь гораздо знающаго». — На основаніи столь лестнаго вниманія къ заслугамъ храбраго Запорожскаго полковника, войско Низовое въ общей войсковой радѣ, его въ отрядные командиры избрало, волю Монаршую, для точнаго исполненія, сообщило, и, нарядивъ со всѣхъ куреней по 14 охочихъ козаковъ въ его команду, немедленно отправило въ путь.

Афанасій Федоровичь, по прозванію *Колпакъ*, Шкуринскаго куреня козакъ, родомъ кажется, изъ Малороссіи, въ войско «пришелъ» въ весьма молодыхъ лѣтахъ и служа «честно, вѣрно и усердно», въ атаманы куренные своего куреня былъ

пожалованъ[1]. Онъ тѣмъ охотнѣе взялся за эту службу, что хотѣлъ вымѣстить на Татарахъ потери, понесенныя имъ во время наѣздовъ ихъ въ 1769 году, гдѣ онъ лишился отличнаго зимовника на р. Орели, большихъ стадъ и имущества. Онъ столь много уважался въ войскѣ, что въ началѣ войны былъ полковникомъ вновь заведенной Орельской поланки, гдѣ на устьѣ рѣчки Богатой впад. въ р. Орель, устроилъ себѣ зимовникъ, а послѣ и цѣлую усадьбу, до-сихъ-поръ существующую. Послѣ паденія Сѣчи и всеобщаго разрушенія въ Запорожьи, онъ былъ такъ счастливъ, что не только спасъ « свое добро », но пріобрѣлъ новыя земли въ полную собственность, на которыхъ устроилъ село *Афонасьевку*, близъ Запорожскихъ селеній: Перещепиной, Лычковой и Козырицыны гдѣ пребывало и *паланочное* начальство, (въ Новомоск. уѣзд. Екат. губ.). Его подвиги въ кампанію 1771, 1772 и 1773 годовъ такъ замѣчательны, такъ дышатъ древнимъ Запорожскимъ молодечествомъ, что мы пойдемъ по его стопамъ въ Крымское Ханство и послушаемъ его повѣсть

---

[1] Онъ происходилъ, кажется, изъ дворянскаго рода *Магденковъ*. Мы судимъ потому что до-сихъ-поръ есть Малороссійскіе дворяне Магденки, ему родные, да и селеніе имъ основанное перешло было во владѣніе одного Магденка, недавно умершаго бездѣтно. Портретъ Колпака подаренъ Одесскому Обществу Исторіи и Древностей, но увы! онъ изображенъ не *козакомъ молойцемъ*, а смиреннымъ ктиторомъ церкви, имъ же построенной.

о военныхъ событіяхъ, которыхъ онъ былъ не только свидѣтелемъ, но и дѣйствующимъ лицемъ.

Извѣстно, что въ Апрѣлѣ 1771 года, армія Русская подъ начальствомъ князя Долгорукова, оставивъ наши степи, перешла Днѣпръ и заняла сперва позицію, которую держалъ генералъ фонъ Бергъ, а послѣ направила свои движенія прямо на полуостровъ Крымскій, который тогда считали еще логовищемъ страшныхъ наѣздниковъ и хищниковъ. 16 Мая 1771 года главная квартира передоваго корпуса, въ командѣ князя Прозоровскаго, была на р. Конскихъ-Водахъ (Днѣпровск. уѣзда); оттуда уже приказано Колпаку идти впереди всей арміи, въ качествѣ вожатаго, — отыскивая и преслѣдуя непріятеля. — 21 Мая козаки были на устьѣ рѣчки Бѣлозерки, а оттуда дошли до р. Каирки. Здѣсь Колпакъ, оставя свой обозъ и 200 козаковъ, самъ съ 300 своихъ молодцевъ на легкѣ пошелъ впереди всего Русскаго войска въ партизанскіе поиски. 5 Іюня писалъ онъ въ Сѣчь, «что съ Каирки ходилъ онъ на *Выливалы* (?), отъ Выливалъ берегомъ къ Олешкамъ и возвратясь отъ толь въ правую руку на *Черную-Долину*, и какъ по оной, такъ и по *Зеленой-Долинѣ* разъѣзды имѣлъ, а непріятеля ниже слѣдовъ примѣтить не могъ». Послѣ, когда Донцы всполошили было армію, что будто видѣли Татарскіе шатры близь Перекопа, князь Прозоровскій вторично послалъ на подъѣздъ Колпака. «1-го Іюня, пишетъ онъ,

перейдя ночью *Чаплынку* (нынѣ станція на Перекопской дорогѣ) и въ 4-хъ верстахъ за оною переночевавъ, впередъ съ своимъ асауломъ *Кобелякомъ* партія Запорожскую за *Каланчакъ* (рѣчку) отправилъ. Которая партія Каланчакъ и Сивашъ перешла и съ утренней зари до ночи на могилѣ, которая отъ Перекопа въ 5 верстахъ, пикетъ содержала въ виду всей Перекопской линіи; но не только непріятельскаго войска, но и одного человѣка, изъ Перекопа выходящаго, не видѣла». Притомъ обрадовалъ армію извѣстіемъ, что воды и подножнаго корму вездѣ довольно. 16 Іюня такъ краснорѣчиво и весьма дѣльно описывалъ Колпакъ взятіе Перекопа: «Я съ своимъ отрядомъ съ Черной долины пришелъ прямо на Каланчакъ и тамъ до 10 Іюня! устроивъ пикеты до самаго Перекопу, дожидался арміи, которая прибыла 11 Іюня. Въ тотъ день Запорожскіе козаки и Донцы подъѣзжали до самыхъ стѣнъ Перекопскихъ, вызывая къ сраженію непріятеля, только онъ не выходилъ. 12 числа ночью, по приказанію князя Прозоровскаго, посыланный съ козаками асаулъ мой Кобелякъ мѣрилъ *ровъ* и нашелъ его въ 6 сажень ширины. Того жь числа изъ города предъ Перекопомъ многочисленно вышелъ непріятель и не отступая отъ стѣнъ, противъ батарей своихъ, съ нашими вступилъ съ сраженіе; однако онъ, съ потеряніемъ нѣсколькихъ человѣкъ своихъ, не дожидаясь выстрѣла наведенныхъ на него орудій, ушелъ весь

за стѣну, а наши воротились въ лагерь. При семъ сраженіи 10 пикинеръ Луганскаго полку и 1 гусаръ желтаго полку и 1 Запорожскій козакъ убитъ, а 1 раненъ; да убито 5 лошадей. Съ 12 го на 13-е число князь Прозоровскій далъ всему передовому корпусу приказъ, пробираться отъ Сиваша за Перекопъ и идти во внутрь линіи[1], куды мы и движеніе имѣли, но въ половинѣ дороги велѣно всѣмъ воротиться въ лагерь; а мнѣ послать асаула и знающихъ козаковъ извѣдать безопасный чрезъ оную переходъ. Куды мною асаулъ и былъ командированъ и воротившись далъ знать Е. С., что для корпуса трактъ онъ изобрѣлъ способный. За что ему жаловано 10 рублей, а козакамъ его команды 40 руб. Съ 13-го на 14-е, по заходѣ солнечномъ опять туды мы пошли и держали у корпуса правый флангъ. Въ это время Е. С., предводитель 2-й арміи, князь В. М. Долгорукій, ближе Перекопскую стѣну отъ моря штурмовалъ, гдѣ Крымскіе Татаре въ присутствіи самаго хана ополчались, и не больше какъ часъ передъ свѣтомъ и линію перешелъ и поставя оную за собой, крѣпость Перекопскую, въ которую пѣхотныя ихъ команды убѣжали и затворились, атаковалъ. По

---

[1] См. на приложенной ко II части картѣ нашей. Перекопскій ровъ, *оръ*, проведенъ во всю длину узкаго перешейка, соединяющаго Крымскій полуостровъ съ материкомъ. Съ востока упираются ровъ и его укрѣпленія у Сиваша, съ Запада у Чернаго моря. Сивашъ такъ мелокъ, что его прозвали *Улу-Денизъ*, Гнилое, т. е. Старое море.

совершенія той атаки, корпусъ нашъ на самомъ разсвѣтѣ, коль скоро перейдя линію приближился къ берегу Сиваша, тотчасъ въ полверстѣ увидѣлъ отрядъ въ 300 чел. непріятеля, который былъ высланъ для примѣчанія за дѣйствіями нашихъ войскъ отъ Сивашу, который хотя немедленно обратился въ бѣгство, но нѣсколько человѣкъ изъ нихъ успѣли мы отрѣзать и взять въ свои руки. Вскорѣ показалась намъ въ 30,000 чел. непріятельская толпа, въ которой и Ханъ былъ, идущая какъ бы отъ моря противъ войскъ нашихъ. Тогда весь нашъ корпусъ приведенъ былъ къ сраженію въ порядокъ. Мы держали лѣвый уже флангъ; передовые наѣздники наши прямо на нихъ поскакали и, видя ихъ многочисленность, удалялись отъ нихъ и притягивали по ближе къ своемукорпусу. Но непріятель, не страшась сихъ наѣздниковъ, а притомъ не зная за нами въ низу стоящихъ регулярныхъ конныхъ полковъ и пѣхоты и видя только насъ, да Донцовъ стоящихъ, гналъ оныхъ къ намъ; мы нѣсколько назадъ уступали и дали какъ *дверь* для лучшаго во внутрь войскъ нашихъ входу. А между тѣмъ открыли на нихъ пѣхотные наши полки, которые тотчасъ начали палить, съ мелкаго ружья огонь, а притомъ еще подкрѣпили и съ правой стороны орудія, чѣмъ непріятеля смѣшали; а наши (Запорожцы) и Донцы тотчасъ *стали* на нихъ и многихъ тамъ побили, а послѣдніе, которые издали оставались, ушли къ морю, куды Донцы, чтобы ихъ

отъ моря отрѣзать и навернуть на корпусъ нашъ, командированы. А какъ непріятельскій корпусъ сталъ на небольшія партіи сбираться и утекать во всю пору промежду соляныхъ озеръ, то уже мы впереди своего корпуса догонять ихъ бросились и догоняя, хотя атаки всей ихъ силѣ дѣлать не могли, однакъ до 1000 ч. ихъ убили; а послѣднихъ, гдѣ и Ханъ Крымскій былъ, за 30 верстъ до Каменнаго-Мосту гнали. 15 числа, убѣгшіе въ крѣпость Перекопскую, командовавшіе два паши изъ крѣпости вышли и побѣдоносному Россійскому оружію, счастіемъ нашей Всемилостивѣйшей Монархини, покорились. Сегодня (16 Іюня) велѣно намъ командировать сто своихъ (Запорожск.) козаковъ по дорогѣ Козловской (Евпаторійской) для высмотру хорошихъ для корму и на воду для арміи мѣстъ, куды и мы 17 числа с. м. будемъ имѣть со всѣмъ передовымъ корпусомъ и арміею маршъ». — Колпакъ оканчиваетъ свой рапортъ горькимъ сознаніемъ, что «въ добычу ни скота, что онаго вблизу нѣтъ, ни зъ вещей ничего не получили, ибо Татаре все прежде вступленія арміи вывозили въ горы, а сраженные были Едисанцы и Буджакцы, которые было поддались Россійскому престолу.»[1].

---

[1] Запорожцы безъ добычи и побѣду не считали побѣдою. Вотъ письмо Колпака къ судьѣ Николаю Тимофѣевичу изъ Каланчака уже послѣ покоренія Крыма: «Зъ добычи нашей посылаемъ Его Вельможности Петру Ивановичу г. кошевому жеребца сѣраго, вашей же вель-

Вторую любопытную реляцію получили въ Сѣчи уже 20 Іюля. «По взятіи г. Перекопа (пишетъ Колпакъ изъ лагеря подъ «Карасевымъ», т. е. Карасубазаромъ), и по учрежденіи въ ономъ къ содержанію линіи распоряженій, командированы мы съ корпусомъ къ Карасеву, впереди всей арміи, а генералъ Броунъ съ небольшимъ корпусомъ въ правую руку по дорогѣ до города Козлова отправленъ, который у насъ взялъ двухъ нашихъ козаковъ провожатыми. Мы до самаго города Карасева непріятеля не видѣли, а пойдя подъ Карасевъ верстъ за три, предъ нимъ расположились, куды вся армія какъ приближилась и лагерь свой расположила, то Карасевскіе жители не противясь, чрезъ посланцевъ своихъ у предводителя нашего просили на нѣкоторое время перемирія, надѣясь къ миру согласить всѣхъ своихъ Крымскихъ начальниковъ. Между симъ перемиріемъ, мы командированы до г. Кефы (Θеодосіи); не доходя до оной за 30 верстъ, дней три отдоху имѣли. Гдѣ при окончаніи послѣдняго нашего марша, и непріятель мелкими «чатами» (пикетами) показывался намъ съ промежду горъ,

можности и г-ну писарю двухъ жеребцовъ чалаго и гнѣдого, изъ которыхъ какого хочете вы себѣ выберете... и всепокорнѣйше просимъ милостивымъ респектомъ насъ не оставлять, а найбольше не погнѣваться, бо лучшаго въ нашей бѣдной добычѣ не было, да въ силу и се осталось: ибо на баштѣ Перекопской у насъ рогатый скотъ отобранъ комендантомъ Перекопскимъ, въ силу Е. С. предводителя 2-й арміи повелѣнія... Теперь идемъ подъ Кинбурнъ». (15 Іюля 1771).

однакъ безъ сопротивленія весь въ горы ушелъ. Того дня въ самую ночь къ преслѣдованію онаго отправлена была отъ насъ въ горы наша партія, которая на разсвѣтѣ довольное сраженіе съ непріятелемъ имѣла, гдѣ непріятеля положено много, а изъ нашихъ двухъ убито и двухъ ранено. При томъ наша партія съ нихъ въ полонъ мужеска и женска пола до 30 душъ, лошадей 285, рогатаго скота 214 и экипажу разного на быкахъ съ арбами на 2,000 руб. захватила и отправила было въ нашъ обозъ; но все то тогдажь, какъ мы къ предводителю нашему рапортовали, велѣно въ сторону ихъ (Татарскую) отпустить безъ задержанія, подъ неминуемымъ штрафомъ, и къ исполненію сего съ командою штабъ-офицеръ былъ присланъ, который къ отдачѣ Татарамъ все до послѣдка у насъ отобралъ за реестромъ. 28 минувшаго Іюня вся армія и мы, съ половины дня во второмъ часу, маршъ прямо на Кефу приняли и держали оной до самаго сумерку, и не доходя верстъ за 10 до Кефы, ночевали. 29-го еще до солнечнаго всхода первоначально вступили мы въ движеніе до города Кефы, но подъ онымъ верстъ за 3 встрѣчены были непріятелемъ у Каменныхъ-Мостовъ, съ которымъ, покудова наближился нашъ корпусъ и вся армія, до 10-го часу довольную перепалку мы имѣли. Въ 11-мъ часу, какъ скоро корпусъ нашъ съ нами совокупился, то вдругъ весь непріятель бѣжать началъ; тогда

мы большую часть непріятеля, не допустя до города, перехватили и побили такъ, что малое число въ городъ убралось. Однако еще непріятель имѣлъ сомнѣніе: если наши могутъ его преодолѣть, то онъ весь поспѣшилъ въ предстоящія на морѣ суда убраться и погодою (попутнымъ вѣтромъ), которая на тотъ часъ въ угодность его служила, уйти. Предъ форштатомъ съ орудій по нашимъ дѣйствовалъ, но отъ нашей арміи предварительно на превеличайшую гору, которая въ недальнемъ разстояніи была, орудія втащили и тотчасъ зажгли оными на батареѣ непріятельскій запасъ; а между тѣмъ подближаясь и съ другой стороны наши же орудія подкрѣпили и непріятеля дѣлать сопротивленія не допустили и до того его довели, что онъ, оставя пушки и весь свой лагерь, бросился къ морю бѣжать, гдѣ его наши легкія войска «засыпали» и многочисленно выбили, а другихъ въ морѣ вытопили. А суда, сколько ихъ подъ Кефою ни было, не стерпя добираючихся и до нихъ пушечныхъ выстрѣловъ, поднявъ парусы, всѣ бѣжали. Тогда до запершихся въ крѣпости Турковъ для склоненія отправленъ былъ артиллеріи генералъ (*Сентъ-Маркъ*), который какъ поближился подъ крѣпость, то Турками изъ крѣпости двумя мушкетными выстрѣлами убитъ. Послѣ чего Кефскій паша изъ крѣпости съ нѣкоторыми своими Турками и Греками вышелъ и градскіе ключи, бунчуки, литавры и знамена и все что слѣдовало,

съ надлежащею церемоніею нашему предводителю въ руки отдалъ. За что на другой день Всевышнему, при пушечной пальбѣ, было благодареніе. Въ послѣднемъ сраженіи въ городѣ Кефѣ добули мы непріятельскихъ трое знаменъ и одну булаву, что все по требованію предводителю нашему отдали; а онъ обѣщался оныя знамена и булаву представить съ прочими клейнотами къ Государынѣ съ объясненіемъ въ реляціи вѣрныхъ нашихъ заслугъ, которыя довольно персонально самъ онъ видѣть могъ, что мы впереди гдѣ всѣхъ войскъ подъ перепалкою сраженіе имѣли, и одинъ козакъ команды нашей убитъ и одинъ раненъ; а больше счастіемъ войска Запорожскаго съ нашей стороны утраты нѣтъ и всѣ состоимъ благополучны. Судакъ, Бельбекъ, Балаклава, Еникале и прочіе Крымскіе города и орды, всѣ Россійскому оружію покорились, а самые главные ихъ Ширинъ-Мурзы въ аманатахъ у нашего предводителя остаются. Крымскій Ханъ Крымъ оставилъ и ушелъ въ Царьградъ. Теперь вездѣ по городамъ Крымскимъ устроены Россійскіе гарнизоны[1]. — «Мы же, (оканчивая свое посланіе,

---

[1] Этотъ походъ Колпака такъ сходенъ съ героическими подвигами козаковъ въ XVI столѣтіи, что мы рѣшаемся выписать здѣсь, для сравненія, одинъ отрывокъ изъ «Исторіи Руссовъ» извѣстнаго патріота-историка, архіепископа *Гергія Кониcскаго*. «Гетманъ *Федоръ Богданъ*, имѣвъ повелѣніе отъ короля Стефана Баторія преслѣдовать Крымскихъ Татаръ, отправился со всѣмъ войскомъ (Украинскимъ) въ

говоритъ Колпакъ), — сходно повелѣнію предводителя съ деташаментомъ подъ Кинбурнъ идемъ». (12 Іюля 1771).

Въ заключеніе донесеній столь искреннихъ и подробныхъ, Колпакъ присовокупилъ еще, что упоминаемый здѣсь деташаментъ, подъ началь-

---

Крымъ, въ 1577 году весною. Идучи внизъ по Днѣпру, выправилъ изъ Сѣчи Запорожской 5,000 пѣхоты въ лодкахъ, подъ командою эсаула войсковаго *Нечая*, приказавъ ему, выплывши въ Черное море, пристать на Крымскихъ берегахъ около городовъ Козлова и Керчи и запереть тамошнія гавани, до прибытія своего къ тѣмъ городамъ. При проходѣ гетмана по Крымской степи, встрѣчали его многія Татарскія полчища; но онъ ихъ храбро принимая, всегда съ великимъ урономъ прогонялъ. Наконецъ дошло дѣло до главнаго сраженія, которое гетманъ предвидя заблаговременно, пріуготовился и поворотя отъ Днѣпровскаго лимана до Орской или Перекопской Линіи, атакованъ былъ между Кинбурнскихъ кучугуровъ и Каменнаго *Даріева* моста всѣми Татарскими ордами, подъ командою самаго хана Девлетъ-Гирея. Наступленіе ихъ, крикъ народный и топотъ конскій подобились грозной бурѣ, все опрокидывающей. Армія Малороссійская шла четырьмя *батавами* (carré), построенными такъ, что обозъ ея и конный резервъ были въ срединѣ, а артиллерія, разставленная по всѣмъ фасамъ, могла дѣйствовать вокругъ арміи. Непріятель допущенъ былъ къ фронту на ружейный выстрѣлъ и тогда открыта была пальба со всѣхъ орудій и продолжалась безпрерывно болѣе часа. Навалившіеся на фронтъ панцырные всадники и наѣздники Татарскіе приняты и поражены копьями. Поднявшійся между тѣмъ сильный вѣтеръ прочистилъ воздухъ отъ дыма, показалъ страшныя тучи мертвецовъ Татарскихъ, покрывшихъ тѣлами всю окружность козацкой арміи. Гетманъ примѣтивъ, что Татары, отступая къ Линіи (Перекопской), растянулись по обѣимъ сторонамъ моста, соединяющаго косу Кинбурнскую съ Перекопскою степью, двинулся къ мосту и вершинѣ залива и отрѣзавъ знатную часть Татаръ отъ ихъ полчищъ, выпустилъ на нихъ конный резервъ, подкрѣпленный одною батавою, которые, прогнавъ Татаръ къ заливу, всѣхъ тамъ перебилъ и перетопилъ, а оставшіеся на другой сторонѣ, сколько ни порывались помочь отрѣзаннымъ, не успѣли въ томъ ни мало за водою и за пальбою изъ стану гетман-

ствомъ регулярныхъ войскъ полковника *Брынка*, съ Запорожцами пошелъ на Каланчакъ и западныя степи нынѣшняго Днѣпровскаго уѣзда подъ Кинбурнъ и сталъ лагеремъ на берегу Днѣпра, близъ самыхъ гирлъ, противъ урочища *Кизій-Мысъ*, о которомъ мы говорили выше, и тамъ

скаго, и убрались за Линію. Войска козацкія пришли къ Линіи безпрепятственно и гетманъ, разсудя что штурмовать ее медленно и убыточно, переправилъ знатную часть конницы ночью черезъ Гнилое море или Сивашъ въ бродъ и вплавъ; а она, дошедши съ той стороны къ первымъ воротамъ на Линіи, отбила ихъ и впустила всю армію, которая, напавъ на городъ Оръ, называемый Перекопомъ, взяла его штурмомъ, и выбивъ весь гарнизонъ до послѣдняго человѣка, разорила укрѣпленія и предала городъ огню. Отъ Перекопа продолжала армія походъ свой въ боевомъ порядкѣ до города Кефы и заставъ его осажденнымъ съ моря и отъ горъ Запорожскими козаками, произвела съ ними генеральный на него приступъ и въ короткое время имъ завладѣла и предала все убійству, грабленію и огню, оставивъ живыми однихъ своихъ плѣнныхъ, числомъ обоего пола до 500 душъ. А какъ поворотили войска обходить горы Кефскія, для нападенія на Бахчисарай и Козловъ, то при рѣчкѣ Салгирѣ встрѣтили ихъ ханскіе посланники изъ знатнѣйшихъ мурзъ, поднесли гетману дорогіе подарки и просили его отъ имени хана о заключеніи мира. На миръ согласились съ условіемъ собрать и возвратить всѣхъ плѣнниковъ Русскихъ и въ замѣнъ того дать 15 мурзаковъ аманатами. Все то со стороны Татаръ было исполнено и гетманъ, получивъ еще 713 плѣнниковъ, воротился въ Малороссію съ превеликою добычею». (Изд. Москва, 1846, стр. 25). Гдѣ былъ этотъ «Даріевъ» мостъ, мы ничего не знаемъ. Есть въ Крыму довольно древній мостъ на рѣчкѣ Каланчакѣ, въ самыхъ ея вершинахъ, отъ чего даже у Татаръ это мѣсто называется «Каменный-Мостъ», или «Древній-Мостъ»; но онъ слишкомъ далеко отъ окончанія Кинбурнской косы и кучугуровъ, чтобы означить мѣсто «Даріева-Моста», который, по словамъ Конисскаго, «соединялъ бы Кинбурнскую косу съ Перекопскою степью». Рѣшеніе этого вопроса принадлежитъ болѣе археологамъ, нежели намъ, мѣстнымъ географамъ и лѣтописцамъ.

стоялъ до 15 Сентября. Полковникъ еще 12 Августа доносилъ Кошу о своихъ экспедиціяхъ. — «На первый случай передовая наша партія съ вышедшихъ изъ города Кинбурна наѣздниковъ, двухъ убила и одного Татарина «въ языкъ» взяла и отправила тогдажь къ предводителю арміи. Теперь работы подъ Кинбурномъ нѣтъ и на дальше будетъ ли? мы не знаемъ. Партія-жь наша всегда въ три или двѣ версты подъ онымъ проѣзжаетъ, а непріятель во весь день изъ пушекъ пушечными выстрѣлами изъ города и изъ судовъ, по нашимъ тщетно дѣйствуетъ и наши по заходѣ солнца въ лагерь свой безъ вреда возвращаются ».

19 Сентября Колпакъ получилъ ордеръ князя Долгорукаго: оставя противъ Кизикермена въ *Шингирейскомъ шанцѣ* (Днѣпров. уѣзда, въ 5-ти верстахъ отъ с. Каховки) 200 козаковъ, для содержанія посту во всю зиму, самому съ остальными 1-го Октября идти въ Сѣчь, что имъ, съ позволенія Коша и исполнено.

Въ дополненіе упомянутыхъ выше подробностей, присовокупимъ то, что Колпакъ не успѣлъ изложить, или же его рапорты о томъ до насъ не дошли; именно, что князь Долгорукій раздѣлилъ армію на двѣ части, и когда одна брала Козловъ и Бакчисарай, онъ съ своимъ отрядомъ перешелъ Геническій заливъ, пробрался по малоизвѣстной тогда Арабатской стрѣлкѣ, — взялъ штурмомъ Арабатскую крѣпость и прошедъ во-

сточную часть полуострова, соединился съ войсками своими у Кефы, для окончательнаго завоеванія ханства. Бѣгство Селимъ-Гирея-Хана окончило тамъ паденіе Турецкаго владычества и князь Долгорукій изъ Ѳеодосіи началъ помышлять о прочномъ обезоруженіи, если не завоеваніи, Крыма; что онъ, какъ послѣ увидимъ, успѣшно и исполнилъ. Этотъ знаменитый подвигъ, съ такимъ благоразуміемъ и даже человѣколюбіемъ (какъ видно изъ рапортовъ Колпака) совершенный, снискалъ ему историческое имя и титулъ «князя Долгорукаго Крымскаго» [1].

Между тѣмъ, войско Запорожское 19 числа Сентября 1771 года получило Высочайшее повелѣніе быть въ резервномъ корпусѣ князя А. А. Прозоровскаго, расположенномъ по-надъ Днѣпровскою Линіею крѣпостей, котораго квартира была сперва въ Таганрогѣ, а послѣ въ кр. св. Димитрія на Дону (нынѣ Ростовѣ). Только чума производила въ этомъ краѣ жестокія опустошенія, такъ что изъ Молдавіи перешла въ Крымъ, въ Таганрогъ и добралась до Запорожскаго отряда, стоявшаго у Шингирейскаго ретраншамента, который изъ него долженъ былъ, не смотря на зиму, выйти и въ нарочно вырытыхъ землянкахъ постъ свой содержать.

---

[1] Въ 1843 году, съ Высочайшаго соизволенія, внукъ князя Василія Михайловича, князь Василій Васильевичъ Долгорукій воздвигъ ему въ Симферополѣ прекрасный памятникъ, въ Италіи изсѣченный.

Храбрый Запорожскій полковникъ Колпакъ и его асаулъ Евстафій Кобелякъ за свои подвиги удостоены были милостивой Е. И. В. награды: имъ пожалованы золотыя медали для ношенія на шеѣ, на Андреевской лентѣ.

По наступленіи глубокой осени, отрядъ Запорожскій, подъ начальствомъ кошеваго, 10 Октября переправился чрезъ Бугъ, а 25-го въ Сѣчь прибылъ, разставивъ на зиму подобныя прошлогоднимъ, отъ Гарду до устья Ингульца, аванпосты, и въ урочищѣ *Кизій-Мысъ* 1,000 козаковъ пѣшихъ на судахъ съ полковникомъ *Іосифомъ Рубиномъ*. Подвиги войска вполнѣ были оцѣнены Монархинею и по полученіи свѣдѣнія о возвращеніи онаго домой были награждены слѣдующею милостивою Е. И. В. грамматою:

«Нашему вѣрноподданнаго войска Запорожскаго Низоваго кошевому атаману Калнишевскому, съ войсковою старшиною и всему войску Запорожскому,

«Наша Императорская милостивая граммата.

«Получа рапортъ вашъ, отъ 5-го минувшаго Ноября, о прибытіи вашемъ съ войскомъ въ Сѣчь, не могли оставить, чтобъ не изъявить вамъ, кошевый атаманъ и всему войску, Нашего Императорскаго благоволенія за оказанную Намъ, въ теченіе минувшей кампаніи, при маскированіи города Очакова, службу и отмѣнную ко оной ревность и усердіе. Мы несомнѣнно надѣемся, что сіе похвальное и Намъ вѣрноподданное войско Запорожское не оставитъ и впредъ, во

всякомъ случаѣ службы Нашей оказывать испытаннаго своего сколько усердія, столько же мужества и храбрости, каковыми оно до сего въ цѣломъ свѣтѣ славится, а тѣмъ самымъ усугубитъ Наше благоволеніе. Пребываемъ Императорскою милостію благосклонны. Дана въ Полтавѣ, Декабря 2-го дня 1771 года».

Подлинную подписалъ по Е. И. В. указу

«*Князь Василій Долгорукій*».

Между тѣмъ произошли другія, для всей Имперіи важныя событія, среди которыхъ выступило на сцену весьма замѣчательное историческо лицо, имѣвшее большое вліяніе на судьбу Запорожья — и къ нему обращаемся теперь съ разсказомъ нашимъ.

ГЛАВА IV.

ДѢЛА КРЫМСКІЯ. ПОТЕМКИНЪ. КАМПАНІИ 1772, 1773 И 1774 ГОДА, ДО ОКОНЧАНІЯ ВОЙНЫ СЪ ТУРКАМИ. ТРАКТАТЪ КУЧУКЪ-КАЙНАРДЖИНСКІЙ. ДНѢПРОВСКАЯ КРѢПОСТНАЯ ЛИНІЯ.

1772 — 1774.

После занятія Крыма и бѣгства Селимъ-Гирея-Хана въ Константинополь, Россія была истиннымъ владыкою ханства, но не желая считать его своею провинціею, поддерживала ту партію мурзъ и чиновниковъ, которая желала оставить Селимъ-Гирея и избрать другаго государя, могущаго владѣть Крымомъ независимо отъ Порты, подъ сузеренствомъ Императорскаго Россійскаго престола. На то изъ Очакова, гдѣ скрывалась большая часть Ханскихъ придворныхъ и чиновниковъ, получена была отъ Татаръ чрезъ нарочно присланнаго чиновника Абдураманъ-Мурзу граммата, которая, кромѣ вѣрныхъ Россіи Шириновъ, подписана была ханскими: визиремъ, казиаскеромъ, дефтердаромъ и многими мурзами, съ изъявленіемъ

готовности войти съ Россіею, отдѣльно отъ Порты, въ дипломатическіе переговоры[1]. На основаніи этого предложенія войска были ввѣрены князю Щербатову, а переговоры поручены Слободскому губернатору Евдокиму Щербинину. Сему послѣдній предстоялъ весьма трудный подвигъ сблизить интерессы Крыма съ дѣлами Россіи, чтобъ не нарушая правъ политическихъ этого несчастнаго ханства, сдѣлать его не только безвреднымъ, но даже вѣрнымъ союзникомъ для Имперіи. Трудность эта увеличивалась еще отъ разномыслія Ногайцевъ съ Крымцами. Ногайцы рѣшительно не хотѣли знать другаго государя, кромѣ Россійскаго; ихъ представителями были: Джань-Мамбетъ-Бей и начальникъ одной части Едисанской орды, Эль-Хаджи-Джаумъ-Мурза. Не имѣя подробныхъ свѣдѣній объ этой такъ называемой «Татарской негоціяціи» скажемъ только, что она достигла благополучнаго окончанія къ концу 1772 г., но видно

---

[1] На этомъ письмѣ подписались: 1, Islamъ-Ага, ханскій визирь, 2) Али-Ага, бывшій Нурединъ-Агаса; 3) Казиаскеръ Абеутъ-Эфенди; 4) Темиръ-Ага Тефтердаръ; 5) Махметъ-Ага; 6) Ибрагимъ-Ага, бывшій регистраторъ; 7) Ширинъ-Мехметъ-Баки-Мурза; 8)Ислямъ-Ага Кападжи-Баша; 9) Ширинъ-Мехметъ-Шахъ-Мурза; 10) Мансуръ-Оглу-Али Мурза; 11) Ширинъ-Инаетъ-Шахъ-Мурза; 12) Ахметъ-Шахъ-Мурза; 13) Ширинъ-Шагинъ-Гирей-Мурза; 14) Ширинъ-Каія-Мурза; 15)Ислямъ-Ага-Селихтаръ; 16) Ширинъ-Менгли-Гирей-Мурза; 17) Ширинъ-Али-Шахъ-Мурза; 18) Ширинъ-Азаматъ-Мурза; 19) Ширинъ-Мехметъ-Мурза; 20) Ширинъ-Адиль-Шахъ-Мурза; 21) Ширинъ Менгли-Гирей-Мурза 2-й; 22) Кемаль-Ага; 23) Мехметъ-Шахъ-Ага; 24) Хыдыръ-Мурза; 26) Мехметъ-Ага.

не разъ происходили смятенія. Селимъ-Гирей-Ханъ подсылалъ своихъ коммисаровъ съ изъясненіемъ, что и онъ самъ готовъ былъ покориться, и обѣщалъ въ знакъ искренняго повиновенія прислать султановъ своего рода аманатами, но не только къ исполненію такихъ обѣщаній не принялъ никакихъ мѣръ, но еще на Кубани и между ордами, умы своихъ подданныхъ противъ Россіи возмущалъ. Потому Щербининъ созвалъ вѣче Татарскаго народа въ Карасубазаръ и тамъ съ согласія всѣхъ чиновъ: духовенства, мурзъ, чиновниковъ и выборныхъ отъ народа Крымскаго и Ногайскаго, былъ призванъ на престолъ Крымскій, съ самодержавною (безъ зависимости отъ Порты) властью, какъ было до завоеванія Крыма Могамедомъ II, *Шагинъ-Гирей-Султанъ*, сынъ Ахметъ-Гирея-Султана, который опредѣлилъ своего брата Саги-Гирея-Султана въ Калги, а двоюроднаго брата Богадыръ-Гирея-Султана въ Нурединь ханства. Селимъ-Гирей признанъ добровольно отрекшимся отъ престола. Тѣ Крымскія крѣпости, которыя всегда были заняты Турецкими войсками, Керчь и Еникале, а также Кинбурнъ предоставлялись Россійскому владычеству, какъ покровителю Крыма, въ другихъ же оставлены Русскіе гарнизоны. Орды Ногайскія покорились хану, какъ своему естественному государю. Уже переговоры приходили къ надлежащему окончанію, какъ между Татарами явилось вновь смятеніе, Турками и ихъ деньгами произ-

веденное. Вотъ небольшой документъ, къ этому событію относящійся. Въ Августѣ с. г. князь Прозоровскій далъ знать находившемуся на позиціи въ Олешкахъ (Днѣпров. уѣз.) полковнику Колпаку, чтобъ онъ команду свою въ военной готовности содержалъ по могущей быть въ ней нуждѣ; а 12 Сентября получилъ Колпакъ отъ него приказъ: «оставя 300 коз. на посту, самому съ 400 чел. конныхъ и полковымъ старшиною *Маевскимъ*, писаремъ своимъ, спѣшить къ князю Прозоровскому къ Акъ-Мечети (Симферополю) или Козлову». 17 Сентября писалъ Колпакъ своей старшинѣ въ Сѣчь: «Татаре очень бунтуются, не хотятъ подъ протекцію Россійскую итти и на трактатѣ подписываться. Ихъ войска много въ горахъ собралось, а потому и наши полки въ Крымъ вступили. Татаре много почтъ побили, и курьеровъ много порѣзали; да и мнѣ пришлось було близко отъ нихъ умирать. Изъ Карасева отъ султана (Калги) я бѣгъ (ѣхалъ) и только выбѣгъ съ горъ та сталъ прибѣгать къ Салгиру, какъ ихъ партія въ 500 чел. верстахъ въ 2-хъ показалась и якъ сталъ до команды бѣжать, то пробѣгъ, а поручикъ, который съ 5 Донскими козаками бѣгъ за мною, не ушелъ; его и 4-хъ коз. порубали, только одинъ Донецъ выбѣгъ раненный, а я еще слава Богу на нѣкоторое время живъ остался». (С'походу с'подъ горъ въ корпусѣ князя Прозоровскаго). 27 Сентября писалъ онъ, что «Татаръ, которые въ Крыму

было взбунтовались и собрались во многихъ мѣстахъ, всѣхъ поразгоняли, а прочихъ побили, и такъ сего числа по прежнему примирились. Князь Прозоровскій принялъ команду въ Крыму и по Днѣпру, а всѣ полки и войска въ Крыму зимуютъ». — Отрядъ Колпака возвращенъ на позицію въ Олешки, а самъ онъ оставленъ при князѣ, какъ видно изъ слѣдующаго довольно любопытнаго донесенія его писаря Маевскаго:

....«Я съ 400-ою командою, по повелѣнію Е. С. князя Прозоровскаго въ корпусъ его отправился было, но по сю сторону Перекопской линіи встрѣченъ курьеромъ, чрезъ котораго Е. С. мнѣ повелѣлъ, всю со мною бывшую команду обратить паки на стражу къ Кинбургу, а самому съ 30 чел. у него явиться.... По отправленіи команды я слѣдовалъ къ князю и засталъ его на самомъ первомъ маршѣ у рѣч. Салгира; въ то самое время неприятель былъ въ немаломъ собраніи впереди Ахмечетскихъ горъ, и какъ увидѣлъ прямо идущіе на него Россійскіе войска, то въ самую ночь пришелъ въ немалое смятеніе, безъ всего лагерь свой оставилъ и такъ скоропостижно въ горы убрался, что на мѣстѣ своего лагеря не малое число шабель, сагайдаковъ, бурокъ и прочаго позабылъ. Однако на другой день къ князю отъ хана Крымскаго (вѣроятно Шагинъ-Гирея), который въ томъ же ихъ собраніи былъ, присыланъ былъ главнѣйшій какой-то ихъ мурзакъ съ прошеніемъ, чтобъ обиды имъ никакой не было отъ нашедшихъ туда Россійскихъ войскъ. Князь все сіе имъ обѣщалъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы Крымскій

ханъ всю собранную свою толпу непремѣнно распустилъ и впредъ войска своего ни на что безъ вѣдома главнаго Крымскаго корпуса командира, князя Щербатова, не собиралъ и кончилъ бы союзно съ генераломъ Щербининымъ учрежденную *коммисію*. По первому наказу ханъ въ тотъ же самый день во всѣ стороны собранныхъ Татаръ распустилъ, но просилъ на договоры присутствія князя Прозоровскаго, ибо Щербининымъ они крайне не довольны и то по причинѣ ссоръ съ нимъ пришли они были въ такое смятеніе. Князь это обѣщалъ и съ корпусомъ своимъ отступилъ къ Салгирскому ретраншаменту, а 22 меня къ командѣ отпустилъ. На другой день намѣренъ Е. Ѳ. ѣхать въ Кефу къ князю Щербатову, а оттоль съ нимъ и Щербининымъ на договоры. Г. полковникъ А. Колпакъ при корпусѣ остался и взялъ 5 чел. козаковъ. Около Перекопа и Козлова Татарскія шайки, Донцы и карабинеры разогнали, и во всѣхъ сихъ мѣстахъ по 10 чел. до смерти убили, селъ нѣсколько разграбили, тогда какъ мы на Салгирѣ стояли и переговаривались съ Ханомъ». (1 Октября 1772 года.

Изъ этого простаго документа ясно видимъ ничтожное состояніе Крымскаго ханства — первороднаго дѣтища Золотой-Орды, послѣдней отрасли сподвижниковъ Чингисъ-Хана въ Европѣ, не наслѣдовавшей, какъ видимъ, ни ихъ храбрости, ни ихъ энтузіасма. Устрашенные однимъ движеніемъ войскъ Русскихъ, ханъ и народъ Крымскій жадно хватились опять за окончаніе мирныхъ переговоровъ. При помощи обоихъ генераловъ посольство

Щербинина шло гораздо легче и наконецъ первыя условія трактата были заключены. Переговоры возобновились въ Карасубарѣ и тамъ единогласно 1 Ноября 1772 г. окончены и подписаны: съ Россійской стороны упомянутымъ выше полномочнымъ министромъ Щербининымъ; со стороны ханства слѣдующими депутатами:

I) *Отъ Крымскаго Правительства*:

1) Великимъ ханскимъ агою или министромъ полиціи Бехадиръ — Агою.
2) Ханскимъ родственникомъ Джань-Гиреемъ.
3) Ширинъ-Беемъ, главою роду Ширинскихъ Мурзъ.
4) Измаилъ-Беемъ, главою роду Аргинскихъ Мурзъ.
5) Шахпазъ-Беемъ, главою Мансурскихъ Мурзъ.

II) *Отъ Ногайскаго Общества или ордъ уполномоченными:*

1) Отъ орды Едисанской — Темиръ-Шахъ-Мурзою.
2) « Еличкульской — Кара-Шахъ-Мурзою.
3) « Джамбуйлуцкой—Эль-Мурзахъ-Мурзою.
4) « Буджакской — Катыръ-Шахъ-Мурзою.

От Киргизовъ и Кубанцевъ депутатовъ не было.

Этотъ трактатъ ратификованъ въ Петербургѣ Императрицею 29 Января 1773 г. Ногайцы отправили отъ себя зимою 1771-1772 къ Ея В-ву Едисанскихъ посланцевъ: Тенисъ Мурзу, Бей-Мамбетъ-Мурзу, Тинай-Агу и Акли-Агу. Принятые

милостиво, они повезли своему главному начальнику Джань-Мамбетъ-Бею богатую саблю, Монархинею пожалованную и милостивую граммату въ 28 д. Января 1772 г., всѣмъ Ногайцамъ данную, въ коей между прочимъ сказано, что, «Къ утвержденію славы и «Ногайскихъ народовъ, составилась свободная и «благоденствія независимая Татарская область съ «возвращеніемъ собственно верховнаго начальства, «законнымъ избраніемъ изъ древней Татарской вла-«дѣтельной фамиліи на ханство, новой области слав-«нѣйшаго и сильнѣйшаго Сеибъ (Шегинъ)-Гирея, «обязавшагося клятвою съ Крымскимъ полуостро-«вомъ и всѣми Ногайскими народами, независимо «отъ Оттоманской Порты или отъ какой другой «ихъ законамъ посторонней державы, управлять «по древнимъ обыкновеніямъ и обрядамъ, и съ На-«шею Имперіею равнымъ образомъ состоять въ не-«премѣнномъ же союзѣ и дружбѣ, подъ Нашимъ «покровительствомъ».

Теперь оставимъ Крымъ и возвратимся опять къ главному предмету нашему — Запорожцамъ. Подобно 1771 году, и въ нынѣшнемъ выступили они въ поле, и вели ту же, что и прежде, партизанскую войну на степяхъ нашихъ, не допуская враговъ отъ Очакова пробраться въ тылъ нашей арміи, побѣдоносно дѣйствовавшей за Дунаемъ. Внизу Днѣпра на лодкахъ полковникъ *Іосифъ Рубанъ* съ 1,000 пѣшихъ козаковъ на 38-ми лодкахъ; на лѣвой сторонѣ низовья этой рѣки между

Алешками и Кинбурномъ стояла на стражѣ команда въ 500 чел., подъ начальствомъ храбраго полковника Колпака и его старшинъ: *Семена Маевскаго* и *Ивана Шараго;* наконецъ у Перевѣзки, т. е. на устьѣ Ингульца, полковникъ Иванъ Куликъ съ 200 козаковъ наблюдалъ за дѣйствіями Турецкаго гарнизона въ Очаковѣ, дабы онъ не вздумалъ произвесть движенія вверхъ по Днѣпру. Но подробнаго изложенія этой кампаніи сдѣлать не можемъ, за неимѣніемъ ни одного объ ней документа; всѣ они погибли. Знаемъ только, что слишкомъ 5,600 конныхъ и пѣшихъ козаковъ было при кошевомъ, не считая упомянутыхъ выше отрядовъ, не смотря на 3-хъ-лѣтнюю войну, изнуреніе лошадей, чуму и почти оставленное внутреннее ихъ хозяйство.

Но въ этомъ году Запорожцы познакомились съ однимъ сановникомъ, который прельстилъ ихъ своею любезностью и молодечествомъ, но который имѣлъ пагубное на судьбу ихъ вліяніе, если не былъ настоящимъ ихъ истребителемъ. Это *Г. А. Потемкинъ.* Онъ въ чинѣ генералъ-маіора служилъ въ 1-й арміи подъ начальствомъ графа Румянцова и снискалъ себѣ прекрасную военную репутацію. Тамъ онъ познакомился съ Запорожцами и имѣлъ при себѣ въ отрядѣ нѣсколько ихъ козаковъ и двухъ старшинъ: *Якова Проневича* и *Семена Быстрицкаго*, изъ которыхъ первому и золотую медаль на равнѣ съ главными Запорожскими са-

новниками войска исходатайствовалъ. Вѣроятно, храбрость козаковъ, ихъ молодечество и веселость очень понравились этому честолюбивому, но дальновидному государственному человѣку, ибо видимъ, что онъ сперва воспламенился къ нимъ особеннымъ энтузіазмомъ, такъ что и самъ захотѣлъ сдѣлаться козакомъ. Вотъ оригинальное объ этомъ его посланіе къ кошевому Калнишевскому:

«Милостивый батьку [1]

«Петръ Ивановичъ.

«Подлинность моей благосклонности приневоливаетъ оказать вашей вельможности долгъ моего почтенія и обязаться на всегда съ желаніемъ доброй совѣсти быть вамъ, милостивому моему батьку, къ услужности готовенъ, по причинѣ моей къ Запорожскому войску любви, съ чего и я принужденъ стать Кущевскаго куреня Запорожскимъ козакомъ; но какъ здѣсь въ комплектѣ войска Запорожскаго нахожусь написанъ, такъ надѣюсь на милость В. В. милостиваго моего батька, что и въ главномъ имѣющемся въ Сѣчи куренѣ Кувчевскомъ (Кущевскомъ) въ реестръ козачій написать не откажете, что и поисполнить прошу; безъ призрѣнія жъ, мое въ семъ любопытство удовольствовавъ,

---

[1] Кошеваго въ просторѣчьи козаки называли преимущественно *отцемъ* (батькомъ), батькомъ-атаманомъ. Мы приводимъ этотъ документъ, любопытный по слогу и содержанію, во всей цѣлости, какъ принадлежащій къ исторіи важнѣйшаго государственнаго мужа и преобразователя Новой-Россіи.

не оставьте вельможный пане милостивымъ батьковскимъ адресомъ въ семъ меня и освидѣтельствовать».

15-го Апрѣля 1772 г.
Изъ лагеря при устьѣ рѣч. *Ялоешицъ* (въ Молд).

«Вашей Вельможности
«Милостиваго батька
«всегда готовый слуга
«*Григорій Потемкинъ*».

На то кошевой отъ имени войска отвѣчалъ слѣдующее:

«Почтеннѣйше В. П. писаніе имѣли мы честь получить въ день счастливаго случая и тѣмъ, что оный засталъ и насъ готовыхъ послѣдовать со удовольствіемъ вашему прошенію. Коего во исполненіе открытый листъ, сіе есть *аттестатъ* (на пріемъ въ козаки), здѣ препровождая и товарищемъ здѣшняго войска куреня Кущовскаго поздравляя, покорно просимъ не оставлять Вашею милостью и войска Запорожскаго при всѣхъ случаяхъ». (25 Мая 1772 г.)[1]. Получивъ аттестатъ, Потемкинъ отвѣчалъ: «Аттестатъ Вашъ, чрезъ Василія Чернявскаго получилъ, за что вамъ искренно благодаря, прошу взаимно и мой гостинецъ благосклонно принять, который есть первый знакъ моего усердія, покуда дойдетъ мнѣ случай дѣйствительно показать, сколько я есмь

«Вельможнаго Пана
«Милостиваго Государя
«Покорный слуга
«*Григорій Потемкинъ*».

---

[1] Этотъ аттестатъ сохранялся у Потемкина въ числѣ грамматъ на пожалованные ордена, чины и титла и по его смерти вмѣстѣ съ прочими отправленъ къ графу Самойлову.

Тогда Потемкинъ считалъ свое козачество шуткою или фантазіею, а Кошъ почиталъ это комплиментомъ, и прозвалъ его «по здѣшнему» *Грицькомъ Нечосою*, по причинѣ пуклей его парика. Тогда ни Потемкинъ своего блистательнаго поприща и счастія, ни «славное Запорожье» своей гибели отъ его руки не предвидѣли. Только Провидѣніе назначило этого честолюбца, какъ орудіе, для спокойствія и счастія Имперіи. Какъ Потемкинъ сдержалъ свои обѣщанія и доказалъ свою любовь къ войску, увидимъ въ послѣдствіи.

Для окончанія свѣдѣній о 1772 г. упомянемъ здѣсь объ одномъ любопытномъ обстоятельствѣ. Мы сказали уже однажды, что для упроченія безопасности въ краѣ, который съ 1764 г. началъ называться «Новою-Россіею» и который постепенно входилъ своими военными слободами далѣе и далѣе въ Запорожскія «вольности», Украинская Линія сочтена излишнею и учреждена новая, названная *Днѣпровскою*. Указомъ отъ 10 Мая 1770 г. на имя инженеръ-генералъ-поручика *Деденева* и 12 Сентября т. г. на имя Щербинина повелѣно было на самомъ рубежѣ Запорожья и даже по срединѣ Калміуской его паланки, которая, какъ мы сказали выше, продолжалась до устья Берды и Калміуса, нѣкоторые же зимовники доходили до Міускаго Лимана, рядомъ съ Донскими селеніями построить новую Линію защиты изъ 7-ми крѣпостей. Онѣ названы: Александровскою, Никитинскою, Кури-

ловскою, Захарьевскою, Григорьевскою, Алексѣевскою и Св. Петра[1]. Изъ нихъ только три были отстроены на самомъ дѣлѣ: Александровская, гдѣ пребывалъ оберъ-комендантъ Днѣпровской Линіи, Кириловская и Св. Петра, гдѣ былъ родъ торговаго города съ небольшою гаванью на Азовскомъ морѣ. Остальныя четыре были наскоро окружены земляными окопами. Эти военныя постройки, сооруженныя въ срединѣ Запорожскихъ земель, гдѣ, какъ они выражались «еще за гетмана Ланцкоронскаго», т. е. XVI столѣт. были ихъ зимовники, взволновали умы простаго и несвѣдущаго козачества. Туда немедленно былъ отправленъ полковникъ съ командою, чтобы удерживать гарнизоны, или какъ они выражались, «наблюдать за правами войска». Кошъ хотя и понималъ, что постройка крѣпостей на столь отдаленныхъ границахъ Имперіи, принадлежитъ къ правамъ самодержавной власти, и онъ по своей «вѣрной подданнической присягѣ» такому строенію не противился; — но полковнику своему приказалъ: «не допустить никого въ тѣхъ мѣстахъ ни селиться, ни обзаводиться. Каковожъ было удивленіе Коша, когда Новороссійскій губернаторъ *Чертковъ*

---

[1] Намъ кажется, что эти названія даны крѣпостямъ по имени важнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ того времени, напримѣръ *Александровская* въ честь князя *Александра Вяземскаго*, *Никитинская* въ честь князя *Никиты Трубецкаго* или графа *Никиты Панина*, *Кириловская* въ честь гетмана *Кирилла Разумовскаго* и проч.

30 Ноября 1772 г. написалъ ему слѣдующее: «Близъ Александровской и Никитинской крѣпостей на пространствѣ 30 верстъ между рр. Кучугумомъ и Конскою (слѣдственно въ Великомъ-Лугѣ) по направленію къ великимъ пескамъ (Днѣпровск. уѣзда) найдены солдатами, на работахъ бывшими, скрытыя въ землѣ жженый кирпичь и известь, тесаный и плитной камень и въ одномъ курганѣ найдены жилые, *мраморомъ выложенные покои*, оставленные тамъ прежде бывшими Татарами и другими народами; то дабы скорѣе окончить постройку Днѣпровскихъ крѣпостей, прошу не только не воспрещать выбирать найденные уже матеріалы, столь драгоцѣнные въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ, но еще поощрять отысканіе другихъ такихъ ямъ, за что предлагаю въ награду по 5 руб. за кирпичный и по 10 за известковый запасъ»[1]. Кошъ немедленно отвѣчалъ, что упомянутыя ямы съ Турецкою известью, кирпичемъ и тесаннымъ камнемъ, а также остатки древнихъ зданій и мечетей, находящихся на Запорожскихъ земляхъ, давно войску извѣстны и назначены по его обѣту, какъ только благопо-

---

[1] Весьма бы желательно, чтобы наши археологи, коихъ ревность со смертью незабвенныхъ: Стемпковскаго и Бларамберга, значительно охладѣла, обратили вниманіе на описанную мѣстность. Запорожье пало прежде и такъ внезапно, что не могло исполнить своего благочестиваго намѣренія, и вѣроятно упомянутые здѣсь — «мраморные жилые покои» или мечети, существуютъ доселѣ.

лучно настоящая война окончится, на постройку въ Сѣчи каменной, вмѣсто деревянной, Покрова Богородицы церкви. А потому «пріятно» губернатора Исакова просилъ: воспретить инженерамъ забирать ихъ собственность и древнія зданія разрушать. Въ тоже время полковнику Калміусскому *Петру Велегурѣ* и полковому старшинѣ *Филиппу Снѣжку*, командующему постомъ у Великаго-Луга приказано команду свою усилить, и «вольности войсковыя», если нужно, вооруженною рукою защищать. Это ничтожное обстоятельство произвело, какъ увидимъ вскорѣ, самыя пагубныя для войска послѣдствія.

Такъ наступилъ 1773 годъ. Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ Кошевой съ отрядомъ въ 5,000 едва козаковъ (такъ много уже выбыло изъ рядовъ, а новые съ трудомъ допускались въ войско) отправился къ Орловской крѣпостцѣ (Ольвіополю) на устье Синюхи и оттуда продолжалъ туже партизанскую войну и охранялъ тѣже посты, что и въ прошедшихъ годахъ. Но въ огромномъ количествѣ документовъ этого года до насъ дошедшихъ, встрѣчаемъ только небольшое число любопытныхъ свѣдѣній; остальная бездна бумагъ содержала переписку о фуражѣ, провіантѣ и жалованьи, котораго войско никогда не могло получать ни въ цѣлости ни въ пору, отъ чего несчастные козаки, особенно на аванпостахъ, терпѣли всевозможныя

лишенія[1]. О дѣйствіяхъ главнаго отряда нашли мы только одно показаніе, и то въ частномъ письмѣ кошеваго къ судьѣ, въ видѣ приписки: «Наша партія подъ Очаковомъ была и на баталіи съ Турками. Изъ нихъ 13 чел. полонили, да на сѣнокошеніи съ однимъ Волошинымъ двухъ Турковъ взяли. Изъ тѣхъ Турковъ два къ князю В. М. Долгорукому, а одинъ къ генералъ-маіору (князю А. А. Прозоровскому) въ Аккерманъ отправлены; двѣнадцать же съ Волошинымъ для содержанія въ Сѣчи подъ карауломъ посылаются съ конвоемъ отъ Буго-Гардовой паланки». (1 Іюня 1773 г.). «Другая партія подъ Очаковъ ходила и 25 Іюня баталію имѣла, на которой одного агу и трехъ Турокъ въ плѣнъ схватили».

Запорожцы по древнимъ обычаямъ считали плѣнника, особенно «бѣсурмана» за настоящую свою собственность; оттого находимъ, что войсковый старшина Пишмичь, ѣздившій отъ имени войска съ благодарственною грамматою къ Императрицѣ, возилъ въ «*гостинецъ Турчатъ и Арабчиковъ*, полоненныхъ на баталіяхъ», графу Никитѣ Панину, графу Захару Чернышеву и друг. «для услугъ» имъ отъ войска предложенныхъ.

Только храбрый витязь Запорожскій Аѳанасій

[1] Не смотря на большой во всемъ недостатокъ въ Запорожьи, Кошъ былъ такъ учтивъ, что узнавъ о болѣзни главнокомандующаго, посылалъ къ нему изъ Сѣчи цыплятъ, зелени, хлѣба и свѣжихъ огурцовъ.

Колпакъ по прежнему отличался на сѣверныхъ степяхъ Крыма, и его подвиги, не смотря на стратегическую ихъ маловажность, запишемъ здѣсь если не для памяти всей Россіи, то хотя для памяти Украинскихъ патріотовъ. 14 Апрѣля писалъ онъ въ Кошъ: «Сего Апрѣля 9 дня отправлялъ я партію подъ Кинбурнъ, которою взято тамъ «языка» и лошадей козаками въ добычу 12, а остальныхъ зарѣзали не много. Оной же языкъ показалъ, что въ Очаковѣ войска находится 2,000, между коими конницы 500 чел., да въ Кинбурнѣ 150 чел., у которыхъ осталось не больше 15 лошадей. Подъ Очаковомъ же пришло судовъ съ провіантомъ и угольемъ 3». Странное дѣло! если бы Запорожцамъ, имѣвшимъ уже 12 мелкихъ пушекъ дали тогда, по ихъ усердной просьбѣ, съ десятокъ осадныхъ орудій, это войско въ недѣлю уничтожило бы эту ничтожную тогда крѣпость, вмѣсто маскированія ея цѣлыхъ три года. Быть можетъ тогда бы не было нужды воевать съ 1787 по 1791 г., ибо Очаковъ правильно былъ укрѣпленъ только въ 1780 годахъ Французскими инженерами. Тогда всѣ думали, что Румянцовъ въ прахъ потопчетъ Турцію и даже до Царьграда проберется, а на дѣлѣ вышло другое, — трактатъ 1775 г. доказалъ все младенчество нашей дипломаціи, не смотря на геройство арміи и геній Монархини и ея полководцевъ. Мы получили десятую долю того, на что имѣли полное право.

Въ другомъ рапортѣ пишетъ Колпакъ: «Команда вся ко мнѣ собралась, только Уманскаго куреня нѣтъ. Я по повелѣнію Е. С. предводителя 2-й арміи князя П. И. Долгорукова на дистанціи съ командою трехсотною, при Каланчакскомъ мосту состою; а подъ Кинбурномъ съ двухсотною командою полковый старшина Маевскій, который уже съ партіею изъ Кинбура выходившею перестрѣлку имѣлъ (Мая 5)». А вотъ реляція о его схваткѣ съ Турками: «Я вельможности Вашей не успѣлъ о первомъ своемъ благополучіи донести, что съ 25 на 26 Іюня удалось мнѣ на Черномъ морѣ двухъ-мачтный думбасъ (Турецкій корабль) разбить и всего спалить, а людей въ море потопили, а 3-хъ въ плѣнъ взяли. А какъ это случилось, симъ обьявляю. Миргородскій полковникъ *Зайковскій* со мною поохотился пойти съ 60 козаками, да и полкову пушечку взяли. 25 Іюня подойшли мы въ урочище *Кѣзлагачь*[1] и какъ расположились тамо, то я *по обычаямъ нашимъ Запорожскимъ*, взялъ съ собою 6 чел. поѣхалъ проискивать удобнаго мѣста для поиску непріятеля, и подъѣхавши подъ крайніе кучугуры къ морю, присмотрѣлъ, что судина Турецкая (корабль) подойшла

---

[1] Т. е. *Кызильляръ* или *Кызилъ-Агачь*, оврагъ входящій въ Каланчакскій лиманъ, близъ Черяаго моря (Днѣпров. уѣз.). Но намъ кажется, что Колпакъ говоритъ о другомъ уроч. *Кизлярчи* или *Кызиллярь* на Днѣпровскомъ лиманѣ близъ Кинбурна, иначе горѣвшее судно изъ этой крѣпости и изъ Очакова не было бы видно.

ночевать къ берегу и видно мнѣ стало , что по сухому Турки ходятъ; а въ то время солнце зайшло; то я возвратясь, команду заразъ съ собою и пушечку взялъ и ночью подойшолъ къ нимъ пѣшо, лошади жъ оставили въ дальности , а пушку на себѣ подвезли. Высмотрѣвши что они уснули, а только фонарь горѣлъ, мы залпомъ съ ружей и съ пушки по нихъ ударили и съ перваго раза ядромъ въ судину попали. Оные Турки съ робостью схватясь начали парусъ поднимать, но по власти Божіей вѣтеръ ихъ къ берегу началъ прибивать; въ тожъ самое время я не разсуждаючи ничего бросился прямо въ море и со мною будучіе старшины и козаки, схватились за канатъ и за якорь и къ берегу притащили ; то видячи непріятель свою гибель, сталъ въ воду бросатись; мы въ судно вскочивши 3-хъ взяли , а прочихъ побили и потопили. Плѣнныхъ Е. С. князю В. М. отдали, а въ суднѣ которые были припасы порубали и какъ судно запалили, то въ Очаковѣ и Кинбургѣ до самаго свѣта пушечная пальба была ». (Изъ Голенькой-пристани на Днѣпрѣ). Это рыцарское древне-козачье похожденіе, было какъ бы послѣднимъ отголоскомъ ихъ военнаго быта, а потому мы будемъ слѣдовать за реляціями Колпака. Вотъ и другое въ томъ же почти родѣ. « Сего Іюля въ 15 день по повелѣнію Е. С. князя В. М. ходилъ я подъ Кинбуръ съ партіею и со мною ходилъ препорученный мнѣ въ команду Донской полков-

никъ *Платовъ*. А пришедши ночью 16 Іюля расположились мы по скрытымъ мѣстамъ, гдѣ ихъ дневные бекеты (пикеты) стояли, и тамъ мы до свѣта были, а какъ разсвѣлось гораздо, то непріятели подошли сандалками (лодками) для разводу бекетовъ и на берегъ стали выходить, то въ то время такъ мы сильно бросились на нихъ, что они не могли въ сандалки вхватитись, но только оттапливались водою; а моя партія вводу вскоча пока можно было достать (дна) стрѣляла и колола, а языка не можно было взять за глубокостью воды. Конницу жъ ихъ всю въ городъ угнали. Я на томъ мѣстѣ, гдѣ ихъ пикеты были, свои разставилъ. Когда сдѣлалась тревога, въ тое время съ подъ Очакова 13 кораблей къ намъ прійшли, и такъ съ 17 до 18 безпрерывно пушечная пальба на насъ была. Однако намъ имъ вредить было не можно за *кучугурами*[1]. А какъ наша пѣхота комышами съ пушками къ огню пробралась, и способъ возъимѣла на нихъ пушками палить, то по счастію нашему три судна ихъ поразила, такъ что они не могли больше устоять и уступили въ свои мѣста». (23 Іюля 1773 г.) Далѣе писалъ онъ:

«Съ 15 на 16 Августа ночью ходилъ я съ своими командами подъ Кинбурнъ для поиску непріятеля изъ урочища Кизлагача, гдѣ оставлялъ свои при лагерѣ

---

[1] *Кучугурами* называются песчаные бугры, находящіеся въ западной части Кинбурнскаго полуострова, въ Днѣпровскомъ уѣздѣ Таврич. губ. близь Збурьевска и Олешекъ.

батови (?) и при нихъ 100 чел. для закрытія онаго лагеря, то туюжь ночь противу 16 ч. непріятель десантомъ на восемнадцати судахъ прибылъ, на разсвѣтѣ 16 ч. выгрузился противу нашего лагеря. Козаки, оставленные въ лагерѣ увидя непріятельскія силы, съ лагеремъ поднялись и отошли, а мнѣ дали знать, на самой перепалкѣ подъ Кинбургомъ, (гдѣ онъ со всѣмъ почти гарнизономъ ратовалъ), о непріятельской выгрузкѣ. То я оставя подъ Кинбурномъ *шермячить*[1] скочилъ всѣ прямо къ непріятелю. А прискакавши за двѣ версты къ нему, раздѣлилъ на три части свое войско; старшину Маевскаго съ правой стороны, самъ съ лѣвой съ низу Лимана съ Донскими и Запорожскими козаками, а полковника Герасима Малаго (изъ Низовой флотиліи) по срединѣ; стройно подошедши къ нему, всѣ крѣпко и неустрашимо на непріятеля ударили и смѣшали его. Однако онъ такое мѣсто изобралъ, что изъ кучугуръ не возможно выбить было, гдѣ они нашихъ козаковъ и лошадей много поранили и до смерти побили. Я принужденъ былъ конницѣ всей съ лошадей спѣшиться велѣть и вокругъ непріятеля атаковалъ. И началась у насъ въ атакѣ баталія и продолжалась отъ 9 часа дня до самой темной ночи и безпрерывная была пальба какъ пушечная такъ и ружейная, однако я счастьемъ нашей всемилостивѣйшей Государыни разбилъ ихъ съ войскомъ 3 сандала, гдѣ они и потонули, а которые остались на берегу въ большую робость пришли, гдѣ мы ихъ до 300 выбили, въ плѣнъ взято 27 чел. между коими было 4 байрактара. А отъ нашей стороны

[1] *Шермячить* съ Польск. *szermierzyć*, витязначить, драться.

убито 16 чел., Донскаго войска козака 1, ранено нашихъ 110, а Донскихъ 5 чел. И такъ поспѣшеніемъ всемогущаго Бога на другой день всѣхъ прогнали. За которую мою службу пѣхотинскіе разбойники и бунтовщики меня почти до смерти убили». (22 Августа 1773).

Кошевой въ рапортѣ своемъ Г. М. Кохіусу прибавляетъ, что полковникъ Колпакъ, дабы скорѣе и сильнѣе на непріятеля ударить, пѣхоту посадилъ съ собою на лошадей и такъ ударилъ на Турокъ. Въ этомъ дѣлѣ старшины подавали примѣръ и полковникъ Малый, командиръ флотиліи и пѣхоты, раненъ пулею въ руку, а писарь Маевскій пулею въ щеку на вылетъ. Колпакъ храбрѣйшій изъ всѣхъ остался невредимъ отъ вражьихъ ударовъ, чтобы сдѣлаться жертвою измѣнниковъ. Четыре козака изъ пѣхотной команды: Щербина, Великій, Немилостивый и Гончаръ, — по окончаніи дѣла, когда Колпакъ распоряжался козаками, требуя, чтобы они всю ночь на полѣ битвы остались, дабы непріятеля изъ рукъ не выпустить, — начали его бранить, а послѣ даже и бить, такъ что еслибы другіе изъ рукъ не вырвали, то и жизни бы лишили. По ихъ примѣру другіе козаки порученные въ команду *Костѣ Дубовому*, бросились на сего послѣдняго, перначь (въ знакъ команды у него бывшій) вырвали и прапоръ (значокъ) бросили. Такъ въ теченіе 5-ти лѣтъ уже три бунта и одинъ заговоръ въ войскѣ противу старшинъ явился и неповиновеніе тѣмъ болѣе становилось

явнымъ, чѣмъ долѣе война и слѣдственно убожество войска продолжалось. Кошевой самъ писалъ судьѣ въ Сѣчь, что чрезъ неправильные поступки одного асаула, *Красовскаго*, войско ему даже упреки и укоризны дѣлало. Все это было дурнымъ предзнаменованіемъ для блага общины, которой главнѣйшимъ основаніемъ были: безпредѣльная довѣренность и обѣтъ послушанія старшинѣ. Это сильно чувствовалъ храбрый Колпакъ и съ горестью писалъ къ судьѣ Николаю Тимофѣевичу:

«Я могу похвалиться поискомъ надъ непріятелемъ и преславную побѣду надъ ними сдѣлалъ и славу войску Запорожскому доставилъ, что реляцію до самой Государыни написали. Только мои злодѣи пѣхотинцы Государынѣ и войску Запорожскому измѣнили — не хотѣли ночевать (на полѣ битвы) и Турка самаго лучшаго упустили, а меня до смерти убили. Я у князя лѣчусь. И такъ жалко, что вся армія войско Запорожское бунтовщиками называетъ, а сверхъ того и Государыня можетъ о семъ узнать. Вельможный Пане! пожалуйте деньги, которые на меня спадаютъ въ жалованье, отдайте въ курень мой Шкуринскій, ибо уже мнѣ не получать ихъ». (23 Августа 1773).

Скажемъ мимоходомъ, что полковникъ отъ этого несчастнаго событія не умеръ и могъ въ слѣдующемъ году опять храбро подвизаться противъ враговъ своего отечества, какъ это мы ниже увидимъ. Но войско тогда лишилось одного изъ самыхъ старыхъ и заслуженныхъ своихъ старшинъ,

Николая Тимоѳѣевича, по прозванію *Косапа*, умершаго въ Ноябрѣ 1773 г.; онъ былъ старшиною еще въ Олешковской Сѣчи и пережилъ почти весь послѣдній Кошъ Запорожскій. Его потеря для войска была весьма важна, ибо онъ пользовался особенною любовью не только старшины, но даже простаго козачества. Былъ особенно набоженъ и строилъ на свой счетъ церкви въ Кіевѣ и Запорожскихъ селахъ. Мѣсто его въ Сѣчи до возвращенія изъ похода войска занялъ бывшій судья *Андрей Вербецкій* и съ новымъ 1774 г. на общей войсковой радѣ избранъ судьею войсковымъ и намѣстникомъ въ Сѣчи, войсковый старшина *Павелъ Головатый*.

Между тѣмъ война съ Турками продолжалась и можно сказать съ постоянными и блистательными для Русской арміи успѣхами. Побитые, изнуренные войною Турки, удивленные даже появленіемъ столь страшнаго соперника, какъ Россія, готовы были къ миру; уже собрались въ Букарестѣ обѣихъ державъ упономоченные и переговоры открылись, но съ одной стороны справедливыя требованія нашихъ дипломатовъ, съ другой хитрость и деньги Французскаго министра при Портѣ Оттоманской, управлявшаго старымъ герцогомъ де Шуазель, были причиною, что на миръ не согласились и принялись вновь за оружіе.

Съ раннею весною 1774 г. князь Долгорукій далъ знать Запорожцамъ, «что хотя онъ не

получилъ еще Е. И. В. повелѣнія въ «*какой край*» войска готовить, — но проситъ около 6 Марта вооруживъ отрядъ въ 2,000 чел. послать его къ Екатерининскому, бывшему Орловскому (Ольвіополю) шанцу, для наблюденія за непріятелемъ со стороны Очакова. Но страшная зима, послѣдовавшая за жаркимъ и бездожднымъ лѣтомъ, покрывала еще снѣгомъ всѣ степи, истребивъ на нихъ даже бурьянъ, а по рѣчкамъ камышъ, и надобно было ожидать времени болѣе благопріятнаго. Вскорѣ, а именно 31 Марта князь Долгорукій далъ вторично знать кошевому Калнишевскому, что «по открывающимся обстоятельствамъ» все войско Запорожское въ одинъ край устремлено будетъ». А потому приказано 2,000 выступить немедленно, а остальному войску тронуться къ 15 числу Апрѣля, слѣдовать къ Екатерининскому шанцу и перейдя Бугъ, идти «всѣмъ Кошемъ» къ его устьямъ и «чѣмъ ближе къ Очакову, тѣмъ болѣе чести». Пѣхота Запорожская должна была оставаться на Бугѣ, а конницу по прибытіи къ его лиману расположить такъ, чтобы Днѣпровскія гирла «пресовершенно» были заняты, ибо всѣ штурмовые припасы туда будутъ направлены. По примѣру прежнихъ лѣтъ, сформированъ былъ изъ регулярныхъ войскъ небольшой корпусъ и врученъ до времени полковнику *Колюпанову*; къ этому корпусу причислено и Запорожское войско.

13 Мая партія войска Запорожскаго изъ 3,079

козаковъ подъ начальствомъ войсковаго старшины и бывшаго судьи Ивана Бурноса была отправлена и 19 ч. уже подъ Очаковомъ съ Турками имѣла схватку, гдѣ двухъ Турецкихъ чиновниковъ: агу и байрактара въ плѣнъ взяла и съ убитыхъ 16 лошадей пріобрѣла; Турки увидѣвъ ихъ изъ крѣпости, сдѣлали было вылазку, но немедленно были прогнаны. Изъ Запорожцевъ только два козака было ранено, — за то самъ командиръ *Бурносъ* на обратномъ маршѣ вздумавши, не смотря на свои преклонныя лѣта, «покозаковать» на своемъ жеребцѣ, близъ рѣчки Коренихи (Одес. уѣзда, близъ Николаева) съ лошади упалъ и такъ ушибся, что изъ арміи въ зимовникъ свой отправленъ и вскорѣ умеръ. Въ тоже время командиръ флотиліи полковникъ Герасимъ Малый на судахъ съ своею пѣхотою доходилъ до Очаковской крѣпости и съ Турецкими кораблями перепалку имѣлъ, но за противнымъ вѣтромъ никакой надъ ними побѣды одержать но могъ.

Другой отрядъ въ 2,000 козаковъ, подъ начальствомъ войсковаго старшины Андрея Порохни отправленный, совершилъ другую подобную же экспедицію. 24 Іюня подошедъ онъ съ войскомъ своимъ къ крѣпости Очакову въ то самое время, когда по условленному сигналу другіе мелкіе отряды, подъ начальствомъ пѣхотныхъ полковниковъ: *Шпака*, *Цибодриды*, *Маевскаго*, а пѣхота на судахъ съ командиромъ своимъ *Малымъ* тро-

нулась и *всполошила* непріятеля. Выступившіе изъ крѣпости Турки, будучи со всѣхъ сторонъ атакованы и потерявъ много убитыми и 5 плѣнныхъ, ушли безъ оглядки назадъ. Но здѣсь Запорожцы оставались не долго. Въ Іюнѣ т. г., когда Турки, не хотѣвшіе признать Шегинъ-Гирея ханомъ, отправили войско свое и флотъ къ Крымскимъ берегамъ и Татаръ привели въ смятеніе, князь Долгорукій приказалъ Колпаку впередъ съ партіею, а Порохнѣ со всѣмъ отрядомъ перейти Днѣпръ и слѣдовать къ Перекопу. Вотъ реляція объ этой экспедиціи постояннаго героя нашего Аѳанасія Колпака. «Въ первыхъ числахъ Іюля ѣздилъ я въ Крымъ къ Е. С. князю В. М. Долгорукову... Въ Крыму Турки въ двухъ мѣстахъ было на берегъ выгрузились, одни между Кефою и Еникале (слѣдственно въ Керченскомъ проливѣ) на 40 судахъ, да въ другомъ мѣстѣ противъ Ялты на 30 корабляхъ и на двухъ фрегатахъ, на которыхъ фрегатахъ по 130 (?) пушекъ и по 3,000 строеваго войска; и выгрузившаяся было противъ Ялты часть того войска, Татарское село разбила и многихъ Татаръ съ дѣтьми плѣнила. Когдажъ наша армія прійшла въ Крымъ, а корпусъ (т. е. авангардъ или Очаковскій деташаментъ) — къ берегу моря, то они опять отошли на море и стоятъ. Татаре нѣкоторые взбунтовались были противъ Россійскихъ войскъ, но когда послыхали, что войско Запорожское великими силами идетъ въ

Крымъ, тогожъ времени мурзы пріѣхали къ Е. С. князю Долгорукову и просили, чтобъ войско Запорожское въ Крымъ впущено не было, то князь согласился и приказалъ войсковому старшинѣ Порохнѣ съ 1,500-ю командою стать по сю сторону Перекопа при Каланчакѣ у *Каменнаго-Мосту*, гдѣ позицію взяли и расположились до самой осени стоять». (12 Іюля 1774).

Это была послѣдняя уже реляція войска Запорожскаго. — Ночью съ 21 на 22-е число Іюля прибылъ изъ главной квартиры графа Румянцова въ с. Кучюкъ-Кайнарджи, курьеръ вмѣстѣ съ посланцемъ великаго визиря чегодаремъ Бююкли-Мустафою и привезъ радостное для Россіи извѣстіе, что главнокомандующій, снискавшій себѣ многими побѣдами титло *графа Румянцова Задунайскаго*, по данному ему отъ Ея В. полномочію, вѣчный миръ между двумя Имперіями 10 ч. Іюля заключилъ и всѣ военныя дѣйствія прекратилъ. Е. С. приказывалъ чегодаря съ письмомъ визиря отправить, при Запорожскомъ конвоѣ въ Очаковъ, для сообщенія объ этомъ гарнизону обѣихъ крѣпостей.

Съ вѣстью о заключеніи этого достославнаго мира, Румянцовъ послалъ къ Императрицѣ своего сына и маіора Гагарина и во всеподданнѣйшемъ рапортѣ помѣстилъ главнѣйшія условія этого договора. Въ нихъ между прочимъ было сказано:

§ 1. Всѣмъ Татарамъ быть вольными, ни

отъ кого, кромѣ Бога независимыми въ своихъ дѣлахъ политическихъ и гражданскихъ, а въ духовныхъ сообразоваться съ правилами Магометанскаго закона, безъ малѣйшаго предосужденія вольности и независимости имъ утвержденной. Всѣ земли, всѣ крѣпости въ Крыму, на Кубани, на островѣ Тамани и прочія земли въ ихъ владѣніи бывшія имъ отдаются, изъемля Еникуль и Керчь, которые Порта Россіи съ ихъ гаваньми симъ трактатомъ уступитъ.

§ 2. Россіи уступлены также замокъ Кинбурнскій съ его округомъ и всѣ степи между р. р. Бугомъ и Днѣпромъ, а Портѣ остается Очаковъ съ его древнимъ уѣздомъ.

Такимъ образомъ Крымское ханство составилось вновь изъ земель нынѣшней Таврической губерніи, Черноморскаго войска и за-Бугской части Херсон. губ., ибо всѣ Ногайскія земли Едисанской орды возвращены Крымскому хану, а Россійская граница вмѣсто Чернаго и моря Дуная, на что имѣла полное право, остановилась только на Бугѣ, а за Бугомъ пріобрѣтенъ только одинъ клинъ земли, лежащій между устьями Днѣпра и Буга и линіею, проведенною трактатомъ Бѣлградскимъ въ 1740 году. Но и это владычество было весьма не прочно, ибо главная военная точка этого края, крѣп. Очаковъ, осталась въ рукахъ Турокъ и еще 15 лѣтъ сряду, была тяжкою занозою нашего

владычества, потребовавъ новыхъ войнъ и новыхъ жертвъ на югѣ Россіи.

Запорожскій войсковый старшина Сидоръ Бѣлый съ однимъ полковымъ старшиною и толмачемъ возившіе въ Очаковъ визирскаго чегодаря, 2 Августа воротились оттуда и письмо Очаковскаго сераскира къ визирю привезли; за столь радостную вѣсть получилъ Бѣлый отъ паши въ подарокъ красную кирею съ золотыми петлицами, а его спутники верхнія *свиты* вишневаго тонкаго сукна. 8 Августа полковникъ Колпакъ потребованъ княземъ Долгорукимъ въ Крымъ съ командою старожилыхъ козаковъ, чтобы указать межу Кинбурнскаго уѣзда Россіи уступленнаго, козакамъ Запорожскимъ весьма знакомаго, — ибо въ этомъ *уыздѣ*, просто на Кинбурнской косѣ находились «Прогнои», т. е. соляныя самосадочныя озера, которыя Запорожцы всегда считали своею «стародавнею собственностью» [1].

Князь В. М. Долгорукій, отправляя свою армію въ отечество, на прощаньи съ Запорожцами, прислалъ имъ слѣдующій ордеръ:

---

[1] О занятіи Кинбурна Русскими, нашли мы въ архивѣ Запорожскомъ слѣдующій документъ: командиръ поста въ *Збурьевскомъ-Кутѣ* отъ 16 Февраля 1775 г. доносилъ Кошу: «Замокъ Кинбурнскій, опредѣленнымъ отъ Порты Оттоманской знатнымъ чиновникомъ, къ владѣнію въ сторону Россійскую г. генералу Кохіюсу сего Февраля въ 1-й день отданъ. А къ тому Кинбурнскому замку земля по какія урочища будетъ отведена, еще неизвѣстно; слышножъ, что въ *Прогнояхъ*, соляныхъ озеръ Турки въ сторону Россійскую не отдаютъ, сказывая, что онѣ владѣнія войска Запорожскаго».

«По заключеніи теперь вѣчнаго съ Портою Оттоманскою мира, вамъ господинъ кошевой, и всему войску Запорожскому изъявя достодолжную благодарность за мужественное въ минувшую войну противу неріятеля устремленіе, — рекомендую съ полученія сего слѣдовать немедлепно въ свои селенія и войско распустить въ домы, такъ какъ и пѣхоту внизу Днѣпра на лодкахъ состоящую». (Изъ лаг. на р. Сарабузѣ 15 Августа 1774 года).

Любимому же своему витязю Аѳанасію Колпаку далъ особое похвальное свидѣтельство въ слѣдующемъ ордерѣ Кошу Запорожскому: «Отправляя нынѣ къ войску полковника Колпака, считаю за должное отдать полную справедливость самому ревностному и усердному къ службѣ Ея И. В. старшинѣ, а какъ о его храбрыхъ поступкахъ, вы господинъ кошевой, старшина и войско извѣстны, то остается мнѣ заключить сіе принесеніемъ отмѣнной ему похвалы за доброе поведеніе, храбрыя дѣла и усердную службу». (Изъ Перекопа, 24 Августа 1774).

Въ Сентябрѣ мѣсяцѣ войско начало возвращаться въ Запорожскія мѣста, и по обычаю кошевой на послѣднемъ разстахѣ предъ Сѣчью въ р. Каменкѣ, писалъ судьѣ войсковому Головатому: «Я съ старшинами войсковыми, артиллеріею и войскомъ съ Камянки въ сей день двигнулся и въ Сѣчь, завтра 9 Сентября въѣхать имѣю». Но въ тоже время частнымъ образомъ приказалъ ему:

«По отбытіи съ Камянки будучи въ маршѣ имѣемъ ночлегъ при р. Базавлукѣ, противъ *Зеленой-Могилы;* въ Сѣчь же въѣхать намѣрены завтрешній день, неиначе какъ по службѣ Божіей и какъ надѣяться при встрѣчѣ пальбы, а нынѣшнее время, какъ и все лѣто сухимъ есть, то дабы при пальбѣ изъ ружья, борони Богъ, пожара возслѣдовать не могло, для того извольте приказать, чтобъ никто не важился стрѣлять изъ ружья, а изъ пушекъ токмо сколько и прежде бывало выпалить». (8 Сентября 1774 года).

Такъ окончилась знаменитая Турецкая кампанія, пять слишкомъ лѣтъ продолжавшаяся. Запорожцы пріобрѣли въ ней доброе имя, — но лишились многаго, а вскорѣ и самаго быта своего. Во-первыхъ, всѣ зимовники ихъ и усадьбы за границею расположенныя: въ Камянкѣ (у Мѣловаго) на Бѣлозеркѣ, Рогачикѣ, Конскихъ-Водахъ и на лѣвой сторонѣ Великаго-Луга были возвращены Крымцамъ, на основаніи трактатовъ. Во-вторыхъ, мосты въ Гарду на Бугѣ, на Самарѣ, на Солоной, на Базавлукѣ и всѣ Днѣпровскія переправы, главный источникъ доходовъ Коша, были взяты въ казну, подъ предлогомъ переправы войскъ и учрежденія постоянныхъ почтовыхъ сообщеній съ новозавоеванными крѣпостями и городами. Въ-третьихъ, соляныя озера въ Прогнояхъ сдѣлались собственностью Имперіи, и Запорожцы исключительно владѣть ими не могли.

А самое главное: по причинѣ учрежденія Днѣпровской Линіи, отстройки Азова и Таганрога, а также карантинныхъ предосторожностей, по случаю повсемѣстной чумы въ Турціи и Крыму, Запорожье окружено было съ самаго начала 1775 г. цѣлымъ кордономъ регулярныхъ войскъ, такъ что оно нашло себя какъ бы въ настоящей блокадѣ, хотя того съ перваго взгляда и не понимало; даже къ вящшему ослѣпленію съ радостью узнало, что добрый сынокъ войска, товарищъ Кущевскаго куреня *Грицько Нечоса* (Потемкинъ), на мѣсто строгаго и слѣдственно нелюбимаго ими генерала Воейкова, сдѣланъ генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края [1]. Отъ него, какъ сотоварища куреннаго, войско ждало настоящаго блаженства для «славнаго Запорожья», которое онъ (по словамъ его писемъ), такъ уважалъ, почиталъ и любилъ.

Высочайшимъ указомъ Сенату даннымъ (30 Января 1775 г), послѣ ратификаціи Кучукъ-Кайнарджинскаго трактата, приказано было отпустить или размѣнять взаимно всѣхъ военно-плѣнныхъ. На этомъ основаніи Запорожцы требовали у Турокъ выдачи 109 козаковъ, взятыхъ въ плѣнъ во время войны, а больше во время наѣзда Та-

---

[1] Именнымъ указомъ въ 31-й *д.* Мая 1774 г., даннымъ Сенату, повелѣно: «Какъ правленіе Новороссійскою губерніею оставалось на время въ вѣдомствѣ Кіевскаго генералъ-губернатора, то Ея В. всемилостивѣйше опредѣлила нынѣ: военной коллегіи вице-президента *Потемкина* въ оную губернію генералъ-губернаторомъ, и войскъ тамо поселенныхъ главнымъ командиромъ».

таръ въ 1769 г. на Самарскую, Протовчанскую и Орельскую паланки, а также при ловлѣ рыбы въ Днѣпровскомъ-Лиманѣ. Запорожцы же взяли въ плѣнъ 187 Турокъ, изъ коихъ только 36 содержались въ Сѣчи, а остальные отправлены были въ свое время въ главныя квартиры арміи, или въ подарокъ вельможамъ. Да кромѣ того болѣе 800 челов. Христіанъ и Евреевъ «ясыра» отбито было у Турокъ и Татаръ, но тѣ частью возвращены на свободу, частью поселены въ Запорожьи, а частью за окупомъ отпущены въ отечество.

ГЛАВА V.

ПОСЛѢДНІЕ СПОРЫ ЗА ГРАНИЦЫ. ПОТЕМКИНЪ. ПОСЛѢДНЯЯ ДЕПУТАЦІЯ. СИДОРЪ БѢЛЫЙ, АНТОНЪ ГОЛОВАТЫЙ.

1773 — 1775.

Кучукъ-Кайнарджинскій миръ, прекратившій столь кровавую и страшную войну, доставившій нѣкоторую тишину въ Крымскомъ ханствѣ и отдохновеніе Россіи, одному только Запорожью, хотя близкому сосѣду военнаго поля, не возвратилъ ни мира ни прежняго благоденствія. Напротивъ оно поставлено было по своему географическому положенію въ такое состояніе, что войско, чувствуя всю силу ума и твердость характера своей старшины, особенно же кошеваго и писаря, съ 1765 г. уже другихъ на ихъ мѣсто не избирало, не смотря на смятенія въ 1768 и 1770 г. происходившія кой-гдѣ по куренямъ. Уже не разъ было говорено выше (главы VI и VIII 2-й части), изъ какихъ разнородныхъ элементовъ составлена была длинная полоса земли на сѣверѣ нынѣшняго Но-

вороссійскаго края, образовавшаяся въ нѣчто цѣлое подъ названіемъ « Новороссійской губерніи ». Мы видѣли какъ постепенно « Новосербія, Новослободскія села, Линейскія слободы и Славеносербія, на отдаленныхъ степяхъ и лугахъ « Запорожскихъ вольностей» основанныя, были причиною сперва дипломатическихъ переговоровъ и переписки, а послѣ ѣдкихъ распрей и даже кровавыхъ насилій. Съ одной стороны начальники этой губерніи, пребывавшіе въ Кременчугѣ или крѣп. Св. Елисаветы и, можно сказать, не видѣвшіе и четверти своего края, въ краснорѣчивыхъ рапортахъ министерству разсказывали объ успѣхахъ, дѣлаемыхъ ихъ управленіемъ, котораго послѣдствіемъ или успѣхомъ было умноженіе народонаселенія военнаго и земледѣльческаго, т. е. полезнаго, въ безлюдныхъ пустыняхъ «никому не принадлежавшихъ». Что же эти пустыни были собственностью «вѣрнаго войска Е. И. В. Запорожскаго Низоваго» никогда въ рапортѣ не упоминалось. На этомъ основаніи въ военной коллегіи канцелярія, сочиняя прекрасные отчеты Монархинѣ о военномъ управленіи въ Низовой Россіи, о составѣ, комплектѣ и поселеніи гусарскихъ и пикинерныхъ полковъ; — съ завистью смотрѣла на лучшую часть края, еще оставленнаго Запорожцамъ, безпрестанно предлагала объ отводѣ онаго подъ сѣнокошеніе, выгоны и хлѣбопашество новыхъ ротъ и новыхъ шанцевъ; при малѣйшемъ же протестѣ Коша или ссылкѣ на свои грамматы

и права, отвѣчала, что такихъ граммать въ государственномъ архивѣ «не имѣется».

Взаимно Запорожцы, — общество, составленное изъ взрослыхъ пришлецовъ со всѣхъ концевъ Имперіи, Польши, Молдавіи или Турціи, связанное только союзомъ военнаго братства, обѣтами послушанія и уваженія къ *своей* только старшинѣ и *своему* «обществу», — считало себя самодержавнымъ хозяиномъ имъ оставленныхъ земель, на которыя съ 1734 году уже хотя признало полное владычество Россіи, но основываясь на обѣщаніи и граммотахъ Монарховъ, не уступало никому и ничего безъ особыхъ Высочайшихъ повелѣній. Отъ того тѣ страшныя распри и злочинства, о которыхъ мы говорили не разъ и о которыхъ извѣстіе приводило въ гнѣвъ самую великую Императрицу, тѣмъ еще болѣе, что это происходило среди трудной войны съ сильными тогда врагами, и среди смятеній, происходившихъ въ восточныхъ козачьихъ земляхъ. Въ 1770-хъ г. четыре были главныя причины кровавой и неукротимой вражды между сосѣдями въ Новороссійскомъ краѣ. 1) Споры съ *Изюмскою провинціею* Слободской губерніи за земли, образовавшія съ 1766 г. Орѣльскую поланку Запорожья, когда межевые толки депутатовъ съ высшимъ Правительствомъ доказали, что вся земля за Украинскою линіею къ югу, т. е. между Орелью и Самарью, по древнимъ актамъ принадлежитъ войску Запорожскому. Но тамъ устроены

были многіе хутора и даже слободки: Китайгородскихъ, Царицанскихъ, Маячскихъ и др. жителей этой губерніи; а также помѣщиками Полтавскаго полка Кочубеями и другими заведены были села, по сосѣдству и по давности (praescriptio) причисленныя къ Изюмской провинціи. Въ самомъ началѣ войны съ Турціею Кошъ поручилъ войсковому старшинѣ Порохнѣ: взять въ свое главное военное вѣдомство Самарскую и Орѣльскую поланки, гдѣ все «добро войсковое», т. е. лучшіе зимовники и «подданство его» находились, и смотрѣть крѣпко, чтобъ козаки за Орель не переходили, а Изюмскіе жители, которые на Запорожскихъ вольностяхъ окажутся, или въ составъ войска поступали бы, или продавъ свое имущество и избы, убирались за линію. Все шло довольно еще тихо до 1772 г. т. е. пока главный старшина находился на мѣстѣ. Но въ этомъ году Порохня выступилъ и самъ въ походъ, а команда надъ Орельскою поланкою вручена была полковнику *Гараджѣ* и писарю его *Роменскому*. Тѣ исполняя буквально свои кошевыя инструкціи, допустились такихъ уже насилій и притѣсненій поселянамъ, что Слободское начальство принуждено было жаловаться Кіевскому генералъ-губернатору Воейкову, который донесъ о томъ Сенату. 2) *Со стороны Новосербіи*, или Елисаветградской провинціи, притязанія поселенцевъ остановились было на упомянутой выше «*Глѣбовской*» линіи; послѣд-

няя же рота на востокѣ была *Коммисаровка* на устьи рѣчки с. и. Но со временемъ за выходомъ въ степь многихъ Малороссійскихъ поселянъ и Польскихъ крестьянъ, прибавилась еще рота *Мишуринъ-рогъ*, за который впрочемъ споровъ не было, ибо все, что было выше р. Самоткани, уже Запорожье безпрекословно въ Новосербію отдало. Но когда образовались на р. Домоткани, т. е. въ предѣлахъ Кодацкой поланки и укрѣпились шанцами с.с. *Домоткань* (нынѣ Глинскъ), *Бородаевка* и наконецъ *Желтое* на рукавѣ Ингульца рѣчки Жолтенкой), споры опять возобновились, ибо жители Запорожскаго селенія *Бородаевки* были насильно выгнаны изъ своихъ домовъ и зимовниковъ. Былъ даже печальный примѣръ, что слишкомъ дерзкихъ пикинеръ Запорожская команда арестовавъ привезла съ собою въ Сѣчь, для суда и подучала другихъ бросать военную службу и сдѣлаться козаками, что нѣкоторые въ противность дисциплинѣ и сдѣлали, чтобы сохранить свою землю. 3) Еще бо̀льшія и истинно кровавыя сцены происходили на юго-востокѣ Запорожья, со стороны *Калміусской паланки.* Съ незапамятныхъ временъ боролись тамъ два козачія воинства за право рыболовства на косахъ Азовскаго моря (Семеновской, Еланчикской, Кривой, Безъименной, Широкой и Ляпиной) отъ устья Калміуса до Міусскаго лимана, и за владѣніе степями лежащими на вершинахъ рѣкъ: Калміуса, Еланчиковъ и

Крынки до впаденія сей послѣдней въ Міусъ. Эта, въ настоящее время неоспоримая собственность Донскаго войска, лежитъ между Александровскимъ уѣздомъ и Таганрогскимъ градоначальствомъ. Не смотря на точный и положительный законъ, изложенный въ Высочайшихъ указахъ 1743 г. Октября 30 и 1746 г. Августа 30, знаменитый въ лѣтописяхъ пограничныхъ буйствъ и шалостей Запорожскихъ полковникъ *Кишенскій* [1], о которомъ мы сказали въ своемъ мѣстѣ, а за нимъ и другіе Калміусскіе полковники прогнали оттуда вооруженною рукою Донцевъ и ставили свою поланку лѣтомъ на Міусскомъ лиманѣ, зимою на среднемъ Еланчикѣ. Начальство Донскаго войска напрасно требовало окончанія этихъ неправедныхъ притязаній, которыя только граничнымъ актомъ 1764 г., нами уже приведеннымъ, были на время окончены; р. Калміусъ признана границею обоихъ козачествъ и тамъ «укопанъ былъ пень обгорѣлый, для знатя всякому своей границы». Но въ началѣ войны, когда рыболовы на Днѣпровскомъ лиманѣ на промыслъ пускаться опасались, и принуждены были ходить за рыбою на Донъ и на Азовскія косы, споры и распри съ новою силою возгорѣлись. Новый Калміусскій полковникъ *Петръ Велѣгура* явился съ большою командою и опять Донскихъ рыболововъ прогналъ, у поселившихся

---

[1] См. въ приложеніяхъ подъ 1743 годомъ.

тамъ Донцевъ хлѣбъ и скотъ поотнималъ и поставивъ свою паланку на Міусѣ, распоряжался полнымъ хозяиномъ. При этомъ случаѣ произошли столь важные безпорядки, что дѣло это дошло до свѣдѣнія Императрицы. 4) Наконецъ учрежденіе карантиновъ со стороны Крыма на рѣчкахъ: Мокрой-Московкѣ (близъ г. Александровска Екатериносл. губ.) и Бѣлозеркѣ (близъ нынѣшняго м. Знаменки) были причиною вырубки солдатами не только лѣсу и хвороста, но даже плодовитыхъ деревьевъ на постройку избъ и землянокъ. Горько жаловались на это истребленіе деревьевъ Запорожцы князю Долгорукому-Крымскому, — но главнокомандующій весьма дѣльно отвѣчалъ на ихъ просьбы, камъ можемъ судить изъ слѣдующаго отвѣта на одинъ изъ рапортовъ кошеваго:

« На доношеніе ваше о порубкѣ на рѣчкѣ Москос« кѣ и при трехъ почтовыхъ станціяхъ лѣсу, предпи« сать нахожу: когда надобны дрова для карантину, « то въ снабдѣніи оными есть надобность всего Госу« дарства и долгъ всѣхъ сыновъ отечества и вѣрно« подданныхъ рабовъ своей Монархини, чтобы способ« ствовать общей пользѣ». (3 Генваря 1773).

Всѣ упомянутыя здѣсь своевольства, равно какъ недопущеніе инженеровъ забрать Турецкій кирпичь, известь и камень, найденные въ землѣ, были причиною, что войско получило изъ Сената, по Высочайшему повелѣнію, весьма строгую грам-

мату, въ которой изложены были подробно всѣ непорядки войска Запорожскаго и повелѣно виновныхъ въ этомъ, особенно же полковника Гараджу съ его командою въ Кошъ отозвать, всѣ своевольства пограничныя прекратить и найденныхъ въ землѣ строевыхъ матеріаловъ себѣ не присвоивать, подъ опасеніемъ всей тягости монаршаго гнѣва[1].

Среди войны съ Турціею, среди безпокойствъ со стороны Польши и Швеціи, Запорожское военное общество, всегда вооруженное, могущее легко выставить въ поле до 15,000 ратниковъ, своею непокорностью весьма затрудняло правительство. Хотя его приверженность къ церкви Православной была испытана, хотя любовь его ко всему Русскому была не разъ доказана на полѣ брани, но благоразуміе и даже здравая политика не дозволяли имѣть полной къ нему довѣренности. Толпа бездомныхъ рыцарей, большею частью безъ роду и племени, безъ воспитанія и семейныхъ связей, особенно въ безконечныхъ степяхъ своей «Палестины», могла подъ руководствомъ какого нибудь измѣнника, въ случаѣ раздраженія умовъ или ослѣпленія невѣжества, предаться на сторону враговъ Россіи. Такъ было въ 1709 г., такъ дерзали надѣяться Орликъ и Мировичъ въ 1734 г. и такъ пытались конфеде-

---

[1] Указъ 20 Августа 1773. См. въ Приложеніяхъ.

раты въ 1768 г. Только любовь къ родинѣ удержала козаковъ въ вѣрности престолу. Правительству оставалось ждать окончанія войны, чтобы принять рѣшительныя мѣры.

Запорожцы, испуганные Монаршимъ гнѣвомъ, въ упомянутой грамматѣ отъ 20 Августа изображеннымъ, на общей войсковой радѣ, рѣшили вновь отправить въ Петербургъ довѣреннаго человѣка, съ представленіемъ своихъ оправданій и копій съ документовъ, хранимыхъ какъ святыня въ архивѣ Сѣчи, доказывающихъ права ихъ на земское владѣніе войска. Часть этихъ документовъ, хотя и въ копіяхъ, дошли до насъ и были главною основою настоящей книги нашей. Этимъ *посланцемъ* или депутатомъ войска, избранъ на тайной сходкѣ одной старшины, писарь Антонъ Головатый. *Антонъ Андреевичъ Головатый* до 1774 г. былъ извѣстенъ въ войскѣ какъ отличный козакъ Кущевскаго куреня, «грамотный и письменный», служилъ сперва въ командѣ «молодиковъ при боку кошеваго находящейся». По знанію грамоты и особеннымъ способностямъ избранъ былъ въ 1771 году писаремъ Самарской паланки, а послѣ былъ при войсковомъ судьѣ въ Сѣчи или при кошевомъ въ походѣ. Въ качествѣ же писаря ѣздилъ онъ въ 1768 г. въ Петербургъ съ другими столичниками для полученія жалованья и тогда имѣлъ случай познакомиться съ многими знатнѣйшими лицами Имперіи, весьма любившими Запо-

рожцевъ, — что ему и войску не разъ было полезно, какъ увидимъ въ послѣдствіи [1].

Лишь только зима 1773 — 1774 г. кончилась и войско въ походъ выступило, Антонъ Головатый съ однимъ только козакомъ отправился въ Петербургъ. Въ инструкціи, данной ему 12 Марта 1774 г. приказано взять двѣ челобитныя отъ войска и копіи съ столько разъ уже приведенныхъ документовъ: универсала Богдана Хмѣльницкаго 1655 Януарія 15; царской grammaты 7196 (1688); выписки изъ договора вѣчнаго мира, заключеннаго Россіею съ Поляками 1686 г. § 3 и конституціи Варшавской 1717 г., — и съ ними ѣхать ко Двору всемилостивѣйшей Государыни. По прибытіи въ столицу г. генералъ-прокурора князя А. А. Вяземскаго просить: о своемъ представленіи Ея И. В-ву, и, если онъ этой чести удостоится, челобитныя отъ войска подать. Когда для справокъ нужные документы потребуются, представить упомянутыя выше копіи. «Еслижъ и потому (такъ оканчивается инструкція) согласнаго просьбѣ чрезъ два мѣсяца не сдѣлается, то съ вѣдома кого надлежитыметъ возвращаться въ Кошъ». Въ одной челобитной, весьма обширной, изложена была жалоба, уже намъ извѣстная, на Новороссійское и крѣпостное начальство, въ другой какъ бы краткая кредитивная грамматa Головатаго. Въ сей

[1] О *Головатомъ* весьма любопытная статья помѣщена въ № 10 *Отечественныхъ Записокъ* на 1839 годъ.

послѣдней войско просило, чтобы «земли и угодья войска Запорожскаго Низоваго, правою стороною Днѣпра подъ Елисаветградскую провинцію, а тою Донскому войску отшедшія и самовольно *влазящими* (поселенцами) захваченныя, какъ оныя по всесвѣтному знанію и весьма древнѣйшей давности, суть единаго войска Запорожскаго Низоваго, добровольно подъ державу Высочайшаго Всероссійскаго Ея И. В. престола пришедшаго, — всѣ войску Запорожскому Низовому возвратить, и какъ на возвращенныя, такъ и на тѣ, кои обома сторонами Днѣпра, будучи собственными единаго войска Запорожскаго Низоваго — за симъ войскомъ остаются, при его правахъ, вольностяхъ и поселеніяхъ, къ владѣнію таковому, какъ и предки ихъ имѣли, не только въ недавнія времена но егда и подъ Польскою короною были, *да и прежде*, — Высочайшую Ея И. В. граммату пожаловать». (12 Марта 1774).

Однимъ словомъ, Запорожье опять просило, чтобы всѣ Новосербскія поселенія, часть земель Донскаго войска и тѣ Великороссійскія слободы, которыя по Днѣпру и около крѣпостей устроились, были имъ отданы; или другими словами: чтобы Новороссійская губернія была упразднена, а Новая Россія обращена въ такую же глухую степь, какою была она до 1740-хъ годовъ. Легко можно было отгадать послѣдствія такихъ неумѣстныхъ и даже неблагоразумныхъ требованій. Впрочемъ

посланецъ войска былъ принятъ милостиво. Монархиня объщала простить вины войска Запорожскаго, если оно скорою покорностью и сосѣдственною дружбою съ подданными Ея В-ва въ Новороссійской губерніи поселенными, заслужитъ Ея Монаршую милость. Въ именной милостивой грамматѣ, данной по сему случаю, Ея В-во изъявивъ — «сколько съ одной стороны вѣрность и храбрость войска Запорожскаго является въ настоящей войнѣ, къ своей отмѣнной хвалѣ и истинному Е. И. В. удовольствію, столько съ другой производятъ въ ней огорченія, продолжающіяся безпокойства и замѣшательства по поводу границъ въ земляхъ между Сѣчею и Новороссійскою губерніею, — повелѣваетъ: «Какъ правосудіе Наше «имѣетъ непремѣнное и всегдашнее правило воз«давать справедливость всѣмъ Нашимъ вѣрнопод«даннымъ, слѣдственно и Запорожскому войску «Нашему вѣрностью и храбростью отличившемуся, «то Мы вамъ всемилостивѣйше повелѣваемъ: из«бравъ между собою двоихъ или троихъ депута«товъ, знающихъ земли и права войсковыя и «снабдя ихъ всѣми документы, прислать ко Двору «Нашему. По прибытіи которыхъ повелимъ Мы «особенно право ваше разсмотрѣть и сходственно «съ правосудіемъ удовлетворить претензіи вашей, «если она найдется справедливою, ибо Наше въ «томъ есть точное соизволеніе. А до того вре«мени паки строжайше повелѣваемъ остаться спо-

«койно, яко добрымъ гражданамъ и вѣрнымъ «Нашимъ подданнымъ». (За собственноручнымъ «Е. И. В. подписаніемъ 1774 г. Мая 22)[1].

Эта граммата была послана уже прямо Новороссійскому генералъ-губернатору, генералъ-поручику Григорію Потемкину, при слѣдующемъ имянномъ указѣ:

«По умножившимся безпокойствамъ и замѣшательствамъ въ земляхъ Новороссійской губерніи зъ Сѣчею Запорожскою разсудили Мы нынѣ разсмотрѣть сіе дѣло и прекратить тѣмъ всѣ оные единожды навсегда. Въ семъ намѣреніи указали Мы войску Запорожскому прислать сюда повѣренныхъ съ потребными къ рѣшенію о ихъ притязаніяхъ документами, а до тѣхъ поръ остаться спокойно. Вамъ же симъ повелѣваемъ: приказать въ помянутой порученной руководству вашему губерніи, чтобъ всѣ зачатыя понынѣ тамъ селенія остались въ настоящемъ положеніи, и какъ сіи отнюдь распространены, такъ и другія вновь зачинаемы не были, до точнаго впредь о томъ соизволенія Нашего». (21 Іюня 1774 г.).

Запорожцы много надѣялись на Потемкина, который, пока былъ не важнымъ генераломъ или царедворцемъ, т. е. почти частнымъ человѣкомъ, могъ принимать участіе въ судьбахъ войска, льстить его самолюбію, дѣлать свойственныя вся-

---

[1] Эта граммата, подобно другимъ, дошла до насъ въ однѣхъ обрывкахъ, и то въ копіяхъ.

кому дипломату учтивыя обѣщанія, безъ вниманія на политическое онаго состояніе. Но сдѣлавшись членомъ правительства, генералъ-губернаторомъ соперничествующаго съ нимъ края, долженъ былъ перемѣнить мысли, если прежнія его дѣйствія не были только одною игрушкою. Головатый не умедлилъ просить его усерднаго содѣйствія, но получилъ въ отвѣтъ одни комплименты. Такого роду было и слѣдующее письмо, единственный плодъ первой посылки въ столицу Антона Головатаго. Оно было еще адресовано на имя кошеваго Петра Калнишевскаго, хотя противу этого именно атамана устремлены были всѣ его упреки и противу дѣйствія; — впрочемъ оно столь оригинально, что мы приводимъ его вполнѣ съ его формами и *приписками* (PS).

«Ясневельможный Мосцѣ Пане Кошевый!

«Петръ Ивановичь,

«Любезный мой батьку.

«Хотя и не имѣю честь знать васъ самолично, но будучи одно-куренецъ, а теперь и сосѣдъ по Новороссійской губерніи и вѣдая по слуху и славѣ отличность дарованій вашихъ въ ратномъ ополченіи и стройномъ правимаго вами Коша содержаніи, какъ и имѣвъ опыты вашей ко мнѣ дружбы, за долгъ почелъ съ симъ письма вручителемъ паномъ эсауломъ Антономъ Головатымъ, въ знакъ всегдашней къ вамъ моей любви, послать къ вамъ карманные дзигарки (zegarek, часы) и оксамиту (aksamit, бархатъ) на платье, дабы нося

оные, имѣли вы ежечасное воспоминаніе о томъ, который всегда содержитъ васъ въ незагладимой памяти и всѣ ваши препорученія исполнять за обрадованіе и собственное удовольствіе поставляетъ. Увѣряю васъ чистосердечно, что ни одного случая не оставлю, гдѣ предвижу доставить каковую либо желаніямъ вашимъ выгоду, на справедливости и прочности основанную, и какъ у престола Монархини о пользѣ вашей ходатайствовать, такъ и по сосѣдству въ претензіяхъ вашихъ, разобравъ связь обстоятельствъ, мнѣ еще неизвѣстныхъ, помогать вамъ вседушно готовъ.

PS. «Кланяйтесь отъ меня Кущевскому куренному атаману, товариству и всѣмъ сѣромахамъ.

PS. «Будь ласкавъ батьку, пришли мнѣ гарнаго Татарскаго коня, чтобъ козаковать годывся». (21 Іюня 1774 года).

На это весьма любезное посланіе кошевой 24 Сентября отвѣчалъ столь цвѣтущимъ слогомъ, что его письмо и понять трудно, такъ оно преисполнено семинарскаго краснорѣчія, — какъ можно судить изъ слѣдующаго отрывка:

«В. П. кланяюсь едною лошадью, тою, на которой я минувшіе всѣ кампаніи служилъ зъ седломъ Черкесскимъ; о милостивомъ пріемѣ и тѣмъ обрадованіи мене и войска нижайше В. П. упрашиваю и усердно желая ѣздить его по благосчастливомъ пути, притяжащемъ отъ всѣхъ удивительное геройство», и проч.

Между тѣмъ война кончилась, служба Запорожцевъ была не столь нужна, а съ тѣмъ вмѣстѣ

Потемкинъ перемѣнилъ немедленно тонъ и слогъ своихъ писемъ. Еще Запорожцы по случаю зимы не успѣли собраться съ отправкою въ Петербургъ своихъ повѣренныхъ, какъ новыя поспѣвали на нихъ жалобы. Орѣльскій полковникъ не только противился разграниченію земель войсковыхъ, но даже посылаемыхъ геодезистовъ задерживалъ и въ Сѣчь отсылалъ. Карантинное начальство Украинской Линіи жаловалось на разореніе Царицанскаго карантина. Изъ двухъ жалобъ первая была справедлива и полковникъ былъ рѣшительно виноватъ, но упрямый Кошъ вмѣсто должнаго ему наказанія, вздумалъ его защищать. Въ г. Царицанкѣ (Азовск. губ.) карантина никто не разорялъ, ибо козаки вполнѣ умѣли понимать, что это «казенное» учрежденіе; только у маркитанта, который, съ позволенія крѣпостнаго коменданта, завелъ себѣ хуторъ близъ с. Тупаловки, на землѣ Запорожской, безъ позволенія Орѣльской паланки, — строеніе и земля отобраны. Но Потемкинъ успѣлъ уже получить упомянутый именный указъ Императрицы и сей часъ грознымъ письмомъ заговорилъ съ Запорожьемъ. Представивъ и безразсудство Коша и праведный за то гнѣвъ Монархини, онъ требовалъ немедленной впредь покорности и послушанія, скорѣйшей присылки въ столицу войсковыхъ депутатовъ и такъ письмо свое оканчиваетъ:

«Я съ моей стороны безъ всякаго лицепріятія, не опровергая ниже утверждая почитаемое Запорожскимъ войскомъ на тѣ земли право, воспретя подчиненнымъ моимъ строжайше всякое супротивленіе и повинуясь Высочайшей Е. И. В. волѣ, къ окончанію сего дѣла предложилъ уже г. Г. М. Черткову [1], чтобъ онъ со всѣми до того принадлежностьми, такъ какъ и описаніемъ причиненныхъ жителямъ оной губерніи обидъ и разореній, явился ко мнѣ, а въ тоже самое время слѣдуетъ неминуемо быть и ожидаемымъ отъ войска Запорожскаго депутатамъ. Но если бы сверхъ всякаго чаянія сіи дружескіе мои откровенные совѣты не возъимѣли желаемаго дѣйствія, и какъ тѣ депутаты для рѣшенія обоюднаго дѣла сего въ самой скорости не прибыли, такъ и отнятое у поселянъ губерніи моей возвращено не было, въ такомъ уже случаѣ принужденнымъ я себе найду, представъ предъ престоломъ Е. И В. всеподданнѣйше донеся о всѣхъ причиненныхъ губерніи несносныхъ обидахъ и огорченіяхъ, просить правосуднаго Ея защищенія». (8 Декабря 1774).

Еще до полученія этого столь отличнаго отъ прежнихъ «листовъ» приказа, войско 24 Сентября 1774 г. на общей войсковой радѣ избрало депутатами ко Двору, войсковыхъ старшинъ: бывшихъ эсауловъ — *Сидора Бѣлаго* и *Логина Мощенскаго* и полковаго старшину писаря *Антона Головатаго*. Имъ даны копіи съ тѣхъ же документовъ, кото-

---

[1] Генералъ-маіоръ *Василій Чертковъ* управлялъ Новороссійскою губерніею, въ званіи гражданскаго губернатора.

рыя возили всѣ прежнія депутаціи и которыя имѣлъ Головатый въ 1773 г., но которыхъ тогда никто читать не хотѣлъ и новыя челобитныя къ Императрицѣ въ томъ же смыслѣ, что и приведенныя нами выше. Эта послѣдняя депутація Запорожья такъ любопытна и такую оригинальную оставила намъ переписку, что мы сочли необходимымъ представить ее довольно подробно и просимъ терпѣливаго снисхожденія читателей нашихъ.

Въ началѣ Октября 1774 г. депутаты съ свитою изъ 21 козака состоящею, съ многими гостинцами и письмами выѣхали изъ Сѣчи, не смотря на ужасную слякоть, снѣгъ и метелицу и, достигнувъ Линіи, въ Царицанскій карантинъ вступили. Здѣсь они пробыли три недѣли и пустились въ дорогу не раньше 30 Октября. Вотъ уже одно доказательство, что Запорожцы карантина въ Царицанкѣ не жгли[1]. Въ Москву доѣхали 7 Декабря, а 30 писали Кошу: «Въ 7 день сего мѣсяца прибыли мы благополучно и квартируемъ по милости отца архимандрита въ Новоспасскомъ монастырѣ. Намѣрены мы было ѣхать въ Петербургъ, да и оставили мы сію дорогу, потому что

---

[1] Въ одномъ письмѣ своемъ Потемкину, кошевой очень ясно доказываетъ причины всѣхъ жалобъ на войско. «Почему, говоритъ онъ, не жалуется на насъ тотъ, кто нашихъ земель не захватывалъ и ими не пользуется. Только тѣ кричатъ на насъ, кто отъ насъ *користуется* (пользуется нашимъ добромъ)». Но Потемкинъ, по словамъ Головатаго, не читалъ ихъ писемъ, а читалъ только однѣ жалобы на Запорожцевъ.

уже всѣ присутствія и генералитетъ тронулся въ Москву, нѣкоторые уже прибыли, да и Государыни со всѣмъ дворомъ день на день надѣемся. Дворецъ Императорскій, въ которомъ жить Ея В-во имѣетъ, выстроенъ въ улицѣ между Всесвятскими и Пречистенскими воротами, гдѣ былъ Алексѣя Михайловича Голицына фельдмаршала домъ. И такъ, мы еще въ дѣло и не вступали, а какъ прибудетъ дворъ, всемѣрно стараться будемъ отколь надлежитъ просить исходатайствованія у Ея И. В. для войска Запорожскаго Низоваго полезной резолюціи. Нынѣ въ Москвѣ хлѣбъ и все противъ стараго чрезвычайно въ продажѣ ходитъ дорого, а однакъ все сыскать можно».

Тутъ депутаты нашли своего козака *Герасима Чорного*, который ѣхалъ изъ Петербурга съ *котлами* (литаврами), для войска Потемкинымъ дарованными [1]. 6 Февраля 1775 г. отправлено другое письмо. «По порученной намъ отъ вашей вельможности и всего общества коммисіи (писали депутаты), мы по оной уже вступили въ дѣло. Челобитныя приняты отъ насъ г. генералъ-прокуроромъ княземъ Вяземскимъ, для поднесенія Ея

[1] Въ письмѣ Коша Потемкину, въ которомъ онъ благодаритъ за пожалованные котлы, видно, что войско предчувствовало уже свою горькую участь. «Любя (войско) любовно, (такъ оканчиваетъ оное письмо свое), пріймите и мѣры ко исполненію обѣщанія, которымъ столь увѣрены и обрадованы, что не сумнѣваемся о достиженіи утѣшенія въ печалѣхъ нашихъ, имѣя *право* живымъ Богомъ и всѣмъ свѣтомъ оправдаемое». (24 Генваря 1775).

И. В., коихъ о докладѣ Е. С. усерднѣйше просили, и онъ на прошеніе наше обѣщался служить. Также и письма, къ кому принадлежали изъ гг. генералитетовъ, роздали. При роздачѣ которыхъ нами всякаго прошено исходатайствованія у Е. В. полезной резолюціи. Гг. генералитеты завѣряли только тѣмъ, каждой, что «не будете обижены «землями и безъ нихъ не останетесь».... Коня бѣлого при письмѣ Великому Князю Е. И. Выс. Павлу Петровичу нами доставлено. За котораго изволилъ Е. Выс. вашей вельможности и всему Запорожскому войску, изустно при нашей бытности, благодарить. А каштановатый (конь, присланный кошевымъ) Григорію Александровичу г. генералу Потемкину отданъ».

Между тѣмъ войско Запорожское, въ настоящемъ ослѣпленіи пребывая, добрыхъ совѣтовъ и даже предчувствій своихъ не слушало, а поручало своимъ депутатамъ упорство, всегда и такъ уже козачеству свойственное. «Слышно, писалъ Кошъ своимъ депутатамъ, что г. генералъ Чертковъ позванъ туда (ко Двору), но что онъ *непомежникъ* (не сосѣдъ) не имѣющь къ намъ какого либо дѣла, и потому не можетъ быть участенъ въ нашемъ дѣлѣ, которому рѣшеніе отъ Высочайшей особы Е. И. В. зависитъ, по единымъ нашимъ представленіямъ и привиллегіямъ; — то и запрещаемъ *Мы войско* общимъ *нашимъ войсковымъ словомъ*, чтобъ

вы съ нимъ генераломъ Чертковымъ ни во что не вступали». (24 Января 1775).

Но видно, что положеніе депутатовъ было уже самое затруднительное: слѣдующее письмо въ тотъ же день что и предъидущее, писанное съ нарочнымъ козакомъ, для вящшей безопасности, отправлено было однимъ Головатымъ, безъ участія другихъ депутатовъ, на имя самаго кошеваго, чего никогда еще не случалось въ Запорожьи. «Теперь мы уже вступили въ дѣло, писалъ онъ, только не весьма весело кажется. Господа генералы: Потемкинъ, Вяземскій и братъ мой (вѣроятно по куреню) Стрекаловъ, сердятся. Разумовскій, Панинъ, Чернышевъ и прочіе ласково съ нами обходятся. Мы теперь не противъ прочихъ прежде бывшихъ въ радости живемъ. Почти всякій день отъ Новороссійской губерніи получаемъ новые вѣсти; прямо сказать всякаго дня новая радость, а просителей на насъ, вокругъ нашей Запорожской земли живущихъ, у Григорія Александровича (Потемкина) въ комнатахъ не продути, такъ густо, только отдымайсь да отдымайсь! И самъ тутъ Потемкинъ чрезмѣрно пужаетъ за все и угрожаетъ симъ, что онъ Е. В. докладъ учинитъ и востребуется Именнымъ указомъ съ войска зашедшихъ всѣхъ съ Малой-Россіи высылки на прежніе жилища, а оставаться только однимъ иностранцамъ; такъ сердитъ, что и сказать нельзя: за офицеровъ забранныхъ инженерныхъ и пики-

нерныхъ да за разореніе Царицанскаго карантина. Однакъ противъ просителей и самаго его оспариваемъ, сколько можемъ. Слыхали мы отъ Потемкина, что въ недавномъ времени Коммисарской (т. е. Орѣльской поланки) писарь *Вырмѣнка* наѣхавъ на слободу Лиховку разорилъ. Тутъ то намъ хорошій былъ пиръ; котораго (писаря) уже поймано и везутъ въ Москву, что то будетъ? якъ привезутъ, почуемъ. А Велегура, Калміусскій полковникъ отрѣзалъ косы (на Азовскомъ морѣ) у Донцевъ по Міусъ, и за се у Потемкина пили мы крѣпкій пуншъ. При чемъ сказалъ: что и Велегуру прикажетъ взять для свиданія съ Вырмѣнкою и Москвою (т. е. Русскими поселянами).... Нашихъ Дунайцовъ[1] оболгалъ какой-то генералъ: что они отдавали ему свои лодки въ соблюденіе, а самимъ бы итить пѣшкомъ чрезъ Польшу для грабительства; а когда ему мы сказали, что у нихъ всѣ лодки погода побила, то онъ (Потемкинъ) не вѣритъ; такъ я ему въ отвѣтъ сказалъ: «какая въ свѣтѣ есть ложь. Они бѣдные остались «по причинѣ судьбы своихъ лотокъ, да хотябы и «пошли пѣшкомъ, какъ сказано на грабитель«ство., то что они пѣшіе занесутъ». А Потем«кинъ выговорилъ: «будто я не знаю вашихъ

---

[1] *Дунайцами* прозвали въ Кошѣ тѣхъ козаковъ, которые на лодкахъ въ 1771 году дѣлали экспедиціи для осмотру Днѣпровскихъ и Дунайскихъ гирлъ, или служили при транспортѣ припасовъ для арміи, дѣйствовавшей при Дунаѣ.

«ухватовъ: пѣшкомъ пойдетъ; а узду за поясомъ «одну, либо въ саквахъ двѣ, то на нихъ и коней «весьма скоро добуть можетъ, чтобъ не пѣшому «быть каждому, а на вьючные добычь, для облег«ченія себя». Завѣряю васъ, что уже надъ нами не происходитъ, только не трусимъ, да и вы держитесь добре за корму, что Богъ дастъ, въ его святой волѣ все зависитъ». (6 Февраля 1775)[1].

Весь Февраль и Мартъ прошелъ и дѣлами Запорожья никто по видимому не занимался. 6 Апрѣля писали депутаты, что они были еще не разъ у князя Вяземскаго, а тотъ отсылалъ ихъ къ генералу Ст. Фед. Стрекалову. Стрекаловъ сказалъ имъ, что дѣло ихъ изъ первыхъ разберется въ Сенатѣ, а тогда сдѣланъ будетъ Е. И. В. докладъ; но когда? депутаты не знали, да вскорѣ самъ Стрекаловъ заболѣлъ и они его не могли видѣть. «Теперь, писали они, живемъ въ Москвѣ безъ дѣла, къ кому не явимся, всякъ отговаривается, что не до его касается; у Григорія Александровича Потемкина часто бываемъ, да мало говоримъ. На сихъ дняхъ г. генералъ Потемкинъ намъ объ-

---

[1] При этомъ письмѣ приложена весьма забавная такъ называемая *цидулка* т. е. post scriptum. «Здѣшней помѣщицы княгини Долгорукой крѣпостной, живописный майстеръ, человѣкъ искусный, обученъ отъ сего художества славнымъ Петербургскимъ живописцемъ Левицкимъ, желаетъ себѣ сыскать работу въ войскѣ и его госпожа отпущаетъ. Ежели онъ для чего тамъ надобенъ, то увѣрить насъ чрезъ письмо покорнѣйше просимъ. Сей живописецъ такой человѣкъ разумный, что надобно, вздумай только, а съ живописи сдѣлаетъ».

явилъ, что привезенъ Вырмѣнка писарь и съ нимъ 3 козака въ Москву и содержатся нынѣ въ Преображенскомъ полку подъ карауломъ; что съ ними будетъ, неизвѣстно».

Другое письмо въ тотъ же день посланное въ Кошъ, было вмѣстѣ и послѣднимъ. Выписываемъ оное во всей цѣлости, какъ весьма оригинальное и любопытное.

«Наши просьбы приняты Вяземскимъ; довольно было грозныхъ выговоровъ отъ его за разные неправедные отъ Новороссійской губерніи наносы, какъ то: зажиганіемъ селеній, угономъ скота, взятіемъ и содержаніемъ подъ карауломъ пикинерныхъ и инженерныхъ офицеровъ. Мы противъ его угрозовъ довольно смѣло и порядочно оправдали свою сторону всякими удобными резонами. Между симъ просили его о докладѣ нашихъ просьбъ Е. И. В. Онъ на сіе только сказалъ: «хорошо». Когда на другой день явились у него и зачали опять просить, то онъ сказалъ, чтобъ ему объ семъ *не кучили*, а являлись бы у Стрекалова.

«Когда же мы явились у Стрекалова, то будучи онъ симъ недовольнымъ, грозилъ за сіежь, что и Вяземской и выговаривалъ: «въ вашихъ-де «прошеніяхъ есть такое, которое совсѣмъ не принадлежитъ Государынѣ; на что вы о другихъ людехъ «кромѣ себе доносите, на карантинныхъ офице-

ровъ»? Мы ему на сіе отвѣтствовали: «Вы намъ какъ «не вѣрите, то повѣрить можете постороннимъ, ка- «кія издѣрства взятками дѣлаются въ карантинахъ «и другихъ мѣстахъ разнымъ проѣзжающимъ». Онъ Стрекаловъ сказалъ: «а земли, что называ- «ются въ челобитныхъ вашихъ *вашими*, почему-де «вы ихъ присвоили». На что мы ему отвѣчали: «что съ ними пришли подъ державу Россійскую «съ подъ Польской короны, имѣемъ письменные «на то документы». А Стрекаловъ говорилъ: «Когда-де вы измѣнили (въ 1709), то земли и «права свои потеряли». — «Правда, мы ему ска- «зали, когда мы были подъ Турецкою держа- «вою, то съ тимижъ землями пришли подъ Рос- «сію, да имѣемъ покойницы Анны Іоанновны «Императрицы грамматы простительныя[1] всѣхъ «нашихъ винъ; Она оставила насъ при всѣхъ «нашихъ правахъ, вольностяхъ и земляхъ по «прежнему. Какъ они и не отходили отъ насъ «такъ, такъ и есть. И надѣемсь вѣрно, что въ «Россіи архива не горѣла; въ ней есть преж- «нихъ Государей отпуски (черновые) грамматъ «въ войско, съ якихъ ясно усмотрѣть можете, — «когда на наши копіи не вѣрите». Стрекаловъ сіе и самъ утвердилъ, что есть архива цѣла и «бу- демъ-де искать по иностранной коллегіи», а намъ сказалъ, что «васъ позовется въ совѣтъ».

---

[1] Граммата 1733 г. Августа 31.

«Теперь мы сего дошли, что поручено въ иностранной коллегіи историку нѣмцу, полковнику *Мгйнеру*[1] выписку чинить (изъ архивовъ), съ якой уже часть скопѣевано и посылается; съ коей усмотрѣть можете предковъ нашихъ борьбы съ Турками, Молдавіею, Ляхами и Россіею; только еще не все сіе окончено. А течетъ выписка и всего стараться будемъ достать. Выписку сію въ Сенатѣ приговорено чинить по большей части Никитою Ив. Панинымъ; онъ много оспариваетъ съ ними за насъ.

...«Когда мы Вермѣнку отправдывать стали: что не допускаетъ землями нашими корыстоваться (пользоваться) поселянъ Новороссійскихъ, не самъ собою, но съ повелѣнія команды своей; то Потемкинъ сказалъ: «пошлется-де граммата въ «Кошъ, чтобъ самъ кошевой съ писаремъ его «Глобою пріѣхалъ въ Москву на отвѣтъ». Мы ему на сіе отвѣтствовали: что «кошевой и старшины «сему не причиною, а дѣлается сіе отъ общества: «кошевому и старшинамъ ежедневно кучатъ стари- «ки и атаманы и войско о семъ что негдѣ се- «литься. Да оножъ сверхъ сего было наше и есть».

---

[1] Депутаты говорятъ здѣсь объ исторіографѣ и членѣ Академіи Наукъ *Миллерѣ*, котораго записки о Малороссіи, подъ заглавіемъ: *Cosaccica* находятся въ государственномъ архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Упомянутой здѣсь *выписки*, списанной или переведенной въ Москвѣ и посланной въ войско, въ архивѣ Сѣчевомъ мы не нашли. Для пользы исторіи желать должно, чтобы сочиненія столь знаменитаго ученаго объ Украинѣ, о Сѣчи и Запорожцахъ были напечатаны; тогда бы и нашъ разсказъ былъ бы занимательнѣе, какъ вспомогательный архивъ современныхъ документовъ.

«Присланные письма съ Коша чрезъ *Федора Дона* Потемкину, мы ему спорyчили; между якими онъ съискалъ себѣ весьма пріятное, такъ что самъ говорилъ намъ: «и я де такое напишу отъ себе «въ Кошъ, что и не прочтутъ». А мы ему сказали: «Въ войску нашемъ не безъ грамотнаго; есть «съищется прочитать»; и хотѣлъ Потемкинъ биться объ закладъ съ нами, да и говорилъ, «что Глоба «вашъ въ войскѣ не захочетъ его читать, а я де «ваше пособщалъ разумнымъ людямъ для любо«пытства». Мы сіе не только отъ его слыхали, что забавляются симъ письмомъ многіе министры, но и отъ другихъ удостовѣрены, что точно такъ есть, всѣ нимъ забавляются, видно что сіе письмо нѣсколько ихъ стревожило. Изъ сего примѣчать можно, теперь насъ изъ Новороссійскихъ командировъ тутъ находячихся никто не зачепае; только и разговоровъ, что съ такими, къ которымъ дѣло наше не принадлежитъ.

«У г. Потемкина видали мы сами представленныхъ на образецъ двухъ пикинеръ, одного Новой-Линіи (Днѣпровскаго), а другого Кинбурнскаго полку; видно очень ясно, что такіе полки набиратимутся и поселянъ заводить будутъ, когда что не помѣшаетъ.

«Слыхали мы: пошлются въ наши земли землемѣры. Разными образы ваша вельможность къ сему не допустить, ибо мы уже многимъ подложникамъ сказывали, что если они поѣдутъ безъ

вѣдома Коша, то взяты будутъ подъ караулъ. Мы сіе и всѣмъ генераламъ сказывали не однажды: «когда посланы будутъ (землемѣры) безъ «вѣдома Коша, а попадутся, хотя и повѣсятъ (ихъ) то пропадетъ».

«Еще Потемкину хто-то донесъ, будьто бы ваша вельможность обзаводите себѣ модные покои такіе, какихъ никогда не бывало тамъ (въ Сѣчи), и весьма богатыми всѣхъ Запорожцевъ ставютъ, а кольми паче вашу вельможность; что въ недавнемъ времени продали въ Крымъ овецъ 14,000 по 2 руб. каждую, — сіе самъ Потемкинъ намъ говорилъ».

Этотъ столь любопытный отчетъ такъ оканчивался: «Теперь какъ видимъ, остается все наше дѣло на волѣ Божіей, да на попеченіи Ея И. В. Еще тутъ для насъ ничего кажется важнаго нѣтъ, хотя и пужаютъ насъ; да мы не падшимъ духомъ стремимся противу ихъ, по нашимъ во всемъ праведностямъ».

Это было послѣднее письмо депутатовъ и можно сказать послѣднее слово Запорожскаго архива. По разнымъ причинамъ оно получено въ Кошѣ едва 7 Мая. А 6 Іюня уже и самаго войска не стало. Объ этой неудачной депутаціи нашли мы слѣдъ и въ одной пѣсни сложенной въ Запорожьи по случаю паденія Новой-Сѣчи. Въ ней козакъ поетъ:

«О вжежь нашъ батько Головатый
Та ничого не зможе,
Все каже що Потемкинъ горлатый
Усе тее переможе....
И Нечоса кричавъ, кричавъ,
Хотивъ по своиму зробыты,
А дали охрипъ — Текелю славъ
Чтобъ нашу Сичь сполоныты»....

Краткій разсказъ объ этомъ важномъ событіи и паденіи столь знаменитаго военнаго общества, столько вѣковъ равно вреднаго какъ и полезнаго, будетъ предметомъ слѣдующей главы обозрѣнія нашего.

ГЛАВА VI.

«АТАКОВАНІЕ» СѢЧИ, ПАДЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО И ПОСЛѢДНЯГО КОША ЗАПОРОЖСКАГО ВОЕННАГО ОРДЕНА.

1775.

Какія причины заставили правительство уничтожить войско, еще недавно покрывшее себя славою на полѣ битвы, гдѣ легли сотни его братій и поддержаны дѣла отечества, по силамъ войска, съ непоколебимою вѣрностію; —еще трудно и не время опредѣлить съ точностью. Документы современные этому событію намъ вовсе неизвѣстны, а въ догадки пускаться о событіяхъ еще столь близкихъ — прагматическому историку не прилично. Мы только укажемъ на два, быть можетъ, мелкія обстоятельства которыя если не рѣшили, то вѣрно ускорили паденіе Запорожья.

Депутаты въ послѣднемъ письмѣ своемъ изъ Москвы писали кошевому: «Сообщаемъ указъ о Азовской губерніи, вновь заведенной, съ котораго

усмотрѣть можете, и о Донскомъ войскѣ что сдѣлалось; а сему причиною одинъ ихъ старшина *Мартыновъ*, а прочіе старшины и козаки тутъ находящіеся недовольны и въ весьма великомъ сѣтованіи и отчаянности находятся». Это учрежденіе Азовской губерніи было, кажется, одною изъ главныхъ причинъ упраздненія Запорожскаго военнаго братства. Довольно разсмотрѣть проэктъ устройства и составъ этой губерніи, чтобы согласиться съ нами. Она составлена изъ двухъ провинцій: *Азовской* или южной и *Бахмутской* или сѣверной. Къ первой причислены: 1) *Азовъ*, 2) *крѣпость Св. Димитрія* (нынѣ Ростовъ) и 3) *Таганрогъ*, — три города почти еще не существовавшіе и которые въ 1780 годахъ не имѣли всѣ три и 2,000 жит. об. пола, за исключеніемъ гарнизоновъ; 4) крѣпости Днѣпровской Линіи; 5) на оконечности Крымскаго полуострова крѣп. Керчь и Еникале, — обѣ почти пустыя, и наконецъ 6) Кинбурнская крѣпость и тотъ уголъ земли, который лежалъ между устьями Буга, Днѣпра и границею 1740 г., откуда всѣ бывшіе жители: Турки, Греки и Ногайцы ушли въ Турцію. Чтобы, слѣдственно, эту часть новой губерніи дополнить чѣмъ нибудь, — Потемкинъ, котораго честолюбіе увеличивалось безпрестанно, вздумалъ присоединить къ нимъ *Новочеркаскъ* со всѣми станицами Донскаго войска, обративъ ихъ въ уѣздъ, назван-

ный Донецкимъ [1]. Вторая провинція составилась изъ Бахмутскаго округа и Славеносербіи, гдѣ жители, хотя и немногочисленные, уже были; — но она отдѣлялась отъ южной части своей и Новороссійской губерній обширнымъ пространствомъ Запорожскихъ «вольностей» или земель и, можно сказать, составляли обѣ вмѣстѣ родъ узкой дуги, обгибающей съ юга, востока и сѣверовостока все почти Запорожье. Такимъ образомъ полагать должно, что Потемкинъ, видя столь невыгодное географическое положеніе ввѣреннаго ему края, предложилъ правительству округлить оный на счетъ владѣній этого войска. Вѣроятно онъ нашелъ сперва много противурѣчій, но съумѣлъ устранить оныя самымъ существеннымъ образомъ, ибо видимъ въ послѣдствіи, что князь Вяземскій получилъ при раздѣлѣ Запорожскихъ земель 100,000 дес., въ томъ числѣ и обѣ Сѣчи; Князь Прозоровскій почти столько же, другіе меньше. Согласить войско на уѣздное управленіе, на его *секуляризацію* (если смѣемъ такъ выразиться) какъ это было съ Донцами, не было никакой надежды, какъ судить могли и Потемкинъ и министерство по ихъ челобитнымъ и граммамъ, на которыя они безпрестанно ссылались; не говоря уже о безразсудныхъ притязаніяхъ, что

---

[1] Этому войску прежнее козачье образованіе возвращено Императоромъ Павломъ I, въ 1797 г., и сохранено до нашихъ дней.

ясно доказываютъ и письма козачества, выше нами приведенныя. Быть можетъ тогда нашлись охотники доказывать, что войско при малѣйшемъ неудовольствіи, сдѣлается изъ вѣрныхъ подданныхъ опасными врагами, что оно готово предаться Польшѣ или Турціи, — и тогда его гибель была рѣшена.

Другая причина нами предполагаемая могла быть основана на требованіяхъ самой простой политики. Какая была цѣль учрежденія и существованія войска? Защита Славянскихъ государствъ — сперва Польши, а послѣ Россіи отъ Турокъ или ближе отъ Крымцевъ, Ногайцевъ и даже Молдаванъ. Но въ 1775 г. Турки были такъ побиты, что едва чрезъ десять лѣтъ собрались не много съ силами; о Молдаванахъ уже забыли въ Европѣ, а Крымцы и Ногайцы были рѣшительно обезоружены и только носили имя Татаръ, нѣкогда столь грозныхъ для Руси и Польши. Такимъ образомъ послѣ Кучукъ-Кайнарджинскаго мира, посредствомъ поселенныхъ гусарскихъ и пикинерныхъ полковъ, новой *Линіи* крѣпостей и Азовской провинціи, тоже изъ однѣхъ крѣпостей состоящей, южныя границы довольно прочно были ограждены; отъ того войско Запорожское, особенно въ своемъ орденскомъ, неугомонномъ и непокорномъ устройствѣ, было почти не нужно, а могло быть весьма вредно. Угрозы подобныя тѣмъ, какія дѣлали депутаты на счетъ землемѣ-

ровъ, были переданы высшей власти, — и мѣра снисхожденія преисполнилась. Императрица повелѣла: однимъ ударомъ разсѣчь гордіевъ узелъ споровъ и тяжебъ Запорожья съ сосѣдними областями, чтобъ упрочить миръ на югѣ Россіи [1].

Императрица повелѣла Потемкину постараться занять Сѣчь и все Запорожье вооруженною рукою, но такъ, чтобы какъ можно меньше было насилія и кровопролитія, а болѣе кротости и убѣжденія. Для исполненія Монаршей воли, Потемкинъ послалъ генералъ-поручика *Петра Абрамовича Текелія*, Серба, родственника и друга того самаго Хорвата, съ которымъ въ 1750-хъ годахъ столько боролись Запорожцы. Ему усердно содѣйствовалъ генералъ-поручикъ князь А. А.

---

[1] Изъ оставшихся бумагъ Антона Головатаго не видно, чтобъ онъ предугадывалъ судьбу своего войска. Но авторъ весьма остроумной статьи, помѣщенной въ № 10 Отечеств. Запис. на 1839 г., подъ заглавіемъ: *Головатый*, думаетъ иначе; онъ говоритъ, что Головатый пользовался милостію Потемкина и когда былъ въ Москвѣ членомъ последней депутаціи, понимая уже близкій конецъ Запорожья привезъ съ собою и показалъ Потемкину проэктъ о реформѣ своего войска по образцу Донцевъ, увѣряя въ безпрекословной его вѣрности и послушаніи. Но Потемкинъ ему сказалъ: «Не можно вамъ оставаться. «Вы крѣпко разшалѣлись и ни въ какомъ видѣ не можете уже при- «носить пользы». Въ этомъ смыслѣ, *что они были не нужны*, — заключался приговоръ Запорожцевъ. Въ статьѣ этой, сочиненной извѣстнымъ псеудонимомъ *Грицькомъ Основьяненкомъ*, т. е. *Григоріемъ Квиткою* сдѣланы нѣкоторыя мелкія ошибки. Головатый названъ Антономъ Васильевичемъ, вмѣсто Андреевича, какъ это мы знаемъ изъ подлинныхъ его писемъ 1775 году, и вмѣсто полковаго пожалованъ въ войсковые писаря. *Сидоръ Бѣлый* названъ Семеномъ, и пр.

Прозоровскій, бывшій соратникомъ козачества въ кампанію 1770—1774 гг., а тогда командовавшій войсками на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Корпусъ Текелія раздѣленъ былъ на пять отрядовъ:

Первый отрядъ подъ командою самого Текелія состоялъ: изъ Пермскаго и Вятскаго карабинерныхъ (т. е. драгунскихъ), Ахтырскаго и Острогожскаго— гусарскихъ, Орловскаго, Козловскаго, Бутырскаго, Ингерманландскаго, Навагинскаго, Копорскаго — пѣхотныхъ и пять козачьихъ; — со стороны Новой-Сѣчи.

Второй — подъ командою *Г. М. Чорбы*, состоялъ: изъ Волошскаго гусарскаго, Венгерскаго гусарскаго 3-хъ эскадроновъ, Елисаветградскаго пикинернаго 11-ти эскадроновъ, т. е. части военнаго Новороссійскаго поселенія и одного Донскаго козачьяго — со стороны р. Сугаклеи-Камышеватой до устья р. Домоткани въ Днѣпръ

Третій — подъ командою *Г. М. Лопухина* состоялъ: изъ Харьковскаго гусарскаго, Сибирскаго, Куринскаго и Низовскаго пѣхотныхъ и 3-хъ Донскихъ полковъ, отъ устья Ингула въ Бугъ до Кызикерменскихъ *городковъ* (Бериславля).

Четвертый — подъ командою *Г. М. Графа де-Бальмена* состоялъ: изъ Ингерманландскаго карабинернаго, втораго Московскаго пѣхотнаго и и 2-хъ Донскихъ полковъ — у Новаго-Кодака и его окрестностяхъ.

Наконецъ пятый — подъ командою полков-

ника *Звѣрева* состоялъ: изъ Астраханскаго карабинернаго, 12-ти гусарскихъ эскадроновъ Чернаго и Молдавскаго полковъ и двухъ козачьихъ — отъ Екатерининскаго шанца (Ольвіополя) до устья Ингула въ Бугъ (Николаева).

Такимъ образомъ для занятія Сѣчи Запорожской, имѣвшей до 20-ти мелкихъ пушекъ, и до 10,000 козаковъ и служителей, Текелій велъ: 8 полковъ регулярной кавалеріи, 20 гусарскихъ и 17 пикинерныхъ поселенныхъ эскадроновъ, 10 пѣхотныхъ регулярныхъ и 13 Донскихъ козачьихъ полковъ. Кромѣ того, въ случаѣ нужды, князь Прозоровскій долженъ былъ дѣлать ему диверсію на лѣвой сторонѣ Днѣпра, отъ Малороссіи и Слободскихъ полковъ.

Запорожскіе депутаты были еще въ Петербургѣ «не опадшимъ духомъ стремясь» противъ своихъ противниковъ (какъ они писали въ Кошъ), когда Текелій присоединялся уже къ своему корпусу, собранному близъ крѣп. Св. Елисаветы, для распредѣленія онаго такимъ образомъ, чтобы Запорожье было занято въ одно время со всѣхъ сторонъ. Занятіе это столь покойно и столь легко было исполнено, къ крайнему удивленію занятыхъ полевыми работами и ловомъ рыбы Запорожцевъ, что одна пѣснь говоритъ объ этомъ слѣдующее:

«*Батько* — кошевый выглянувъ въ окошечко и увидя армію, сказалъ козакамъ: «дѣтки, что намъ «дѣлать, вотъ идетъ войско Матери нашей (Ца-

«рицы) звать насъ, чтобы мы опять Татаръ прочь, «какъ саранчу сгоняли». Но козаки отвѣчали ему: «нѣтъ, батьку! насъ не туды зовутъ, ибо Русскія «пушки не противу Татаръ, а прямо на насъ «своими горлами обращены».

25 Мая весь корпусъ тронулся въ походъ, прямо слѣдуя къ Сѣчи. 4 Іюня генералъ-поручикъ Текелій видя, что нигдѣ не встрѣчаетъ ни малѣйшаго сопротивленія, съ пѣхотнымъ Орловскимъ полкомъ подъ командою полковника *Языкова* и съ частью конницы подъ командою полковника *Барона Розена*, подошелъ прямо чрезъ селенія (т. е. зимовники и предмѣстье Гассанъ–Баша) до Ново-Сѣченскаго ретраншамента «никѣмъ (какъ сказано въ его рапортѣ отъ 6 Іюня) за ихъ сномъ необозримъ, такъ что и часовые при ихъ артиллеріи въ томъ же *упражненіи* (т. е. снѣ) были, которую ускорилъ Баронъ Розенъ конницею занять[1]. А къ тому поспѣшилъ и Языковъ, какъ то занятіе приумножить, такъ и по всѣмъ улицамъ пристойные караулы разставить. Исполняя Высочайшее Е. И. В. соизволеніе дабы спокойно и безъ кровопролитія кончить, послалъ я къ вызову кошеваго ко мнѣ пол-

---

[1] На приложенномъ нами въ 1 части книги нашей планѣ Новой-Сѣчи видно, что между ретраншаментомъ и Кошемъ былъ валъ и ровъ, но это не составляло никакой преграды для Сѣчи; ибо мы видимъ одну жалобу коменданта Ново-Сѣченскаго ретраншамента *Маіора Микульшина*, что «ровъ совсѣмъ засыпался, а валъ служитъ дорогою козакамъ въ поле, рогатки же по козачьей безпечности никогда и не опускаются».

ковника *Мисюрева*, котораго хотя долго не допускали въ укрѣпленія кошей, но однако, примѣчай, какъ обозрѣлись что ихъ укрѣпленіе со всѣхъ сторонъ окружено и занята артиллерія и суда стоящія на р. Подпольной, впадающей въ Днѣпръ (что на планѣ называется *уступъ*), и сколь уже небыло имъ средствъ къ утечкѣ столь и къ оборонѣ не въ силахъ, допустили его Мисюрева; и согласился кошевый съ своими старшинами ко мнѣ выѣхать. А по прибытіи въ лагерь, взятъ онъ и писарь Глоба и какъ сказываютъ ихъ же единомышленникъ судья Головатый, (Павелъ Флоровичь, преемникъ Николая Косапа) подъ караулъ. Въ самое жь то время 4 за время приготовленныя пѣхотныя роты и въ укрѣпленіе кошей вступивъ, заняли оныя, гдѣ ихъ войска болѣе 3,000 находилось, и тогда жъ взяты подъ корпусный караулъ. Войсковый казенный и пороховой погреба, канцелярія кошей и всѣ принадлежности, на завтрешній день (5 Іюня) собраны были изъ укрѣпленія въ поле. Войсковые старшины, куренные атаманы и козаки, при обьявленіи всевысочайшаго Е. И. В. объ ихъ народу соизволенія, положили ружья. А нынѣ описываются ихъ артиллерія съ принадлежащими къ ней припасы, войсковая казна и имѣніе: кошеваго, писаря Глобы и судьи Головатого». Текелій окончиваетъ свое донесеніе обѣщаніемъ, что во всѣхъ частяхъ Запорожья также скоро все окончится; что онъ отсылаетъ ко-

шеваго, писаря и судью въ Москву и повергаетъ себя и бывшихъ послѣ него «первыми» въ этомъ подвигѣ, полковниковъ: Языкова и Барона Розена въ милость Е И. В-а.[1].

Это занятіе Сѣчи Русскими войсками, уничтоженіе, по волѣ Монаршей, общества и даже имени Запорожскаго, извѣстно въ народѣ Украинскомъ и сохранилось доселѣ въ Новой-Россіи подъ названіемъ «*Атакованія Сѣчи*». Его весьма оригинально и сходно вполнѣ съ истиною, описалъ Коржъ въ своихъ преданіяхъ, и мы полагаемъ что принесемъ большое удовольствіе читателямъ,

---

[1] Мы долгомъ считаемъ выписать здѣсь изъ одного Сербскаго журнала называемаго «*Лѣтопись на 1835-й годъ*» изд. въ Будѣ въ Венгріи, (изъ статьи *Ѳ. Павловича*, подъ заглавіемъ: «*Біографія П. Авр. Текели Россійскаго генерала*») сказаніе объ этомъ славномъ подвигѣ генералъ-поручика Текелія, изъ котораго можно узнать и о глубокой учености Венгерскихъ журналистовъ (стр. 8): «Козаки Запорожскіе были независимы отъ Россіи, имѣли особаго князя, именовавщагося *Кочемъ* (?); свои отдѣльныя владѣнія и управленіе и свой городъ или крѣпость, называемую *Сѣчь*. Жили они около Донца, Самары, между Днѣпромъ и Дономъ; у нихъ было до 40,000 воиновъ. Ихъ то Императрица желала покорить подъ свою власть, но самъ Петръ Великій и всѣ его преемники никакъ этого достигнуть не могли (!!), и Императрица нѣсколько разъ это намѣреніе имѣла и нѣсколько разъ отъ онаго отказывалась. Эта слава предоставлена была Петру Текелію, на котораго храбрость и искуство полагаясь, Императрица повелѣла ему покорить этихъ людей. Въ слѣдствіе такого повелѣнія дано было ему значительное число войска, и дабы это порученіе исполнить безъ большаго кровопролитія, нашъ генералъ употребилъ воинскую хитрость. Явившись къ Кочѣ (кошевому), сказалъ, что онъ имѣетъ повелѣніе идти на Крымъ, но принужденный проходить земли ему подвластныя, желаетъ дабы и Кочь нѣкоторое число того войска,

приведя вмѣсто нашихъ не полныхъ свѣдѣній, живой разсказъ очевидца объ этомъ замѣчательномъ произшествіи:

«Сѣчь была атакована, говоритъ Коржъ, генераломъ Текеліемъ такимъ образомъ: Текелій пришедши съ вооруженною арміею къ Днѣпру, отдалъ приказъ всѣмъ своимъ полкамъ, раскомандировавши ихъ какъ слѣдуетъ, дабы они приближась къ Запорожью, въ одинъ именно день и въ урочное число, т. е. на самую Тройцу, на *зеленыхъ святкахъ*, въ Маѣ мѣсяцѣ (Іюнѣ) заняли всѣ по Днѣпру Запорожскіе предѣлы. Самъ же съ

которое вмѣстѣ съ Русскими противу Турокъ воевало, къ нему присоединилъ, тѣмъ болѣе, что его земли сосѣднія съ Татарами и онъ тамъ можетъ себѣ пріобрѣсть новыя, въ Турецкихъ владѣніяхъ. Кочь согласился на это предложеніе и когда войска Русскія вступили въ его земли, генералъ Текелій сказалъ, что онъ желалъ бы пройти въ Сѣчь, и тамъ свои планы, какъ Татаръ воевать, обоюдно обдумать. Такимъ образомъ часть Русскихъ войскъ вошла въ Сѣчь и переговоры начались; но въ одну ночь генералъ приказалъ, чтобы Коча и его старшинъ схватить, что совершено такъ живо, что ни малѣйшаго смятенія не произошло. Кочь съ своимъ секретаремъ и другими старшинами и архивомъ посланъ въ Петербургъ, а остальнымъ прочитали указъ, въ которомъ сказано, что кто хочетъ остаться, долженъ жениться и обработывать землю, а нежелающіе могутъ разойтись, куды хотятъ.... Эта побѣда безъ малѣйшей потери одержанная такъ восхитила Императрицу, что она отъ безмѣрной радости, дождавшись наконецъ покоренія козаковъ, спросила Текелія: какой бы онъ желалъ награды? На то, что бы думалъ читатель, отвѣчалъ Текелій? Такое дѣло не княжескаго ли сана достойно было? иной богатства бы или знатности пожелалъ, а этотъ герой просилъ одного.... чтобы его соотечественника и друга генерала *Хорвата* (Осадчаго Новосербіи) изъ заточенія возвратили и пр.».

своею дивизіею и артиллеріею, также въ тотъ самый день приблизился къ Сѣчи и ставши за 2 версты отъ оной, на открытомъ мѣстѣ, разбилъ свои палатки и велѣлъ выстроить въ линію всю свою артиллерію противу Сѣчи, не начиная однакожъ ни одного выстрѣла; а тоже и отъ Сѣчи не было никакого сопротивленія. И пока стоялъ Текелій въ палаткахъ около Сѣчи два дни, въ теченіи сего времени чрезъ курьеровъ стало извѣстно уже всѣмъ, какъ Сѣчевому начальству, такъ и Текелію, что и Россійскіе полки заняли уже всѣ поланки, всѣ мѣстечки и всѣ слободы по всему Запорожью. Потомъ на 3-й уже день послалъ Текелій своего курьера въ Сѣчь и просилъ всю старшину Запорожскую къ себѣ въ гости. По полученіи таковаго извѣстія, собравши кошевый всѣхъ куренныхъ атамановъ въ сходку, началъ совѣтоваться: «а що панове «отаманы теперь будемъ робыты? « отъ москаль у «гости насъ кличе, чи пидемъ, чи ни пидемъ? чи «отдамо Сичь москалёви, чи не отдамо»? Тогда атаманы, ватажки и прочіе характерники начали между собою бунтоваться: иные согласны были смириться, а иные противилися въ надеждѣ своего *характерства* (невредимости посредствомъ чаровъ) и говорили «нехай Текелій приведе еще стилько «війска, якъ се, то мы все въ пухъ разобьемъ, «якъ мухъ передавимъ. Чи то можно Сичь и « славное Запороже Москалеви отдати за спасибо? « Сёго николы поки свитъ соньца не буде». Ибо

таковые отважники были вси *сиромы* (сиротки) бурлаки и не женаты, а притомъ и осѣдлостей никакихъ не имѣли, а потому и бунтовались. Но большая часть, какъ изъ атамановъ, такъ и изъ богатыхъ козаковъ, имѣя у себя женъ и дѣтей[1] и прочія достаточныя обзаведенія по зимовникамъ и разсуждая такъ, что: — хотя мы войско Текеліево, находящееся нынѣ въ лагерахъ и истребимъ безнужно до ноги, но то бѣда, что тѣ полки, кои вступили уже въ наши владѣнія и заняли всѣ поланки и слободы, услышавши наше сопротивленіе, разорятъ всѣ наши тамошніе пожитки, а женъ нашихъ и дѣтей безчеловѣчно уже предадутъ смерти; — а потому и не согласны были на мнѣніе бунтовщиковъ отважныхъ, а сверхъ того и бывшій въ Сѣчи архимандритъ[2] услыша такое ихъ нестроеніе и мятежъ, вышедши во всемъ священическомъ облаченіи изъ церкви съ крестомъ, началъ уговаривать мятежниковъ: «Убойтеся Бога! Вы «христіане и подымаете руки на христіанъ! Вы «христіане и жаждете пролить кровь единоутроб- «ную! Убойтеся и перестаньте такого начинанія. «Видно уже судьба наша такова, и мы пріемлемъ

---

[1] Коржъ говоритъ это на 130 году своей жизни и могъ забыть, что женатые козаки въ Сѣчи не бывали, и ни въ какихъ собраціяхъ т. е. *радахъ и сходкахъ* не участвовали, а тѣмъ болѣе куренными атаманами быть не могли. Кромѣ того женатые обитали въ селеніяхъ, а зимовниковъ имѣть не могли.

[2] *Владимiръ Сокальскiй,* пожалованный изъ начальниковъ Сѣчевыхъ церквей, по указу Императрицы въ 1774 г. въ архимандриты.

«отъ Бога достойная по дѣламъ нашимъ. Вотъ «вамъ крестъ и распятый на немъ, если вы его «не послушаете, то всѣ погибнете внезапно». И отъ такого разительнаго увѣщанія, я думаю каменное сердце испустило бы свои слезы; и начали плакать не только мятежники, но и вся старшина и войско и тутъ же всѣ отвѣчали архимандриту: «Ну панъ-отче, быть тому такъ! знавъ, що сказаты; мы готовы за тебе и головы наши «положити, не только послухаты»! Потомъ когда уже и по увѣщанію архимандрита и по прочимъ обстоятельствамъ всѣ къ единому мнѣнію склонились, то начали говорить кошевому: «ну «батьку, вельможный пане! теперь якъ хочь, такъ «и думай съ сими гостями, а мы готовы тебе «слухать, чи идти, то идти». — Тогда кошевой имъ сказалъ: «нельзя братци не итти, бо вже се «не дурныця (шутка), вы сами бачите (видите), «що москаль насъ атаковавъ кругомъ и артиллерію «на насъ всю вооруживъ; уже се гости такіе, «що пишовши до нихъ, врядъ ли назадъ вси вер- «немось. Но быть тому такъ! ничого уже довше думать. Господи поможи! дай Боже въ часъ до- «брый! Ходимъ панове отаманы! що буде, то буде, «а бильше буде, такъ якъ Богъ дастъ».

«Потомъ взявши хлѣбъ и соль пошли всѣ къ Текелію въ палатку и поднесши ему оные говорили: «кланяемся В. П. хлибомъ и силыо». — «Благодарю Запорожники за хлѣбъ за соль», отвѣ-

чалъ имъ Текелій и приказалъ слугѣ своему взять хлѣбъ отъ нихъ и потомъ распрашивалъ: кто у нихъ кошевый и какіе по немъ первые чиновники и какъ прозываются; и когда кошевой, стоя впереди, обьяснился, что онъ Калнышъ (т. е. Калнишевскій) а чиновники его: судья *Косапъ*[1] и писарь *Глоба*, а прочіе всѣ, указывая на атамановъ, куренные отаманы, тоже чиновники со всѣхъ 40 куреней, тогда Текелій просилъ кошеваго сѣсть, а также и прочимъ чиновникамъ даны были мѣста, и угостивши ихъ по приличію и распросивши что слѣдовало, пошелъ съ ними въ Сѣчь, взявши съ собою часть офицеровъ и часть охранительнаго войска, но видя что Запорожцы сдаются ему добровольно, приказалъ въ туже минуту закрыть свою артиллерію. И пришедши въ Сѣчь спросилъ кошеваго: «куда же ты мене, кошевой, прежде поведешъ въ гости». Тогда кошевой, поклонившись, просилъ его въ свой курень и всѣхъ офицеровъ и предложилъ всѣмъ гостямъ богатую трапезу въ деревянныхъ *ваганахъ* и *корякахъ*[2], а также съ ложками и тарелками деревянными. Поку-

---

[1] Это ошибка. Мы уже сказали выше, что судья *Николай Тимофѣевичъ* по прозванію *Косапъ* умеръ въ 1774 г.; его мѣсто временно занялъ *Андрей Вербецкій*, а послѣ, до паденія Коша, *Павелъ Флоровичъ Головатый*. Войсковаго эсаула *Сидора Бѣлаго* не было въъ Сѣчи; онъ находился съ депутаціею въ Москвѣ.

[2] *Ваганъ*, большая деревянная чаша или миска; *корякъ* или *черпало*, родъ большой ложки или кружки на длинной ручкѣ, для разливки кушанья. Употребляются у насъ на флотѣ.

шавши, Текелій очень много благодарилъ за пищу и удивлялся чрезвычайно, что весь сервизъ даже и сосуды для напитковъ были деревянные, а пища чрезвычайно вкусная и разнообразная, и спросилъ у кошеваго: «кто у васъ такую пищу варитъ»? кошевой отвѣчалъ: «у насъ есть В. П. въ куреняхъ козацькихъ очень хорошіе и искусные кухари». Тогда Текелій спросилъ кошеваго, чтобы и ему отпустилъ одного такого кухаря и обѣщалъ положить ему хорошее жалованье; а кошевому обѣщалъ дать два блюда каменныхъ, а также и всѣмъ куреннымъ атаманамъ по одному блюду, чтобы такую хорошую пищу не ѣли изъ *корытъ*, а изъ блюдъ. При сихъ рѣчахъ и обѣщаніяхъ Текеліевыхъ одинъ изъ числа бывшихъ тамъ куренныхъ атамановъ, прозваніемъ *Строць*[1] обозвавшись сказалъ Текелію: «В. П. хоть съ корыта та до сыта, а вы хоть съ блюда та худы». Тогда Текелій спросилъ атамана: «что это за нарѣчіе (пословица), я его не понимаю». Строць поклонившись ему, началъ объяснять пословицу: «Извините меня В. П., вы трапезу изволите ку-«шать съ блюдъ, да лицемъ худы» (ибо Текелій хоть былъ ростомъ и высокъ, но очень худощавъ) «а мы изъ корытъ іимо, да сыты. Отъ «посмотрите, добродію, на всѣхъ насъ, каковы мы «и разбирайте мою пословицу. Мы всегда изъ

---

[1] *Романъ Строць*, атаманъ Каневскаго куреня.

«корытъ іилы,- та у воли и свободи жили и ни «якого горя не знали; а ваша жизнь була подъ «страхомъ и трепетомъ подъ всякій часъ, такъ «что сегодня панъ, а завтра пропавъ, и ка«менныя и золотыя блюда тоди не въ пользу. «Такъ судите жъ милостивый добродію, не правду ли «я кажу»?[1]. Текелій удивлялся этой пословицѣ и остроумію Строця, и не только не прогнѣвался за то, но еще много благодарилъ его и говорилъ трепля по плечу: «ну Строць, благодарю за пословицу; она такъ справедлива, что справедливѣе быть не можетъ и никогда ее забыть не могу; все что ни сказано въ ней, сказано къ стати и дѣйствительно такъ бываетъ, ты какъ въ око влѣпилъ».

«Потомъ когда уже Текелій пообѣдалъ и распростился съ кошевымъ и атаманами, то долго еще любопытствовалъ по всей Сѣчи, осматривая всѣ курени Запорожскіе и всѣ ихъ пожитки. Наконецъ возвратился въ лагерь и пробылъ тамъ болѣе недѣли. Въ теченіи сего времени офицеры

---

[1] Коржъ дѣлаетъ замѣчаніе, что Запорожцы считали Текелія боязливымъ, и вѣрили сказанію, что онъ такъ боялся Запорожцевъ, что идучи на Сѣчь, рѣдко ѣлъ и пилъ и во снѣ «*жахався* (вскакивалъ) мовъ съ переполоху». — «Бо винъ добре знавъ», заключаетъ въ своей премудрости Коржъ, «що за цяця Запорожцы; если бы добро«вольно не сдалися, то никакое войско одолѣть ихъ не могло бы». Этотъ разсказъ Коржа наполненъ злопамятствомъ за разореніе Сѣчи; Текелій, подобно всѣмъ Сербамъ, былъ отъ природы высокъ и худощавъ.

Русскіе и солдаты приходили въ Сѣчь, а козаки и ихъ атаманы посѣщали ихъ лагерь и другъ съ другомъ гуляли и обходились свободно и вольно.

«Послѣ того Текелій, призвавъ къ себѣ кошеваго, судью и писаря, и прочитавъ имъ именной Высочайшій указъ, велѣлъ имъ троимъ готовиться въ С. Петербургъ къ Императрицѣ, которые въ скорости и были отправлены, но не всѣ, ибо судья Косапъ, до отъѣзда еще, въ скорости заболѣвши померъ и погребенъ въ Сѣчи; а отправлены только два, т. е. Калнишъ и Глоба. Текелій же принявъ всю Запорожскую Палестину въ свое управленіе, привелъ всѣхъ Запорожцевъ къ присягѣ и устроивъ все, какъ слѣдовало, сталъ уже безопасенъ, но все еще находился въ лагерѣ.

«Между тѣмъ войско Запорожское видя, что старшина его отправлена въ столицу, а заведенные Московскіе обычаи и порядки не по ихъ вкусу, сильно поколебалось и начали козаки думать да гадать: «якъ бы Москаля *въ шоры убрать* (обмануть), а самимъ десь дальше *мандровать* (уйти)» и придумали вотъ что. Собрали прежде 50 чел. козаковъ и послали къ Текелію съ хлѣбомъ и солью въ гости. Они пришедши говорили: «Кланяемся добродію хлибомъ и силью». — «Благодарствую, сказалъ имъ Текелій, благодар- «ствую, Запорожники, за хлѣбъ и за соль; что вы «мнѣ скажете»? — «А отъ що, добродію: мы «чулы (слыхали), що намъ уже безъ письменнаго

«вида и билетовъ не можно никуды изъ Сичи «отлучаться». — «Такъ, такъ, Запорожники, не «отлучайтесь никуда безъ вѣдома моего». — «То «для тогожъ-то, пане, видома мы и пришли, щобъ «намъ хоть одинъ билетъ на всихъ написалы, бо «мы будемъ купы (вмѣстѣ) держаться и никуды «врозь не расплывемось». — «Хорошо, хорошо, «отвѣчалъ Текелій, какъ же у васъ прежде то «бывало»? — Та у насъ, пане, билетивъ николы «не бувало, ни батьки, ни диды наши ихъ не «знали, да и прадиды не чувалы, и кто куды «хотивъ, тотъ туды ихавъ и ишовъ»[1]. — «Да «куда же вы хотите теперь итти съ билетами, «спросилъ Текелій, и за чѣмъ»? — Въ Тилигулъ, «добродію, на заробитки до лямы[2]. Проклята ма«тыма (нѣтъ) ни сорочки, ни чобитъ, ни.... «якъ бачишь голая сирома; а щежь треба буде «коли нибудь и подушне заплатить, та и панамъ «хоть трохи удѣлить». Текелій громко засмѣялся и сказалъ: «ступайте, ступайте, Запорожники, «съ Богомъ, заработывайте себѣ, да и въ казну

---

[1] Здѣсь Коржъ заставляетъ козаковъ шутить, ибо мы видѣли въ 1-й части труда нашего, какъ строго Кошъ требовалъ отъ козака письменнаго вида и что даже на зимовники, въ степь, формальные билеты выдавались.

[2] *Тилигулъ* рѣчка въ Одесскомъ уѣздѣ, впадающая большимъ озеромъ въ Черное море; этотъ лиманъ, по-Турецки называемый *Дели-Гёль* или *Бѣшеное-Озеро*, давно былъ извѣстенъ козакамъ, и идти на Тилигулъ значило идти за границу въ Турцію; *до Лямы на рыбалки*, буквально: у каната работать, чтобъ тянуть неводъ.

« то собирайте ». — « Чуемъ, добродію, чуемъ », и поклонившись ему козаки всѣ разомъ, пошли въ его канцелярію, а Текелій призвавши адъютанта, велѣлъ выдать имъ билетъ на всѣхъ 50 козаковъ. Когда сіи козаки получили уже отъ канцеляріи билетъ, то собравшись со всею своею аммуниціею и харчевыми *клунками* (вьюками) взяли съ собою нѣсколько лодокъ по числу гребцовъ, тоже нагруженныхъ имуществомъ и сѣвши въ оныя ночью тайно, не только тѣ, кои имѣли билеты, но и безбилетныхъ столько, сколько въ лодкахъ помѣститься могло, можетъ быть съ 1,000 чел. «зашумѣли въ нихъ веслами» до Тилигула [1]. Потомъ спустя нѣсколько дней пришли еще 50 чел. къ Текелію за билетомъ, и получивъ его поступили также какъ и первые, не забывъ взять и безбилетныхъ, сколько помѣстить могли. Видя, что въ билетахъ никому отказа не чинятъ, козацтво прислало еще часть войска, которая тоже просила билетовъ какъ и прочіе, не выступивъ изъ общаго своего хитраго умысла. Каковымъ способомъ и порядкомъ и вся уже сирома со всѣхъ куреней, получая билеты, подъ предлогомъ Тилигула, убралась вся «подъ Турка», кромѣ слѣпыхъ, хромыхъ и престарѣлыхъ.

---

[1] Въ Одессѣ сохранилось преданіе, что Запорожцы, которые «зашумѣли веслами до Тилигула», тамъ не усидѣли, а поселились у подошвы Хаджибейской крѣпостцы, въ такъ-называемой теперь «Карантинной-Балкѣ, а послѣ основали предмѣстье этого города *Пересыпь*.

«Наконецъ, Текеліевы офицеры, видя, что Сѣчь остается почти пустая, начали рапортовать ему, что въ Сѣчи нѣтъ никого уже изъ козаковъ и разсказали ему всѣ ихъ хитрости и умыслы. Тогда Текелій хватился за голову, да поздо и спрашивалъ офицеровъ: «да гдѣжь они? и куда ушли? «вѣдь они просили билетовъ въ Тилигулъ на за-«работки». Потомъ сильно осердясь, пошелъ въ палатку и былъ въ великой задумчивости и скорби чрезъ обманъ простой сиромы, такъ что ни съ кѣмъ не говорилъ и никуда не выходилъ чрезъ цѣлый тотъ день. Какъ вдругъ являются и послѣдніе еще оставшіеся Сѣчевые козаки, очень уже малое ихъ количество, человѣкъ около 10-ти и кланяются съ хлѣбомъ по обычаю и говорятъ Текелію: «повели намъ вельможный пане выдать «билеты на заработки». — «Да вамъ куда уже билетъ, злые Запорожники», съ гнѣвомъ отвѣчалъ Текелій. «Въ Тилигулъ пане, до лямы». — «Въ Тилигулъ, въ Тилигулъ, все въ Тилигулъ», раскричался Текелій, — «а городъ пустой оставили, «не велю вамъ никому билетовъ выдавать», — и согналъ ихъ съ глазъ. Однакожъ и сіи послѣдніе хотя и безъ билетовъ, также «заливали пятами» вслѣдъ за своею сиромою и подяковали Текелію за хлѣбъ и за соль. Наконецъ Текелій приказалъ призвать къ себѣ всѣхъ куренныхъ атамановъ, но ихъ пришло къ нему не болѣе десятка; онъ принялъ ихъ съ гнѣвомъ: «чтожъ вы пришли ко мнѣ

«не всѣ»? — Якъ же намъ, пане, всимъ прійти, «що нема никого по куренямъ». — «Да гдѣ-жъ «они? что ихъ нѣтъ? — «Отоманы, пане, разъ«ѣхались по зимовникамъ, а сирома безъ вѣсти «разбрелась. Да и мы думаемъ по домамъ; чего «мы будемъ тутъ и кимъ будемъ командовать? «Старшину отъ насъ отобралы, а козацького «войска нема». — «Да гдѣ же ваше войско, «вскричалъ Текелій, и гдѣ ваши козаки»? — «Якъ, пане, де? авжежь вы имъ билеты подавалы «на заработки, туда де рыба ни почому, чи въ «Тилигулъ, чи що»? Тогда Текелій сильно разсердясь, покричалъ на атамановъ и выгналъ ихъ изъ палатки. Наконецъ поживши еще тамъ около Сѣчи нѣсколько времени, тогожь лѣта уѣхалъ въ столицу, а войско его стояло 7 лѣтъ (?) въ предѣлахъ Запорожскихъ, пока совершенно утвердились обычаи Московскіе».

«Вотъ какимъ образомъ, восклицаетъ Коржъ, знатная козацкая Сѣчь *атакована* и славное Запорожье воспріяло конецъ своему самодержавію»! И точно 5 числа Іюня 1775 г. Текелій вступилъ въ Сѣчь и арестовалъ старшину, а манифестъ 5 Августа того же года, обширно исчисливъ причины побудившія правительство къ этой рѣшительной мѣрѣ, увѣдомилъ Россію о занятіи войсками Сѣчи, уничтоженіи Коша и самаго даже имени «войска Запорожскаго Низоваго».

Нѣкоторые старшины подверглись вѣроятно

большимъ подозрѣніямъ, ибо не смотря на совершенный недостатокъ документовъ объ этомъ событіи, знаемъ однакожъ, что кошевой, писарь и судья войсковые отправлены въ Москву и дальнѣйшая ихъ участь до сихъ поръ неизвѣстна. Говорятъ, что Калнишевскій былъ отправленъ на жительство, гдѣ-то на берега Дона, ибо находимъ въ одной пѣснѣ слѣдующій намекъ:

«Ой полети, да полети черная галко, да на Донъ рыбу исти!
Ой принеси, та принеси черная галко отъ кошеваго висти».

Объ этомъ паденіи Сѣчи въ народѣ сложена была пѣсня, которую мы пріобрѣли отъ одного *лирника* или Запорожскаго барда и по сходству ея содержанія съ разсказомъ Коржа, долгомъ считаемъ представить читателямъ въ подлинникѣ, легко понятномъ для всякаго Русскаго:[1]

«Ой изъ за зеленаго гаю[2]
Червоне сонечко зійшло,
Ой изъ Русского краю
Велике військo пришло.

Червоне сонечко,
Вже высоко стоитъ,
Дывитця батько[3] въ оконечко
Тай каже: «дитки, що будемъ робыть?

Ось передъ нами
Ненькине[4] військo стоитъ
Отце мабуть[5] за нами,
Щобъ шлы Татаръ якъ саранчу гонить».

---

[1] Доставлена намъ молодымъ дворяниномъ Бобринецкаго уѣзда г. *Иваномъ Скопивымъ*. [2] *Гай*, лѣсокъ, роща. [3] *Батько* тоже что кошевой. [4] *Нenька*, мать, т. е. Императрица. [5] *Отцé мабуть*, вотъ это вѣрно.

— «Ой батьку, щось воно не те
Чого ци гарматы[1] горломъ въ вичи стоятъ,
Треба батьку узнаты,
Чого воны отъ насъ хотятъ»? —

Ой провидалы Запорожци,
Що Нечоса[2] Текелю пославъ
Щобъ насъ и кошеваго
И всю славну Сичь атаковавъ.

Бувъ же той день
Велики «зелены свята»
О бодай же твоя Нечосо
Съ того дня душа проклята!

«Ой диты Запорожци,
Що будемъ робыты?
Москаль кличе въ гости,
Будемо, чи ни, ему голову хилиты?[3]

«Якъ диты будемо его встричаты
Чи хлибомъ и солею,
Чи війну объявляты,
Чи идти до него съ доброю волею»?

Одни кажутъ: «Не дамо за спасиби Сичи».
Други кажутъ: «миръ лучше всего».
А ци: «нехай намъ выпалятъ очи
Тай помремъ еденъ за другого».

«Ныколыжъ того не буде,
Щобъ мы отдалы Сичь даромъ;
Поки ще свита соньця,
Все будемъ быться съ козацькимъ запасомъ»!

— «Бога бійтеся диты»,
Каже панъ-отецъ архимандритъ;
«Що вы хочете робыты,
Прокляты буде изъ рода въ ридъ.

---

[1] *Гармата,* пушка. [2] *Нечоса,* Потемкинъ. [3] *Хилиты,* преклонять.

«Вы диты Христіяне
И пидымаете на брата руки,
Не робите въ сердци свому раны,
Бо за те будутъ вамъ велики муки.

«Отъ вамъ хрестъ Божій
На его вы надійтеся
И совитъ мій здается гожій [1]
И ни въ чимъ диты не журитеся». —

— «Ну, панъ-отче, по твоему нехай; —
Послухаютъ тебе Запорожци,
Бери Петре [2] хлибъ да силь
И ходимъ до Текели въ гости.

«Ну, батьку, господи поможи!
И дай намъ добрый часъ,
Хлибъ батьку положи
И спершу говори за насъ.

«Бо війною батьку ничого не вчинимъ,
Треба доброю волею робыты,
Ходимъ, та поклонъ вхилымъ,
Тай начнемъ за дило говорыты». —

Хлибъ-силь Текеля принявъ
И начавъ насъ угощаты,
А якъ добре пидгулявъ,
Та ставъ и насъ до себе прохаты,

А нашъ Петро Кошовый
Мае звычай свій,
Пишовъ генерала зазываты
До себе, обида козацького вживаты [3].

Іи въ Текеля обидъ бурлацкій
Та все смаковавъ,
А писля по козацьки
Виномъ, медомъ запывавъ.

[1] *Гожій* съ Польск. Hoży, молодой, хорошій. [2] *Петръ* Калнишевскій, кошевый, [3] *Вживаты* (używać), употреблять.

Ой пишовъ Текеля въ свою палатку
Тай начавъ мирковаты [1]
Якъ ему поступиты съ початку
И якъ нашу Сичь атаковаты.

Уже вси наши паланки
Въ Текеліевыхъ рукахъ
Уже вси его палатки
У нашихъ Сичахъ.

Ой прочитавъ Текеля папиръ,
Кошевому, писареви отъ Царыци
Треба намъ ихаты въ Двиръ,
Ажъ у дви столыци.

Ой зибравъ нашъ Калнижъ
Храбрую дружину,
Брався сердечный ажъ за нижъ,
Та клявъ лыху годыну.

Сирома Калныжъ захлыпавъ [2] гирко ,
Зо всякимъ козакомъ обнимався,
Сказавъ: «прощай славне , храбре війско»!
Та вже бильшъ и не вертався!!

Эй батьки отоманы!
Кажить де дилы нашу старшину ?
Бере живый жаль за сердце ,
Якъ згадаешъ славну старину!

Ой почалы козаки думать, та гадать,
Якъ бы Москаля въ шоры убрать.
А дали [3] до Текели пристали
Щобъ давъ билетъ и веливъ роботы шукать.

Ой рушили Запорожци
До *Ляхы* на заробитки,
Закивалы пятами сиромы
Тилько братцямъ дали звистки.

---

[1] *Мирковаты* (miarkować) размышлять. [2] *Захлыпавъ*, заплакалъ. [3] *Дали*, далѣе, послѣ.

Текеля писля хоть оглядився,
Запорожцивъ поминай якъ звалы!
Ой бидный зажурився,
Що въ шоры его убралы.

Охъ жите наше минулося
Жите бурлацкое!
Колыбъ воно вернулося
Славне жите козацкое.

Гей братци, возьмитъ въ руку
Писочку, тай посійте;
Ой тоди воно вернеця
Якъ цей писочокъ зійде»!!

Генералъ Текелій, отправивъ въ Петербургъ главную, и арестовавъ остальную старшину; конфисковавъ ихъ имущество и разоривъ Сѣчь такъ, что ни одной балки не осталось на мѣстѣ, — сдалъ свое войско князю А. А. Прозоровскому, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ съ подробнымъ донесеніемъ объ окончаніи возложеннаго на него порученія.

Таковъ былъ конецъ «Новой-Сѣчи» послѣ 40-лѣтняго только ея существованія. Таковъ былъ конецъ послѣдняго Коша войска, столько вѣковъ называвшагося «Запорожскимъ». Остальное военное братство Низовой общины въ разныхъ мѣстахъ и съ разнымъ счастьемъ основывало еще временные свои Коши, пока въ полвѣка послѣ (чрезъ 55 лѣтъ) не собралось опять всѣ на родину, чтобъ уже окончательно преобразовать свой бытъ и свою козачью «регулу».

Какія были судьбы какъ самой Сѣчи такъ и общества Запорожскаго въ Россіи и за границею, со дня *атакованія* Сѣчи, сказано будетъ въ последней главѣ нашего историческаго очерка.

ТАБ. II. Къ III Ч.

печать Калміуской паланки 1760 г. г.

1771 г.

1768 г.

„Начальникъ Буткальскихъ козаковъ Кошевый."
1217 (1801) г.

изъ аттестата 1792 г.

Въ Лит. Д. Клонова

ГЛАВА VII.

СУДЬБЫ НОВОЙ-СѢЧИ И ЗАПОРОЖСКАГО «ТОВАРИСТВА» ПОСЛѢ ПАДЕНІЯ КОША НА РѢЧКѢ ПОДПОЛЬНОЙ. «БУТКАЛЬСКІЕ», ЧЕРНОМОРСКІЕ, АЗОВСКІЕ И ДУНАЙСКІЕ КОЗАКИ.

1775 — 1828.

> « Еще одно послѣднее сказаніе,
> И лѣтопись окончена моя » ...
>
> А. Пушкинъ.

Настоящее сказаніе наше, весьма еще не полное, должно раздѣлить для вящшей точности на 3 отдѣльныя части: на разсказъ о судьбѣ самой Новой-Сѣчи и всѣхъ « Запорожскихъ вольностей »; на исторію товариства, оставшагося въ краѣ и на повѣсть о судьбахъ тѣхъ его членовъ, которые, бывъ руководимы вредными совѣтами и своимъ молодечествомъ, рѣшились лучше бросить « мылую родыну », чѣмъ оставить козачество. Эти послѣдніе сдѣлали почти тоже, что Іезуиты, когда въ 1820 г. г. изгнаны были изъ Россіи. О первой части имѣемъ весьма не много документовъ, но

довольно географическихъ данныхъ; о второй свѣдѣнія наши хотя кратки, но положительны; объ остальной имѣемъ одни изустныя преданія, сохранившіяся въ Кошѣ, внѣ Россіи созданномъ.

I.

Сѣчь сдалась безъ сопротивленія. — Войско, по выслушаніи Высочайшаго манифеста Великой Монархини, немедленно положило оружіе, и хотя видъ главной старшины: кошеваго, судьи и писаря, — въ качествѣ преступниковъ отправленныхъ въ Москву для суда, — былъ для всѣхъ страшнымъ ударомъ, но оно не только дѣломъ, но даже и словомъ не оказало никакого сопротивленія. Еще не давно обыкновенная депутація «столичниковъ» подъ командою полковника *Афанасія Колпака* отправлена была въ Петербургъ за всемилостивѣйшимъ жалованьемъ, а депутаты войска: Головатый, Бѣлый и Мощенскій оттуда еще не возвратились. Генералъ Текелій, какъ сказано выше, обьявилъ Запорожцамъ Высочайшую Е. И. В. волю: что войско въ своемъ составѣ уже не существуетъ, но что всякій членъ онаго, старшина или козакъ, если пожелаетъ, можетъ вернуться на родину, откуда прибылъ на Запорожье, или же остаться въ Новороссійскомъ краѣ; но не иначе, какъ на правахъ всѣхъ другихъ жителей онаго, военныхъ или обыкновенныхъ поселянъ, за исключеніемъ тѣхъ только старшинъ, которые под-

верглись Монаршему гнѣву. Кромѣ трехъ, уже высланныхъ, были отрѣшены: архимандритъ Владиміръ и отправленъ въ Кіевъ, откуда былъ послѣ назначенъ игуменомъ Батуринскаго Николаевскаго монастыря; а іеремонахи, кромѣ необходимыхъ для Самарскаго монастыря священнослужителей, отпущены въ Межигорскую обитель. Начальникъ Орѣльской команды: войсковый старшина *Андрей Порохня*, полковники: *Черный*, *Степанъ Делехъ*, *Иванъ Куликъ* и *Иванъ Гараджа*, куренные атаманы: *Осипъ Паралычь*, *Моисей Головко* и полковый старшина писарь *Вырмѣнка* преданы были военному суду по разнымъ крѣпостямъ. Ихъ имущество и зимовники, равно какъ и стада въ зимовникахъ: кошеваго на р. Каменкѣ, судьи Павла Головатаго на р. Солоной, писаря Глобы на р. Малой Терновкѣ (Павлоград. уѣз.) асаула Якова Качалова въ Великомъ–Лугу, полковника Афанасія Колпака на р Богатой и пр. были конфискованы, а послѣ проданы. Сумма отъ того пріобрѣтенная 29,912 р. обращенная сперва въ капиталъ Новороссійскаго городскаго банка, назначена послѣ университету, который намѣрены были устроить въ Екатеринославѣ. Войсковая артиллерія, казна и часть архива отправлены въ Петербургъ; войсковыя стада, принятыя въ казенное вѣдомство, пожалованы были вскорѣ переселеннымъ изъ Архипелага Грекамъ и Арнаутамъ, которые съ 1776 по 1783 г. поселялись около Керчи

и Еникале. Что сталось съ богатыми украшеніями и вкладами Покровской церкви, достовѣрно не знаемъ; въ пѣсняхъ сказано, что «Донцы койчѣмъ поживились», — но мы знаемъ на вѣрно, что часть церковныхъ облаченій, книгъ и хоругвей подарена Потемкинымъ соборной церкви, построенной имъ въ Николаевѣ; а часть ризницы всегда хранилась при князѣ Таврическомъ, и найдена въ его домѣ послѣ его смерти.

Всѣ Запорожскія земли раздѣлены на двѣ части, — поланки: Ингульская составила Ингульскій, Кодацкая — Никопольскій; Бугогардовская — Новопавловскій или Ольвіопольскій уѣзды Новороссійской губерніи; Самарская же, Протовчанская, Орѣльская и Калміусская переданы въ Азовскую губернію, подъ названіемъ: Самарскаго, Новоселицкаго, Лычковскаго, Барвиностенскаго, Конскаводскаго и Калміусскаго уѣздовъ, гдѣ опредѣлены были военные командиры, большею частію изъ Донскихъ старшинъ, до дальнѣйшаго гражданскаго ихъ устройства. Азовскимъ губернаторомъ назначенъ Г. М. Василій Чертковъ.

Участь Новой-Сѣчи, — центра и сердца Низоваго Запорожскаго войска, была самая печальная. Ее повелѣно было постепенно уничтожать, дабы и слѣдовъ тамъ Запорожскаго военнаго ордена не осталось. Комендантъ Новосѣченскаго

ретраншамента (тогда же упраздненнаго) назначенъ комендантомъ Екатерининскаго шанца, близъ котораго командиръ и основатель Молдавскаго гусарскаго полка полковникъ *Звѣревъ*, завелъ городъ (форштатъ), названный въ 1778 г. *Ольвіополемъ*. Сѣчь и всѣ окрестныя ей поселенія поручены въ особое начальство полковнику *Норову*, котораго за то, что слишкомъ усердно уничтожалъ Кошъ, назвали поселяне *Норою* или ямою. Вмѣсто гарнизона для порядка и безопасности, поставленъ былъ тамъ Донскій козачій *Сулимы* полкъ[1], а Таганрогскій драгунскій полкъ расположенъ былъ по близости въ бывшихъ Самарской и Протовчанской поланкахъ. Въ обоихъ Кодакахъ, Никитинѣ (въ послѣдствіи названномъ Никополемъ) и всѣхъ Запорожскихъ селеніяхъ расквартированы пѣхотные полки. Потемкинъ, желая кое что сдѣлать въ пользу подавленнаго имъ Коша, который, какъ сказано въ сенатскомъ указѣ отъ 29 Іюля 1775 г. «по самодержавной Е. И. В. власти за «учиненныя имъ буйства, грабежи, а наконецъ «и неповиновенія уничтоженъ», приказалъ Текелію представить ему имянный списокъ» о тѣхъ бывшихъ войска Запорожскаго старшинахъ и козакахъ, кои въ преступленіяхъ кошеваго и его

---

[1] Странное стеченіе именъ. Знаменитый кошевый *Сулима* взялъ Кодакъ, построенный Поляками въ 1633 г. и тѣмъ возобновилъ независимость Сѣчи Запорожской, а въ 1775 г. тюремщикомъ, такъ сказать, тойже Сѣчи былъ козачій полкъ *Сулимы*.

единомышленниковъ не участвовали, и по усердной ихъ въ настоящую войну службѣ достойны пользоваться отпускаемымъ изъ казны жалованьемъ и провіантомъ, по прежнему о войскѣ ихъ положенію; на что потребная сумма будетъ ассигнована». (11 Октября 1775). Изъ этихъ людей хотѣлъ было Потемкинъ набрать два пикинерные полка, но ни страхъ этого грознаго вельможи, ни всѣ его обѣщанія не помогали. Козаковъ никакими средствами въ «Москали» (т. е. регулярные солдаты) заманить нельзя было, и даже это намѣреніе, какъ увидимъ ниже, было причиною ихъ бѣгства изъ Россіи.

Въ Сѣчи всѣ укрѣпленія были оставлены, артиллерія взята, пушкарня засыпана, курени или разобраны или отосланы въ Никитино для устройства временныхъ провіантскихъ магазиновъ. Церковь Покровская была пощажена, но могильныя часовни, памятники и кресты на церковной площади бывшіе или сняты, или уничтожены. Два три домика кошевыхъ или старшинъ, поселяне, бывшіе слуги козачества, купили съ публичнаго торга и перевезли въ другія мѣста. Два года спустя, только валы, рвы, могилы и развалины давали знать, что тамъ была нѣкогда столь знаменитая Сѣчь; «Новая-Сѣчь» подобно «Старой» превратилась въ простое село, которое названо въ честь храма Богоматери, *Покровскимъ*. Земли обѣихъ Сѣчей, съ огромнымъ пространствомъ сте-

пи, плавней и островов, пожалованы генералъ-Прокурору князю А. А. Вяземскому. Окрестности нынѣшняго Екатеринослава или тогдашняго селенія *Половицы* съ островами и лѣсками достались князю А. А. Прозоровскому. Въ 1776 г. Потемкинъ, какъ генералъ-губернаторъ обѣихъ частей края (т. е. Азовской и Новороссійской губерній), уже совершенно слитыхъ въ одно цѣлое, доносилъ Императрицѣ, что всѣ Ея повелѣнія о Запорожьи приведены къ окончанію: «что жители бывшаго Коша раздѣлены и поселяются въ разныхъ мѣстахъ имъ указанныхъ, что имъ дозволено вступать въ городскія или земледѣльческія свободныя сословія, и что многіе женясь, сдѣлались уже мирными жителями». Только объ одномъ умолчалъ онъ, т. е. о бѣгствѣ за границу цѣлой половины общины Запорожской, не смотря на большую армію ее оберегавшую.

Это печальное для добраго имени Запорожья событіе, случилось, какъ кажется, слѣдующимъ образомъ. Въ числѣ полковыхъ Запорожскихъ старшинъ былъ одинъ по прозванію *Ляхъ*[1], но

---

[1] Въ 1775 г. кромѣ войсковаго старшины *Андрея Ляха* было еще ихъ 9: *Федоръ Ляхъ* въ Дядьковскомъ, *Левко Ляхъ* Пластунив., *Данило Ляхъ* Левушков., *Семенъ Ляхъ* Тимошев., *Михаилъ Ляхъ* Полтав., *Алексѣй Ляхъ* Джерелеев., *Кондратъ Ляхъ* Уман., другой *Михаилъ Ляхъ* и *Давидъ Ляхъ* Кислякив: куреней. Кто изъ нихъ былъ этимъ предводителемъ? сказать трудно; будущее откроетъ истину, а покамѣсть, чтобы не обидѣть кого нибудь изъ храбрыхъ потомковъ Запорожья, сознаемся въ нашемъ невѣдѣніи.

который до сихъ поръ ни въ войнѣ, ни въ службѣ козачей не былъ извѣстенъ; происходившій изъ Польскаго дворянства. Онъ давно уже имѣлъ свою партію въ Кошѣ, враждебно смотрѣвшую на кошеваго Калнишевскаго и всю такъ называемую *Русскую* сторону войска и не разъ слышно было въ Кошѣ, что есть охотники возмутить «сирому», чтобы избрать насильно другаго кошеваго; именно *Филиппа Федорова*, престарѣлаго и уже въ монастырѣ Самарскомъ съ 1764 г. пребывавшаго старшину, чтобы съ нимъ бѣжать въ Турцію. Но дисциплина Коша, военное время, а еще болѣе любовь къ роднѣ и «матери Сичи» ихъ удерживали, и Ляхъ не много имѣлъ приверженцевъ. Но когда Сѣчь была взята Русскими войсками, старшина отрѣшена и войску предложено вступать въ регулярную военную службу, — всѣ буйныя козацкія головы загорѣлись, зашумѣли и хитрые ихъ ватажки составили планъ, который имъ удался. Кто бывалъ въ сс. Покровскомъ и Капуловкѣ, вѣрно помнитъ ту безконечную сѣть острововъ Днѣпровскихъ, которые окружаютъ эти бывшія Сѣчи, и убѣдится, что надобно быть хорошимъ лоцманомъ, чтобы пройти оттуда въ Днѣпръ. Козаки знали все это и по немногу готовили свои лодки, которыя въ разныхъ мѣстахъ между камышами и плавнями (пловучими лѣсками) скрывали, ожидая благопріятнаго случая. Сѣчь была хорошо оберегаема войскомъ, но со стороны р. Подполь-

ной и Днѣпра, безъ флотиліи стеречь ее было трудно. И такъ въ одну ночь, въ 20 мѣстахъ вдругъ до 5000 козаковъ разныхъ куреней, провозгласивъ *Ляха* походнымъ атаманомъ «закивали пятами», какъ говоритъ Коржъ, т. е. ушли изъ Сѣчи и чрезъ р. р. Павлюкъ, Сысину и др. пробрались въ Днѣпръ, гдѣ Русскіе не имѣли еще ни одного судна, а изъ Кинбурна если гарнизонъ ихъ и видѣлъ, то вѣрно считалъ отрядомъ, посланнымъ на *подъѣздъ*, т. е. въ экспедицію.

II.

Такимъ образомъ Запорожское товариство, оставшееся на родинѣ, уменьшилось до половины, за то большая часть старшинъ осталась при немъ; въ томъ числѣ бывшій кошевый Филиппъ Федоровъ, бывшіе эсаулы: Сидоръ Бѣлый, Логинъ Мощенскій, Ломака, Легкоступъ; полковники: Андрей Бѣлый, Иванъ Высочинъ, Чепега и Колпакъ; полковые старшины: Тимковскій, Антонъ Головатый и др. Имъ предложены были армейскіе чины и жалованье до опредѣленія въ дѣйствительную службу. Частная собственность всѣхъ ихъ была укрѣплена за всякимъ, нѣкоторымъ даже (какъ напр. Сидору Бѣлому) пожалованы были земли въ Новороссійской или Азовской губерніи. Нѣсколько лѣтъ прошло мирно, нѣкоторые Запорожцы даже вступили въ гражданскую службу, весьма немногіе опредѣлились въ Хер-

сонскій и Полтавскій пикинерные полки. Среди внѣшней и внутренней въ государствѣ тишины, о Запорожьѣ почти забыли, когда Потемкинъ, подстрекаемый честолюбіемъ и жаждою геніальной своей дѣятельности, прибылъ во ввѣренный ему Новороссійскій край, въ Маѣ 1780 г. Скоро обозрѣвъ свои губерніи и готовясь къ дѣйствіямъ по своему романтическому *Греческому прожекту* противъ Турціи, онъ увидѣлъ, что одною изъ главныхъ нуждъ Новой-Россіи, какъ всякой колоніальной области, есть содержаніе на военной ногѣ и во всегдашней готовности большой арміи, для укрѣпленія обширной границы со стороны Польши, Крымскихъ владѣній и Турціи Прежде Запорожцы были какъ бы цѣпью аванпостовъ противу всѣхъ враговъ Россіи на югѣ, теперь надобно было замѣнить ихъ регулярными полками или поселеннымъ мѣстнымъ войскомъ. Но откуда набрать лишнихъ 10,000 или 15,000 солдатъ, и еще такого какъ Запорожскіе козаки «охотнаго войска», какъ они себя называли, когда во всемъ краѣ въ 1782 г. по счетамъ оффиціальнымъ было едва 530,000 душъ об. пола жителей, имѣвшихъ въ 9-ти гусарскихъ и 6-ти пикинерныхъ полкахъ до 11,000 чел. по спискамъ, а быть можетъ едва половину подъ ружьемъ. Невольно вспомнилъ онъ тогда о «братчикахъ Запорожцахъ», своихъ однокуренцахъ, которые теперь разбрелись по бѣлому свѣту; будучи на мѣстѣ и видя край въ 100,000

квадр. верстъ, открытый со всѣхъ сторонъ и требующій самаго неутомимаго и самаго легкаго войска для его защиты, онъ понялъ, что и графъ Вейсбахъ и Минихъ и Панинъ были правы, когда поддерживали Запорожцевъ. Сколько гналъ ихъ онъ до 1775 г., столько послѣ всегда и вездѣ ихъ поддерживалъ. Антонъ Головатый, Харько Чепега, Сидоръ Бѣлый, даже подпавшій опалѣ Афанасій Колпакъ были всегда при немъ, имѣли армейскіе чины и считались на дѣйствительной службѣ; они составляли родъ почетнаго конвоя при генералъ-губернаторѣ и главномъ командирѣ войскъ въ Новой-Россіи расположенныхъ. Къ тому же въ 1783 г. съ Крымомъ сдѣлали тоже, что и съ Запорожьемъ; къ счастію всей Россіи, это гнѣздо грабителей и наѣздниковъ было усмирено, обезоружено и присоединено къ Имперіи, въ видѣ простой, весьма бѣдной и почти безлюдной области. Тогда-то Потемкинъ вздумалъ, по случаю необходимости въ новыхъ легкихъ войскахъ, возстановить Запорожское общество, только уже не въ видѣ рыцарей безбрачнаго ордена, а по образцу Донскаго или Уральскаго войска. Съ этою цѣлью издана была имъ 1-го Іюля 1783 г. слѣдующая прокламація:

«Объявляю чрезъ сіе тѣмъ изъ пребывающихъ въ Азовской губерніи, Славянской и Елисаветской провинціи жителей, кои въ бывшемъ войскѣ Запорожскомъ служили, что полковому старшинѣ и арміи капитану

Головатому (Антону Андреевичу) препоручено отъ меня приглашать изъ нихъ охотниковъ къ служенію въ козачьемъ званіи, подъ моимъ предводительствомъ. Число сихъ козаковъ простираться будетъ конныхъ до 500 и пѣшихъ въ лодкахъ тоже число, которымъ опредѣляется довольное жалованье и пропитаніе. Для сего желающіе да явятся въ Херсонъ къ г-ну бригадиру Синельникову [1].

Такія точно «коммисіи» даны бывшимъ Запорожскимъ полковникамъ: *Харьку* (Захару), *Чепегѣ* и *Легкоступу*.

Старанія этихъ четырехъ Запорожскихъ много уважаемыхъ старшинъ, при помощи заслуженнаго бывшаго Запорожскаго войсковаго асаула Сидора *Бѣлаго*, увѣнчались большимъ успѣхомъ, ибо настоящее «товариство» не охотно женилось и селилось, а предпочитало вести жизнь военную, *бурлацкую*. Въ теченіе 7-ми лѣтъ, не смотря на войну и болѣзни, а въ 1784 г. и смертность отъ чумы, къ 1790 г. оставалось еще 5,300 козаковъ, самаго отличнаго воинства, какъ это увидѣлъ блистательный вельможа на полѣ битвы. Собранныя такимъ образомъ въ 1783 г. дружины, хотя весьма близко нарядомъ, видомъ и службою были сходны съ Запорожцами, но имѣли право жениться и на-

---

[1] См. мое *Хронологическое Обозрѣніе Исторіи Новороссійскаго Края*. Ч. I. стр. 159. Синельниковъ, бывшій послѣ губернаторомъ и строителемъ нашего Екатеринослава, происходилъ тоже отъ Запорожцевъ. Онъ убитъ при осадѣ Очакова.

званы *Черноморцами*, т. е. именемъ, которое имъ было давно извѣстно и которое они брали на себя всегда, когда бывало пускались въ свои наѣзды на берега Чернаго моря. Въ 1787 году, когда Императрица посѣтила полуденную Россію, дружины Черноморцевъ составляли Ея конвой и восхищали всѣхъ своею ловкостію и молодечествомъ. Потемкинъ въ числѣ прочихъ званій имѣвшій титулъ: «Гетмана всѣхъ козачьихъ войскъ», составилъ себѣ изъ Черноморцевъ конвой, состоявшій подъ командою Головатаго; такъ сбылось желаніе этого вельможи «*козаковать*» на степяхъ Запорожскихъ. Вскорѣ открывшаяся съ Турціею война, продолжавшаяся на сушѣ и на морѣ съ конца 1787 по 1791 г. съ особеннымъ счастіемъ и славою для Русскаго оружія, доказала всю пользу этого козачества. Спустя 15 лѣтъ (въ 1805), посыланный по волѣ Императора Александра для устройства Черноморцевъ, генералъ *Дашковъ* писалъ объ нихъ министерству: «Козаки Черноморскіе, движимые духомъ усердія, во все время теченія войны той (1787—1791) въ различныхъ дѣйствіяхъ противу непріятеля, многими мужественными подвигами оказали опыты отличной своей храбрости и поревнованія на пользу службы»[1].

---

[1] Эта записка находилась въ дѣлахъ архива Новороссійскаго генералъ-губернатора, теперь переданныхъ въ Военно-Топографическое Депо. Она была приложена къ отношенію министра графа Кочубея къ герцогу Ришелье, отъ 16 Октября 1805 года.

И въ самомъ дѣлѣ во всѣхъ реляціяхъ о битвахъ этой достопамятной кампаніи писано, что козаки Черноморскіе отличались храбростью, усердіемъ и вѣрностію къ Императорскому престолу. Возьмемъ въ примѣръ одно изъ донесеній главнокомандовавшаго арміею князя Потемкина, посланное ко Двору во время столь памятной осады Очакова[1], во время которой и первый кошевой Черноморцевъ *Сидоръ Бѣлый* былъ убитъ Турками и похороненъ въ Кинбурнѣ. Его мѣсто заступилъ старшій по немъ полковникъ *Чепега*, пожалованный въ кошевые, а Антонъ Головатый въ судьи войска.

«4 Ноября 1788 г. капитанъ-паша съ кораблями и фрегатами отплылъ и, по показанію плѣнныхъ, пошелъ къ Царьграду. Во время пребыванія его предъ Очаковскимъ берегомъ, держа фрегаты, шебеки и всѣ мелкія суда, составлявшія переднюю его линію близъ острова Березани, (противъ устья рѣчки с. и. въ Черное море) привелъ на ономъ крѣпость въ оборонительное состояніе и старался сдѣлать невозможнымъ всходъ на берегъ сего неприступнаго острова, построивъ батареи въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ къ острову приставать можно было; а для защищенія крѣпости, оставленъ отъ него довольный гарнизонъ.

[1] Изъ «*Собранія разныхъ полученныхъ отъ главнокомандующихъ арміями и флотомъ ко Двору донесеній*». Ст.-Петербургъ, 1789 г. Часть I.

По удаленіи флота Турецкаго, главнокомандующій, препоручивъ войску вѣрныхъ Черноморскихъ козаковъ поискъ на сей островъ, приказалъ войсковому ихъ судьѣ подполковнику (арміи) Головатому идти туда со всѣми своими лодками и стараться взойти на берегъ, разбить непріятеля и овладѣть крѣпостью. Предпріятіе сіе предъ лицемъ всей арміи произведено въ дѣйство съ совершеннымъ успѣхомъ. 7 Ноября по утру, козаки приблизились къ острову, выдержали съ твердостью и мужествомъ сильный огонь непріятельскій, потомъ сдѣлавъ залпъ изъ пушекъ и ружей, вскочили въ воду и вспалзывая на берегъ, бросились съ такимъ стремленіемъ, что прогнали непріятеля, отняли у него батареи и преслѣдовали до самой крѣпости, гдѣ встрѣчены были картечами; въ семъ случаѣ поворотили они противъ крѣпости съ набережной батареи и съ своихъ лодокъ взятыя. Жестокая канонада ихъ, движеніе сдѣланное отъ флота (Русскаго), по данному сигналу, нѣсколькими фрегатами и отправленіе къ острову лодокъ канонерскихъ съ бригадиромъ Рибасомъ, заставили непріятеля умолкнуть и просить пощады». Однимъ словомъ крѣпость и островъ Березань были взяты и тѣмъ значительно облегчено движеніе флота противу Очакова. Козаки-побѣдители потеряли на штурмѣ одного полковаго старшину, 4-хъ куренныхъ атамановъ и 24 козаковъ. Въ той же реляціи сказано: «Въ самое то время,

когда пѣшее войско вѣрныхъ козаковъ Черноморскихъ дѣйствовало противъ Березани, конница ихъ съ кошевымъ атаманомъ подполковникомъ Чепегою, была подъ Хаджибеемъ и истребила подъ самою крѣпостью магазины на берегу построенные, въ которыхъ было до нѣсколька тысячъ четвертей муки, пшена и овса».

Объ этомъ подвигѣ Головатаго слыхали мы подъ Одессою отъ одного бандуриста довольно интересную балладу, которую долгомъ считаемъ сообщить читателямъ:

Ой стоялы на гавани противъ Яниколя,
Ой тамъ була фуртовина (буря) изъ Черпаго моря.

Ой въ недилю по раненьку, якъ стало свитаты,
Ой ставъ нашъ Головатый на хлопцивъ гукаты.

— «Пидымайте добри хлопци паруса вси въ гору,
Ой бье Турокъ изъ Кинбуру съ пушокъ на тревогу!» —

Пидняли добри хлопци вси паруса въ гору
Пишлы Днипромъ противъ воды корабли на воду.

Пишли наши добри хлопци Днипромъ противу воды
Набралыся сердечные превеликія биды.

Ой поглянувъ нашъ Головатый въ прозорную трубу
«Ой теперь вражихъ Туркивъ бояться не буду».

Въ 1789 г. встрѣчаемъ козаковъ на штурмѣ Очакова, въ поискахъ противъ Бендеръ, Паланки [1] и на лодкахъ подъ Измаиломъ и Аккерманомъ; —

---

[1] *Паланка* небольшой укрѣпленной городокъ въ Буджакѣ, нынѣ селеніе на Днѣстрѣ въ Аккерманскомъ уѣздѣ.

но въ Сентябрѣ т. г. дѣйствовали они цѣлымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 3 пѣшихъ и 3-хъ конныхъ полковъ и 3 пушекъ подъ командою кошеваго Чепеги и судьи Головатаго. 13 Сентября съ корпусомъ Де-Рибаса они взяли штурмомъ замокъ Енидуня въ Хаджибеѣ и дали начало нынѣшней Одессѣ, ибо когда тамъ устроена была въ 1793 г. крѣпость, они поселились первые, особою слободкою или предмѣстьемъ на «Пересыпи». Въ реляціяхъ того года Потемкинъ съ большою похвалою отзывается о дѣйствіяхъ Черноморскаго войска, въ особенности же о подвигахъ: кошеваго Чепеги, судьи Головатаго, полковника *Бѣлого*, хорунжихъ и старшинъ: *Алексѣя Высочина*, *Ивана Сербина*, *Андрея Бѣлаго*, *Павла Лисаневича* и *Василія Левенца* и эсаула *Прокофія Чайковскаго*. Съ тѣмъ вмѣстѣ присовокупляетъ, что «во все продолженіе сей экспедиціи въ доставленіи снарядовъ и провіанта и во многихъ другихъ нужныхъ случаяхъ, великое имѣлъ пособіе отъ войсковаго судьи Головатого». Тѣже: Чепега, Головатый, Бѣлый, — за 20 лѣтъ назадъ подъ тоюже крѣпостью подвизалися въ командѣ древняго Низоваго Коша, подъ начальствомъ Калнишевскаго, послѣдняго своего кошеваго атамана. Командиръ же авангарда арміи Потемкина, графъ Гудовичь, во время упомянутой экспедиціи на Хаджибей, въ особенности хвалитъ эсаула Черноморскихъ козаковъ *Кондрата Табанца*, ведшаго корпусъ его по труднымъ дорогамъ Оча-

ковской степи, столь для нихъ памятной подвигами братьевъ-Запорожцевъ въ кампанію Румянцова 1769—1774 года.

Вотъ еще одна пѣсня *хвастающихъ* Запорожцевъ, говорящая о взятіи Очакова, —и разумѣется одними козаками:

«Чи то чорные орлы крыла распустылы
Темненькою ни ью сонечко закрылы....
Чи то изъ за моря хмара наступае»?
Ой то не изъ за моря хмара наступае,
Ни чорные орлы крыла распустылы,
Темненько вичью сонечко закрылы.
То подъ ясное небо *луна* (зарево) забигае,
А дымомъ клубками по полю качае.
То храбре козацьство Татаривъ разбило,
И городъ Бѣсурманскій Очаковъ спалило.
Базаръ горитъ, а на море луна йде,
Папъ атаманъ козаченькивъ до дому веде,
А за нымъ Бѣсурманы поле покрывалы
Атамана кошевого добре угощалы.
Добре угощалы, дарми надавалы ...
Ой тоди козаченькивъ та вси шановалы [1]!»

Такимъ образомъ во всю кампанію Турецкую до заключенія Ясскаго трактата служило войско Черноморское, не зная другаго занятія, кромѣ войны за «Матушку-Царицу», не имѣя другаго достоянія, кромѣ коня, лодки и оружія, не имѣя даже другаго крова въ бывшей своей родинѣ, кромѣ достославной сѣни знаменъ Русскихъ.

---

[1] Быть можетъ говорится здѣсь о взятіи Очакова въ 1737 году, при чемъ были и Запорожцы.

Потемкинъ болѣе и болѣе цѣнилъ ихъ службу и понималъ настоящую въ нихъ нужду. Чтобы вознаградить вѣрныхъ козаковъ за ихъ труды, и чтобы сдѣлать ихъ полезными для Россіи, онъ назначилъ имъ для поселенія семейнаго, военно-земледѣльческаго, въ случаѣ окончанія кампаніи и занятіи уже безспорнаго (послѣ паденія Очакова и Хаджибея) Очаковской области, всѣ тѣ земли, которыя находились между Бугомъ, Днѣстромъ и Чернымъ моремъ. Ихъ любовь къ мореходству давала возможность немедленнаго устройства гребной флотиліи, созданной въ эту кампанію и которой польза была очевидна на водахъ, гдѣ Россія имѣла еще весьма небольшія морскія силы. Но смерть Потемкина едва не лишила ихъ всего. Оставленные въ 1791 г. въ походномъ Кошѣ надъ Днѣстромъ, гдѣ они вмѣстѣ съ Бугскими козаками содержали кордоны и ходили въ походъ противъ Буджаковъ, напрасно ожидали они устройства своей участи съ заключеніемъ и приведеніемъ въ дѣйствіе Ясскаго трактата. Имъ угрожало обращеніе въ поселянское званіе, съ предоставленіемъ офицерамъ и охотникамъ записываться въ легкоконные или гусарскіе полки. Объ этомъ-то печальномъ времени для Черноморскаго козачества сложилъ Антонъ Головатый, судья и бардъ Запорожскій, свою просьбу-балладу:

«Ой Боже жъ нашъ, Боже милостивый,
Вродились мы въ свиты несчастливи.

Служили вирно у поли и на мори,
Тай остались убоги и босы и голы.
Далы намъ земли отъ Днѣстра до Богу
Границя намъ по Бендерску дорогу,
Днѣстровый, Днѣпровый — обыдва лиманы.

Послѣ предложенъ былъ въ Петербургѣ проэктъ о поселеніи ихъ на земляхъ при-Кубанскихъ для защиты новой Русской границы, съ паденіемъ Крымскаго ханства пріобрѣтенной, но и эта надежда была невѣрна[1]. Тогда съ общаго согласія Черноморскаго братства, Головатый отправленъ былъ въ Петербургъ, дабы повергнуть у Монаршаго престола заслуги своей общины и исходатайствовать окончательное и милостивое рѣшеніе ея участи. Головатый на этотъ разъ былъ всѣми принятъ лучше, нежели въ 1775 г. и успѣшно окончилъ свои дѣла. Высочайшая граммата въ 30 день Іюня 1792 г., пожалованная « войску вѣрныхъ козаковъ Черноморскихъ » даруетъ ему: « островъ Фанагорію съ землями между Кубанью, Азовскимъ и Чернымъ моремъ »; поручаетъ ихъ вѣрности и храбрости охраненіе границы отъ за-Кубанскихъ хищниковъ; предоставляетъ имъ собственный ихъ кошевый судъ и расправу, а козакамъ право торговли, рыбные промыслы, свободную винную про-

---

[1] Объ этомъ-то проэктѣ говоритъ пѣсня:

« .... Пишлы до Царици прохаты,
Щобъ наши Сичи Запорозьски
Та на Кубань прогнаты ».

дажу и пр. Кромѣ того пожалованы были войску знамена, литавры, печать и гербъ съ новымъ изображенiемъ и надписью: « печать Е. И. В. Коша войска вѣрныхъ Коз. Чер.»[1]. Чепега утвержденъ кошевымъ атаманомъ, а Головатый войсковымъ судьею. Кромѣ того Императрица, по обыкновенной своей щедрости, подарила Русскую *хлѣбъ-соль*, т. е. жалованья ежегодно по 20,000 руб. и серебренное блюдо съ богатою серебренною солонкою и право сохраненiя древнихъ войсковыхъ клейнотовъ: булавы, пернача, тростей и пр.; которыя доселѣ въ большихъ церемонiяхъ носятся Наказнымъ атаманомъ, начальникомъ штаба и пр.

1 Iюля 1792 г. Черноморская козачья гребная флотилiя, подъ начальствомъ своего полковника *Бѣлаго* на 51 лодкахъ, повезла 3,000 козаковъ и старшины къ своимъ новымъ жилищамъ, а 21 Августа въ Тамань прибыла. Вскорѣ пришли тудаже 2 пѣшiе козачьи полка въ 500 чел. каждый и расположились близъ крѣпости Фанагорiйской. 2 Сентября Захаръ Алексѣевичь *Чепега* съ войсковымъ писаремъ, полковниками, старшинами и 2063 козаками конныхъ полковъ выступили тудаже; перешедъ Бугъ въ Соколахъ (Вознесенскѣ), Днѣпръ въ Бериславѣ и Донъ въ Новочеркасскѣ, прибыли къ р. Еѣ, и 24 Октября вступили на новое свое еще пустынное пепелище. Въ это время судья

[1] См. на таблицѣ 2-й, къ настоящей части приложенной.

войсковый съ 2 полками коннымъ и пѣшимъ въ числѣ 1,000 ч. коз., остававшійся на Днѣстрѣ близъ Дубоссаръ, охранялъ обозъ и всѣ семейства козачьи, въ которыхъ впрочемъ было еще не много женщинъ, а 15 Іюля 1793 г. прибылъ въ Черноморье. Спустя мѣсяцъ, т. е. 15 Августа, войско Черноморское торжественно основало себѣ главный городъ, т. е. Кошъ на Кубани въ такъ называемомъ *Карасуйскомъ-кутѣ*[1] противъ лѣска, называемаго *Кругликъ* и въ вѣчную память своей незабвенной Монархини, основательницы новаго быта козаковъ, назвало его *Екатерино-даромъ*. По той же Кубани поставило оно свои слободы — курени: Донскій, Пластунивскій, Рогіевскій, Поповичевскій, Величковскій, Тимошевскій, Мышастовскій, Нижне-Стеблеевскій и Джерелѣевскій; курени: Выше-стеблеевскій, Титоровскій на Таманскомъ полуостровѣ; Щербиновскій, Конеловскій, Кисляковскій, Шкуринскій и др. села по р. Еи до Азовскаго моря. Теперь эти селенія умножились, а нѣкоторые курени и мѣстопребываніе свое уже измѣнили.

Для насъ, слѣдящихъ за судьбами собственно Запорожья, замѣчательно то, что древнія формы козачества, за исключеніемъ безбрачія, остались тѣ же, что и въ Сѣчахъ. «Внутренній у Черноморскихъ козаковъ распорядокъ (сказано въ упомянутой выше запискѣ генерала Дашкова), основанный на правилахъ прежняго Запорожскаго,

[1] Кара-су, черная вода.

есть и понынѣ тотъ же самый, какой былъ прежде. Войсковый *Кошъ* есть главный станъ войска и подъ главнымъ начальствомъ войсковаго (кошеваго) атамана составляютъ его 40 куреней тѣхъ самыхъ наименованій, какія существовали въ войскѣ Запорожскомъ. Каждый курень имѣетъ начальникомъ куреннаго атамана, избираемаго козаками изъ равныхъ себѣ. Всѣ козаки и чиновники, въ видѣ козаковъ, росписаны по куренямъ, по добровольному каждаго избранію. Число козаковъ въ куренѣ неограниченно и простирается отъ 100 до 1,000 чел.». Это было писано въ 1805 г. Число ихъ, бывшее въ 1793 г. по показанію Ришелье, 5,803 коз. муж. пола; въ 1808 г. въ 41 куренѣ или селеніи имѣло уже

20,649 муж. пола
8,811 жен. »

29,460, т. е. до 30,000 душъ об. п.

Но тогда къ нимъ пришло уже много козаковъ, остававшихся на жительствѣ въ Екатеринославской и Херсонской губерніяхъ; нѣсколько козаковъ вернулось изъ Турціи и многія Ногайскія семейства переселились изъ-за Кубани. Съ 1809 по 1820 г. переселено правительствомъ въ Черноморье до 30,000 Малороссійскихъ козаковъ и поселянъ, такъ что въ 1820 году было тамъ уже слишкомъ 60,000 д. об. п.

Въ 1841 г. Черноморское войско окончательно

преобразовано и по этому случаю мы знаемъ, что оно раздѣляется на три округа.

I. *Екатеринодарскій*, въ которомъ находятся слѣдующіе курени или станицы:

1.	*Екатеринодарск.*	3,627.	11.	*Дядьковскій* . .	524.
2.	Пашковскій . .	1,561.	12.	Тимошевскій. .	926.
3.	Старо-Корсунск.	1,042.	13	Рогіевскій . . .	1,289.
4.	Васюринскій. .	1,132.	14.	Ново-Джерелѣев.	942.
5.	Донской	602.	15.	Брюховецкій. .	1,002.
6.	Пластуннвскій.	856.	16.	Переяславскій .	905.
7.	Старо-Мышастов.	608.	17.	Ново-Корсунскій	496.
8.	Сергіевскій . .	273.	18.	*Березанскій*[1] . .	936.
9.	Платнировскій.	1,350.	19.	Батуринскій . .	334.
10.	Коренивскій . .	1,135.	20.	Каневскій . . .	1,522.

Итого въ 20-ти куреняхъ д. м. п. 21,064.

II. *Таманскій* округъ, въ которомъ слѣдующія станицы или курени:

1.	Вышестеблеевскій	499.	8.	Старо-Джерелѣев.	927.
2.	Старо-Титоровск.	369.	9.	*Татарское селеніе Ады*	281.
3.	*Ахманизовская* и *Тамань*.	314.	10.	Старо-нижне-Стеблеевскій	1,421.
4.	*Темрюкскій*. . . .	474.	11.	Ивановскій . .	1,450.
5.	*Петровскій*. . .	1,388.	12.	Ново-Мышастов.	1,793.
6.	Полтавскій. . .	1,572.	13.	*Маріинскій*. . . .	828.
7.	Ново-нижне-Стеблеевскій	1,635.	14.	Ново-Величковск.	849.

[1] Этотъ курень названъ Березанскимъ вѣроятно въ память Головатаго и его побѣды на о. Березани.

15. Елисаветинскій	727.	18. Старо-Величков.	977.
16. *Черкесскій аулъ*	263.	19. Поповичевскій	1,101.
17. Ново-Титоровск.	1,344.	20. Медведовскій	1,122.

Итого въ 20-ти куреняхъ д. м. п. 19,334.

III. *Ейскій* округъ имѣетъ слѣдующіе станицы или курени:

1. Ирклеевскій	857.	11. Шкуринскій	760.
2. Старо-Деревянков.	960.	12. Старо-Левушковскій	689.
3. Ново-Минскій	1,035.	13. *Павловскій*	467.
4. Ново-Деревянков.	882.	14. Кисляковскій	1,523.
5. Старо-Щербинов.	2,078.	15. Кущовскій	831.
6. Крилевскій	782.	16. Ново-Левушковск.	393.
7. Уманскій	1,201.	17. Калниболоцкій	1,139.
8. Конеловскій	782.	18. Незамаевскій	1,153.
9. Старо-Минскій	1,439.	19. *Екатериновскій*	1,071.
10. Ново-Щербинов.	1,041.		

Итого въ 19-ти куреняхъ д. м. п. 19,083.

Всего же въ 59-ти куреняхъ 59,481 д. м. п.; слѣдственно всего народонаселенія до 100,000 душъ об. пола.

Черноморское козачье войско, сохранившее доселѣ неприкосновеннымъ, въ теченіи слишкомъ полъ-столѣтія, древнія Запорожскія наименованія осѣдлостей, такъ что изъ 59 селеній 49 названы по куренямъ Сѣчевымъ, а только 10 (обозначенныя курсивомъ) получили новыя наименованія, занимаетъ обширную и прекрасную площадь земли въ 33,000 кв. верстъ пространства. Оно заклю-

чено между восточнымъ берегомъ Азовскаго моря и Кубанью, имѣетъ на югѣ часть Чернаго моря и горскія племена Натухайцовъ, Шапсуговъ, Абасеговъ и др., съ которыми 50 лѣтъ борьбы ни на шагъ не упрочили еще ихъ покорности; На западѣ Азовское море, на сѣверѣ часть Ростовскаго уѣзда Екатеринославской губер., на сѣверо-западѣ граница съ Донскими землями и частью Кавказской области, съ которою составляетъ одно гражданское управленіе. Раздѣляется на 3 окружныя управленія пребывающія: *Екатеринодарское* въ Екатеринодарѣ, *Таманское* въ станицѣ Петровской, *Ейское* въ Уманскомъ куренѣ, и не смотря на свою малочисленность, содержитъ во всей исправности и воинской готовности

1 дивизіонъ лейбъ-гвардіи,
12 конныхъ полковъ,
9 пѣшихъ баталіоновъ, и
1 конно-артиллерійскую бригаду.

которые содержатся большею частью на достояніи войска, имѣющаго кромѣ Царскаго жалованья свои доходы отъ соляныхъ и рыбныхъ промысловъ, питейной продажи, внутренней торговли и поземельнаго довольства.

Надъ озеромъ *Лебяжимъ* въ Ейскомъ округѣ въ 1794 г. устроена «Екатерино-Лебяжая Николаевская пустынь» или монастырь, также какъ и въ войскѣ Запорожскомъ былъ Самарскій мо-

настырь, называвшійся «Самарскою-Пустынно-Николаевскою обителью». Подобно какъ въ Запорожьи, курени управляются избранными изъ среди-своей «громады» куренными атаманами, и подобно Низовому братству пользуется «землями, рѣчками и прочими угодьями» только пожизненно, какъ изъ вѣковъ бывало»[1].

III.

Теперь обратимся къ заблудшимъ овцамъ Запорожской общины, оторваннымъ отъ родной земли преступнымъ упорствомъ и козачьею нетерпѣливостью и, посмотримъ, какова была ихъ участь на чужбинѣ. Мы уже сказали, что паническій страхъ объявшій козаковъ послѣ атакованія Сѣчи: «що ихъ будутъ робыты москалями», т. е. брать въ военную службу, увеличенный еще подстреканіями буйныхъ и не любящихъ порядка головъ, побудилъ ихъ къ бѣгству, за которое они послѣ столь горько заплатили. Объ этомъ говоритъ одна печальная ихъ дума:

«Ой теперь наши славны Запорожцы
Та у великому жалю,
Що не знають кому покоритця
И которому Царю.

[1] Весьма сожалѣемъ, что совершенный недостатокъ матеріаловъ не даетъ намъ возможности упомянуть о военной службѣ и подвигахъ Черноморскаго войска въ теченіе минувшаго полъ-столѣтія; но современемъ, надѣюсь, удастся мнѣ заняться этимъ предметомъ на мѣстѣ, съ большею подробностію и точностію.

«Поклонылись бы мы цёму Туркови,
Та щожъ колы не наша вира.
Поклонылись бы Москалеви,
Та москаль не прiймае».

«Ой кругомъ церкви Сичовой
Караулы сталы,
Панъ-отцу Владимiру
Служиты не далы.

«Ой вызомъ, вызомъ, —
Славни Запорожци!
Тай до переправы.
Ой берить лодки и вси припасы,
Тай ходимо дали».

И такъ бѣгство было рѣшено. Ляхъ, какъ сказано выше, превозглашенный походнымъ атаманомъ, съ значкомъ и перначемъ впереди на своей лодкѣ; за нимъ съ разныхъ концовъ Запорожья до 5,000 товариства на *сандалкахъ* и дубахъ, вошли въ Днѣпръ и пустились къ лиману. Но куда идти, гдѣ искать новаго отечества «новой родынонькн»? Тутъ недоумѣнiе и тоска по отчизнѣ ими овладѣли.

. . . «Ой въ степу братци
Двѣ дорожки:
Една дорижка ажъ до зеленаго гаю; (лѣска, т. е. до родины)
А другая стежка, дорижка
Ажъ до тыхого Дунаю....

Но тутъ опять остановились несчастные бѣглецы и невольно воскликнули:

Та круты бережки
И далека Украина!!

Но дѣлать было нечего; подумали, потолковали и пустились къ Дунаю, куда еще недавно какъ побѣдители, какъ вѣрные слуги Россіи, направляли свои лодки. Въ Дунай прошли они по Георгіевскому рукаву (Гедрилле-Богази) и достигли Браилова. Не зная куда дѣться, несчастные предались опять подъ державу Турціи. Порта приняла ихъ, какъ и прежде, очень охотно, обложила весьма легкимъ харачемъ и позволила избрать любое мѣсто на Дунаѣ. Они предпочли Георгіевскій островъ и ту часть материка, которая находилась между правымъ берегомъ этого гирла, Чернымъ моремъ и озеромъ Розельмъ. Земля эта была изобильна; р. Дунай и Черное море давали занятіе рыболовамъ; они добыли себѣ стада и устроили селеніе, названное *Запорожскою Сѣчью* съ тою разницею, что не женатые и старшины съ кошевымъ жили въ укрѣпленной части этой Сѣчи, которая называлась *кошемъ* или даже *поланкою*, т. е. крѣпостью; семейные же обитали въ предмѣстьи по Турецки прозванномъ *Раія*. Турки дали имъ тоже названіе *Буткальскихъ* козаковъ, которымъ именовали прежде въ грамматахъ и письмахъ. Но этимъ добромъ они спокойно наслаждаться не могли, а вскорѣ и вовсе его лишились отъ самаго ненавистнаго для Запорожцевъ сосѣдства. Земли ихъ однимъ только протокомъ или р. Дунавцемъ раздѣлялись отъ селеній Некрасовскихъ[1],

[1] Въ 1708 г. приверженный къ Буловину амаманъ *Игнатъ Не-*

т. е. основанныхъ тамъ въ половинѣ XVIII стол. Донцами раскольниками, бѣжавшими изъ Россіи при Петрѣ Великомъ во время бунтовъ Буловина и Мазепы. Вражда Запорожцевъ къ раскольникамъ уже извѣстна читателямъ, и она то, равно какъ и совмѣстничество во владѣніи землями, пользованіи рѣками, камышами и солью, были причиною безпрестанныхъ распрей и даже кровавыхъ обоюдныхъ насилій. Кончилось тѣмъ, что Запорожцы, какъ сильнѣйшіе (Некрасовцевъ было всего 1,400 д. о. п.), вытѣснили Некрасовцевъ и вооруженною рукою, съ причиненіемъ убійствъ, пожаровъ и грабежей, завладѣли ихъ жилищами и тамъ укрѣпились. Турецкое правительство для прекращенія будущихъ распрей и чтобы наказать Запорожцевъ, перевело ихъ въ верхъ по Дунаю, въ окрестности кр. Гирсово на урочище *Сеймены*, гдѣ они оставались почти до 1803 г.

Тамъ устроился ихъ новый «за-Дунайскій» Кошъ. Турки ему покровительствовали усердно,

---

красовъ, избѣгая казни за свою измѣну, съ 500 или 600 Донскихъ семействъ раскольниковъ, бѣжалъ съ Дону и предались Крымскому хану, получивъ отъ него земли на Кубани, между Таманью и Копылемъ, рядомъ съ кочевьями Кубанской орды Ногаевъ. Тамъ имѣли они 3 села: *Себелей* (Савельево), *Ханъ-Тюбе* и *Кара-Игнатъ*. Крымцы называли ихъ «Игнатъ-козаками». Въ 1784 г. они дожны были уйти оттуда, избѣгая Русскаго владычества и поселились въ Булгаріи въ Мачинскомъ и Бабадагскомъ округахъ, гдѣ они имѣли 6 селеній: *Сара-Кіой*, *Кара-Урманъ* (черный лѣсъ), *Новая-слава*, *Старая-слава*, *Журилово* и *Каменка*. См. Жур. Мин. В. Д. 1844 № 10 стр. 61 — 83.

и не смотря на дарованное было всепрощеніе всѣмъ бѣжавшимъ изъ Россіи людямъ, Запорожцевъ всѣми мѣрами тамъ удерживали. Паши Браиловскій и Силистрійскій много ихъ цѣнили и употребляли наравнѣ съ Турецкими регулярными войсками, которыя они превосходили не только храбростью и твердостью, но даже дисциплиною. Отъ того не боялись употреблять ихъ даже противу Россіи. Такимъ образомъ къ крайнему стыду этого общества, въ реляціяхъ 1789 и 1791 г. находимъ мы указаніе, что 15 лодокъ *Буткальскихъ* козаковъ — такъ называли всѣ оффиціально Запорожцевъ — служило при Турецкомъ флотѣ, и слѣдственно несчастные встрѣчались на полѣ битвы съ своими братьями — по крови и оружію — вѣрнымъ козачествомъ Черноморскимъ. Впрочемъ это событіе случилось только однажды, и на рѣшительный отказъ Запорожцевъ служить впредь на сушѣ и на морѣ противу Россіи, Порта повелѣла пашамъ употреблять ихъ только противу Сербовъ, Албанцевъ и наконецъ Грековъ[1].

Они разсказывали, что Кошъ ихъ не подвергался никакимъ притязаніямъ Порты или пашей, но еще въ сравненіи съ другими «раіями»

---

[1] Азовскіе наши козаки разсказываютъ, что Турки боясь потерять Запорожцевъ, изобрѣли хорошее средство ихъ удержанія. При всякой экспедиціи противу раіевъ, т. е. Христіянъ, весь Кошъ давалъ поруку за отправляемыхъ въ походъ людей; оттого оставшіеся въ домахъ, также усердно смотрѣли за уходящими, какъ и сами Турки.

пользовались большою свободою и преимуществами. Войску дозволено было жениться или *бурлаковать* по произволу, ибо безбрачіе считалось неотъемлемымъ основаніемъ Запорожья; въ 1830 году знали мы 90-лѣтнихъ стариковъ, помнившихъ еще Новую-Сѣчь, которые по возвращеніи изъ Турціи, т. е. чрезъ 55 лѣтъ, были все еще такими же *молойцами* (холостяками) какъ и во дни ихъ юности. Имъ дозволено было принимать въ свое общество всѣхъ людей, Турецкихъ и иностранныхъ подданныхъ, лишь бы они были не мусульмане: Вотъ причина столь частыхъ побѣговъ Русскихъ и Украинскихъ поселянъ за Дунай, думавшихъ уходить въ свою обѣтованную «Палестину», — «на Запорожье», «якъ изъ вѣковъ бувало». Отъ того, не смотря на постоянную военную службу и частыя экспедиціи противу разбойниковъ (особенно въ 1801 году) и мятежниковъ, Кошъ этотъ имѣлъ не менѣе 10,000 душъ об. п. Подобно древнему товариству, Дунайскіе Запорожцы раздѣлялись на 38 куреней прежнихъ наименованій и кромѣ Коша имѣли еще два селенія, гдѣ пребывали женатые съ своими семействами. Начальникъ войска именовался кошевымъ атаманомъ, избирался по древнему обычаю въ 1 й день Генваря, какъ и въ древнихъ своихъ Кошахъ. Церковь ихъ была подъ тѣмъ же названіемъ Св. Покрова Богоматери. Въ день храмоваго праздника все товариство, собравшись на площадь, состав-

ляло кругъ или раду. Кошевой на приготовленномъ столѣ клалъ свою булаву и саблю, которую получалъ отъ султана, а войско разсматривало его расходныя книги и куренные реестры товариства. Когда довольны были кошевымъ, то бросали шапки вверхъ, а его взявъ за руки, съ громкими восклицаніями водили по Сѣчи и тогда уже непремѣнно онъ былъ избираемъ на будущій годъ. Въ противномъ случаѣ войско не только изъявляло ему свое негодованіе, но даже производило побои и раны. Кошевый считался у Турокъ двухъбунчужнымъ пашею, имѣлъ при себѣ писаря, у котораго хранилась печать войска съ Турецкою легендою, означавшею: «Начальникъ Буткальскихъ козаковъ кошевой», которая прилагалась къ бумагѣ вмѣсто бывшей подписи войсковаго писаря [1]. Кромѣ писаря, старшину составляли: эсаулъ, куренные атаманы и переводчикъ. Постоянныхъ войсковыхъ старшинъ и полковниковъ, какъ это водилось въ Запорожьи, въ Дунайской Сѣчи не было. Когда нарядъ въ экспедицію былъ сдѣланъ, одинъ изъ куренныхъ атамановъ избранный въ командиры получалъ званіе полковника и въ знакъ своего достоинства серебренный перначь, а иногда и почетную саблю. Каждый курень

---

[1] Изображеніе этой печати, сообщенное намъ Е. П. г. наказнымъ атаманомъ Азовскаго войска О. М. Гладкимъ, помѣщается на прилагаемой здѣсь таблицѣ.

имѣлъ свой значокъ или знамя, которое носилъ хорунжій или значковый товарищъ. Кромѣ этихъ чиновъ находился постоянно въ Кошѣ Турецкій чиновникъ, съ званіемъ «повѣреннаго въ дѣлахъ» большею частію для сбора харачу, выдачи *тескере*, т. е. паспортовъ, а въ политическомъ отношеніи для наблюденія за вѣрностью войска, которое Порта издревле называла *Поткалы*, нѣчто въ родѣ сброду, *черни*.

Со временемъ, когда недовольные своимъ мѣстопребываніемъ, козаки начали по немногу возвращаться въ Россію, а съ открытіемъ кампаніи 1806 г., когда и цѣлые отряды Запорожцевъ и даже Некрасовцевъ присоединились къ Русской арміи, Турки позволили имъ занять прежнія свои жилища на югѣ р. Дунавца, гдѣ они поставили и укрѣпили свой Кошъ, почти 25 лѣтъ существовавшій и два селенія: *Раія* и *Кара-Керменъ*, весьма богатыя и многолюдныя. Для того нужно было вытѣснить оттуда своихъ сосѣдей-раскольниковъ (Липовановъ) и Некрасовцы при этомъ случаѣ лишились больше 50 чел. убитыми и всего своего движимаго имущества. Отсюда во время войны 1806 — 1812 г. они ходили въ море на Македонію, а въ 1821 г. дѣйствовали противу Греческой этеріи и мятежниковъ. Ихъ храбрость и любовь къ оружію и на чужбинѣ не погасла, но за то не погасла и любовь къродинѣ, которую они горько оплакивали, ожидая только слу-

чая, чтобы туда возвратиться на какихъ бы то ни было условіяхъ. Но это намѣреніе исполнить было трудно, ибо Турки, посредствомъ круговыхъ порукъ, держали ихъ въ вѣчномъ страхѣ и повиновеніи.

Объ этой тоскѣ говоритъ одна пѣсня, сочиненная вѣроятно въ за-Дунайской или Алешковской Сѣчи, которую до сихъ поръ поютъ въ степяхъ нашихъ:

Летивъ орелъ по надъ моремъ, тай ставъ голосыты: —
«Ой якъ тяжко козакови на чужбини житы». —

Летивъ орелъ по надъ моремъ, тай летивши крикнувъ: —
«Ой якъ тяжко несчастному жить, где не привыкнувъ»!

Русское правительство, руководимое милосердіемъ къ несчастнымъ хотя и преступнымъ Запорожцамъ, соглашалось охотно на возвращеніе изгнанниковъ, полагая, что такимъ образомъ Турція лишится этого храбраго воинства и прекратятся побѣги крестьянъ изъ Малороссіи. Потому чрезъ выходившихъ разновременно козаковъ, внушаемо было въ ихъ Кошѣ, что они всегда будутъ приняты радушно и благосклонно. Первые слѣды такого возвращенія находимъ въ 1805 г. Тогда нѣсколько козаковъ Батуринскаго (за-Дунайскаго) куреня сухопутно и моремъ пробралось въ Одессу, съ податными тескере вмѣсто паспортовъ, выданными за печатью кошеваго отъ Ту-

рецкаго повѣреннаго [1]. Герцогъ Ришелье всѣхъ такихъ людей отсылалъ обыкновенно въ подчиненное ему тогда Черноморское козачье войско, гдѣ они немедленно находили пристанище, хлѣбъ, службу и «братчиковъ» Запорожцевъ. Между тѣмъ завязалась война съ Турціею, и Запорожцы услышавъ въ своемъ сосѣдствѣ гласъ трубъ и увидя знамена Руси православной, древняго своего отечества, не смотря на принятыя Турками мѣры, въ большомъ числѣ начали уходить изъ своего Коша (1806) и стекаться на лѣвой берегъ Дуная къ генералу Михельсону, главнокомандовавшему арміею, назначенною въ Турцію. Съ Высочайшаго соизволенія Михельсонъ принималъ ихъ въ Русское подданство и опредѣлялъ на службу въ особый отрядъ, подъ команду арміи маіора *Подлѣсецкаго*, которому выданъ былъ на то «открытый листъ», т. е. позволеніе приглашать и принимать на службу тѣхъ изъ находящихся въ Турецкихъ владѣніяхъ Запорожцевъ, которые захотятъ остаться навсегда подъ Русскими знаменами. Такимъ образомъ въ нѣсколько дней собралось до 500 чел. добрыхъ козаковъ, большею

---

[1] Вотъ переводъ одного изъ такихъ тескере или билетовъ: «*Остапъ Миняйло*, росту средняго, по сему билету значущійся, есть изъ Буткальскихъ козаковъ, отпущенъ изъ Гедрелецской проливы (Георгіевскаго гирла Дуная), по указу отъ начальства, по сему билету и съ приложеніемъ печати. Когда находиться будетъ въ крѣпостяхъ и городахъ, гдѣ есть начальники, никто да не принудитъ и не возметъ отъ него податей, въ чемъ и билетъ сей ему данъ 1221 (1805) г.».

частью пѣхоты, которыми вооружена была небольшая гребная флотилія на Дунаѣ, храбро служившая во всю почти кампанію. Главами этого перехода были: Запорожецъ (еще изъ Днѣпровской Сѣчи) *Иванъ Губа* и старшина *Фома Бучинскій*. Узнавъ объ ихъ усердіи и охотѣ, Императоръ Александръ указомъ 20 Февраля 1807 года повелѣлъ: «Формируемый генераломъ Михельсономъ отрядъ назвать *Усть-Дунайскимъ* войскомъ». Это названіе дано въ память ихъ Коша, бывшаго на Портицкомъ устьѣ или гирлѣ Дуная. Они называли себя *Усть-Дунайскимъ-Буджакскимъ* войскомъ и это названіе сохранили на своихъ печатяхъ[1]. По увольненіи Подлѣсецкаго, кошевымъ этого войска назначенъ сперва Иванъ Губа, а послѣ войсковый старшина Фома Бучинскій, и оно столь усердно служило, что Герцогъ Ришелье въ качествѣ командира 13-й пѣхотной дивизіи, при которой оно считалось, рекомендовалъ оное милостивому Монаршему вниманію. Въ 1808 г. оно состояло изъ 16 разной степени старшинъ, 20 куренныхъ атамановъ и 468 козаковъ[2]. Вскорѣ

---

[1] Изображеніе этой печати помѣщено на прилагаемой здѣсь таблицѣ.

[2] Вотъ имена вѣрныхъ старшинъ, которые прежде другихъ возвратились въ Россію и вооружились на ея службу; кошевые: *Иванъ Губа* и *Фома Бучинскій*; эсаулы: *Романъ Цыганка, Печеный* и *Ломака*; писарь *Алексѣй Соколовъ*; хорунжіе: *Виццентій Павловскій, Боровикъ* и *Касьянъ Шереметь*; значковые товарищи: *Климентъ Домбровскій* и *Данило Базилевскій*; сотники: *Димитрій Зайцовъ, Леонтій Кучеръ*,

войско было упразднено, часть чиновниковъ и товарищества отправлена въ Черноморье, куда Ришелье отправилъ ихъ знамя, печати, бунчукъ и пернач «для храненія съ другими клейнотами «бывшаго Запорожья, въ войсковой церкви въ «Екатеринодарѣ». Но большая часть козаковъ осталась въ занятой тогда Бессарабіи. Въ 1810 г. генералъ князь Багратіонъ находившагося при немъ въ охотникахъ хорунжаго *Боровика* съ 55-ю козаками отослалъ изъ Браилова къ Герцогу Ришелье, для отпуска ихъ и причисленія въ Черноморское войско, рекомендуя его какъ человѣка снискавшаго себѣ особенную похвалу. Другіе жили свободно хлѣбопашцами, занявъ въ Буджакѣ пустыя земли, никому не принадлежавшія и по праву завоеванія доставшіяся казнѣ. По окончаніи войны и заключеніи Букарестскаго трактата (1812), оставшіеся чины Усть-Дунайскаго войска водворены въ качествѣ казенныхъ поселянъ на избранныхъ уже ими земляхъ, гдѣ они основали селеніе на рѣч. Саратѣ (впадающей въ оз. Сасикъ), названное по имени Татарскаго урочища ими занятаго *Мангитомъ* или *Акъ-Мангитомъ*.

Дмитрій Половый, Иванъ Кубанецъ, Сидоръ Долгорукъ и *Трофимъ Гайдабуръ*, и куренные атаманы: *Яковъ Яцко, Никита Таранъ, Николай Бѣлый, Христофоръ Кучеръ, Яковъ Фокъ, Михаилъ Соколовъ, Иванъ Шлимько, Федоръ Комаренко, Давидъ Мельниченко, Олекса Таранъ, Грицько Бирченко, Останъ Чернюга, Иванъ Ременный, Иванъ Пушкаренко, Иванъ Тыщенко, Лукьянъ Копусь, Иванъ Чернюга, Василій Миляхинъ, Петръ Шкляревскій* и *Иванъ Шавровскій*.

Съ 1818 г. начали опять являться изъ-за-Дуная Запорожцы, прося причисленія ихъ и другихъ готовыхъ къ тому братій въ Черноморскіе, или другіе козаки, но тогдашнее мѣстное начальство не хотѣло или не могло еще заниматься ими. Только съ 1825 года Новороссійскій генералъ-губернаторъ *Князь Воронцовъ*, получивъ подобныя же просьбы ушедшихъ на лодкахъ подъ видомъ рыболовства Запорожцевъ, приславшихъ нарочно для того депутата своего, значковаго товарища *Ксаверія Чернявскаго*, донесъ объ этомъ Монарху, прося Его соизволенія на пріемъ этихъ людей. Съ Высочайшаго согласія, депутатъ ихъ отпущенъ былъ обратно въ Болгарію съ тоюже цѣлію и вывелъ оттуда болѣе 100 Запорожцевъ, поселившихся въ Бессарабіи и подалъ охоту другимъ сдѣлать тоже, при первомъ удобномъ случаѣ.

Въ 1828 г., когда новая война съ Турками подвинула орлы Русскіе къ Дунаю, жившіе въ Буджакѣ Усть-Дунайскіе козаки (Русско-подданные) просили усильно вооружить ихъ на Царскую службу. Нынѣ благополучно царствующій Монархъ далъ на то свое согласіе и поручилъ ихъ Князю Воронцову. Подъ его руководствомъ полковникъ *Челобитчиковъ* составилъ изъ Буджаковъ, другихъ прибывшихъ за-Дунайскихъ Запорожцевъ и разнаго званія «бурлаковъ» два полка, которые были названы *Дунайскимъ козачьимъ войскомъ*. Одинъ

изъ нихъ конный служилъ во всю почти кампанію, другой занимался содержаніемъ постовъ на кордонахъ. По окончаніи войны славнымъ Адріанопольскимъ трактатомъ, предположено было ихъ поселить или въ Черноморіи или даже вверхъ по Кубани, но послѣ, по проекту князя Воронцова, поселены они тамъ же въ Буджакѣ, т. е. Аккерманскомъ уѣздѣ, гдѣ они устроились уже окончательно. Къ нимъ въ разныя времена присоединилось много другихъ свободныхъ людей, особенно изъ Польской шляхты, такъ что теперь, т. е. въ 15 лѣтъ со времени Адріанопольскаго мира уже находимъ у нихъ 8 слѣдующихъ станицъ:

	муж.	жен.
1. Акмангитъ, самая старая, имѣетъ.	876.	540.
2. Волонтировка	1,230.	924.
3. Старокозачье	1,168.	902.
4. Петровка	78.	70.
5. Михайловка	327.	244.
6. Новотроицкая	170.	137.
7. Константиновка	90.	63.
8. Николаевка	331.	208.
Итого . . .	4,270.	3,088.

об. пол. душъ 7,358,

живущихъ на 63,000 слишкомъ десят. земли.

Въ томъ числѣ служащихъ:

Штабъ-офицеровъ	2.
Оберъ-офицеровъ	20.
Урядниковъ и Унтеръ-офиц.	95.
Козаковъ	1000.

Всего же въ войскѣ, со включеніемъ коронныхъ Цыганъ, къ оному причисленныхъ, 8064 д. Они имѣютъ отличное хозяйство и довольно хорошее скотоводство, т. е. 1,415 лошадей, 5,226 воловъ, 8812 штукъ прочаго рогатаго скота и 11,139 овецъ.

Главная квартира войска и пребываніе наказнаго атамана назначены въ ст. Волонтировкѣ, но до постройки нужныхъ зданій остаются въ Аккерманѣ. Въ войскѣ имѣется 8 школъ, въ которыхъ 270 учащихся обоего пола. Первымъ ихъ атаманомъ былъ заслуженный генералъ-маіоръ *С. Т. Василевскій*, недавно къ общему сожалѣнію умершій, имѣвшій счастіе представлять Государю Императору это юное войско въ 1837 г. и удостоившійся Высочайшаго за то Монаршаго благоволенія себѣ и своимъ козакамъ.

Не смотря на эту съ 1805 по 1828 г. частную, такъ сказать, эмиграцію, главная семья Задунайской козачьей общины все еще оставалась въ Болгаріи. 1828 годъ нашелъ ихъ еще *по неволѣ* «вѣрными Турецкими раіями». Но уже несчастные жили только одною надеждою возвращенія въ отечество. Послѣдними ихъ тамъ кошевыми были: 1) *Иванъ Таранъ*, 2) *Василій Смыкъ*, 3) *Никифоръ Бѣлюга*, 4) *Семенъ Морозъ*, 5) *Игнатъ Стеблевскій*, 6) *Михаилъ Губа*, 7) *Андрей Стрѣльцовъ*, 8) *Василій Чернюга*, и наконецъ 9) *Осипъ Гладкій*. Сей послѣдній спасъ войско отъ лежав-

шаго на немъ болѣе чѣмъ полувѣковаго срама. Ему оно обязано возращеніемъ на родину и тѣми безконечными Царскими милостями, которыми оно теперь пользуется. Объ этомъ послѣднемъ событіи мы должны сказать два слова, дабы окончить пріятнымъ для Запорожья сказаніемъ — о его такъ сказать политическомъ *искупленіи*, — и такъ уже длинную повѣсть нашу.

Осипъ Михайловичъ Гладкій, родомъ изъ Малороссіи, въ молодости еще зашелъ въ Запорожье и въ 1818 г. сдѣланъ атаманомъ куреннымъ въ за-Дунайской Сѣчи. Отличаемый въ своемъ обществѣ и храбростію и умомъ, онъ снискалъ себѣ между товариствомъ большое уваженіе и, по выбору онаго, кошевымъ Василіемъ Чернюгою, съ чиномъ полковника былъ отправленъ въ экспедицію противъ Греческихъ мятежниковъ. Изъ всѣхъ тосковавшихъ по родинѣ добрыхъ козаковъ, Гладкій *журився* больше всѣхъ. Однажды, когда послѣ тяжкой экспедиціи увидѣлъ онъ, что и его команда крѣпко призадумалась, сказалъ онъ ей слѣдующую рѣчь: «Ну братцы, чи хороша наша служба, якъ вы думаете»? — «Да гирка вона», отвѣчали многіе. «Правда ваша, хороша служба: когда насъ бьютъ и мы теряемъ кровь да здоровье за то, чтобъ бѣдные Греки, такіежъ какъ и мы Христіяне, пропадали, а бѣсурманщина торжествовала, такъ намъ и спасиба не скажутъ. Турки тогда говорятъ: «хороши головы, хорошо намъ служатъ»,

да и только. А дурно служите, и отъ товариства достанется и Турокъ еще побьетъ. Вотъ подивитесь на Черноморцивъ: есть такіе, что 3—4 года послужатъ Москалёви, да и офицерами и даже полковниками сдѣланы и земли имѣютъ и деньги есть, да есть и гдѣ деньги прогулять; а мы что? Чортъ знаетъ что». — Долго хранилось молчаніе, пока наконецъ одинъ изъ старыхъ козаковъ не сказалъ ему: «Осипъ Михайловичь! да щожъ будемъ робыты, батьку, колы Турокъ такъ и смотритъ за нами»? — «Вотъ что будемъ робыты, дитки — слухайте только мене, а все будетъ хорошо. Только помните: якъ воротимся въ Сѣчь, такъ старайтесь, чтобъ ни меня и никого изъ васъ не посылали въ походъ, нехай соби кошовый пойде, може хмѣль у него хоть разъ пройде». (Кошевый былъ не много гуляка). Такъ и случилось: когда воротились въ Сѣчь, Турки потребовали, по тогдашнему смутному времени, снаряда большой команды козаковъ въ Силлистрію и Браиловъ. Сговорившіеся всѣ почти въ походѣ бывшіе: *Гладкій*, *Туманевичь*, писарь *Коханенко*, *Смирный*, *Баланъ* и др. добрые козаки и атаманы, то заболѣли, то отлучились, то отговорились, такъ что кошевый хотя самъ не пошелъ въ походъ, послалъ однакожъ многихъ и все такихъ, на коихъ по новости, Гладкій еще не надѣялся. Тогда брошенная имъ искра обратилась въ пламя. Войско дождалось выборовъ, и тогда почти единогласно под-

нявъ Гладкого на руки, провозгласило его кошевымъ атаманомъ. Чернюгу же, еслибы Осипъ Михайловичь не упросилъ, чуть было не убили до смерти. Тогда Гладкій, собравъ на тайную сходку лучшихъ старшинъ и куренныхъ атамановъ, предложилъ имъ свою твердую волю: бѣжать изъ Турціи и предаться Россійскому Государю, на милость котораго всѣ надѣялись, желая заслужить ее всѣми пожертвованіями въ эту кампанію. Когда атаманы согласились, войско уговорить было не трудно. 9 Мая 1828 г. оставя большую часть своихъ пожитковъ въ Сѣчи, оно вооружило 42 лодки, прошло въ море и оттуда чрезъ Килійское гирло въ Дунай и такимъ образомъ достигло Измаила, гдѣ поступило въ карантинную обсервацію. 20 Мая того же года депутаты войска испросили себѣ позволеніе явиться Государю Императору, предводительствовавшему лично Своею побѣдоносною арміею, и имѣвшему тогда главную квартиру въ этомъ городѣ. Получивъ Высочайшее на то соизволеніе, Гладкій повергъ у ногъ Государя свою булаву, саблю и шапку, которую въ знакъ своего достоинства получилъ отъ Порты, а писарь сложилъ всѣ фирманы и ярлыки, которые имъ жаловались отъ Султана и сераскировъ[1]. Монархъ бла-

---

[1] Всѣ ихъ фирманы и грамматы отправлены по Высочайшему повелѣнію въ Петербургъ. Во славу своего возвращенія на родину, чтобъ увѣковѣчить память столь важнаго событія, Азовское войско соорудило въ Покровской своей станицѣ каменную церковь, во имя Св. Николая, праздникъ котораго совершается 9 Мая.

госклонно принялъ Гладкаго и его дружину, пожаловалъ ему золотую медаль на Андреевской лентѣ, а послѣ когда и все войско явилось у ногъ Императора, прося великодушнаго прощенія за себя и за своихъ предковъ, Е. И. В. принялъ ихъ по отечески, назначилъ имъ службу, а Гладкаго пожаловалъ полковникомъ и начальникомъ *Отдѣльнаго Запорожскаго войска* (Указъ 27 Мая 1828). Странное стеченіе судебъ этого войска: 25 Мая 1775 г. выступилъ Текелій для уничтоженія войска и имени Запорожскаго, а чрезъ 53 г.. 27 Мая 1828 г. имя и бытъ войска воскресли на время и на самомъ приличномъ для себя поприщѣ — на полѣ битвы. Храбрая дружина удостоилась немедленно высокой довѣренности; она начала службу свою тѣмъ, что самаго великаго Монарха перевезла на Запорожской лодкѣ чрезъ Дунай, у Сатуновской переправы, подъ ядрами непріятельскихъ пушекъ. Послѣ вмѣстѣ съ другими транспортными судами, на своихъ лодкахъ, перевозили на Турецкій берегъ и армію, слѣдовавшую тогда къ Балканамъ.

Вскорѣ занялись устройствомъ участи и водвореніемъ этихъ сыновъ Руси., охотно и съ Царскими милостями возвращавшихся на лоно отечества. Правительство желало сперва поселить ихъ на лѣвой сторонѣ Кубани, рядомъ съ братьями-Черноморцами, для прикрытія границы со стороны Анапы и горскихъ хищниковъ, но по осмотрѣ мѣстности она оказалась вовсе къ тому

неспособною. Между тѣмъ въ началѣ 1829 года Гладкій пользуясь присутствіемъ Россійскихъ войскъ въ Болгаріи, отправился въ свой за-Дунайскій Кошъ для забранія семействъ женатыхъ козаковъ, имущества и стадъ, и сформировалъ тамъ пѣшій «Запорожскій» полкъ, съ которымъ на лодкахъ служилъ въ командѣ генерала Красовскаго, при осадѣ и взятіи Силлистріи, а послѣ въ томъ же корпусѣ до самаго окончанія кампаніи.

Съ 1830 по 1832 г. происходилъ переходъ и поселеніе Запорожцевъ на дарованныя имъ земли. Высочайшимъ указомъ отъ 5 Августа 1831 года наименованы они *Азовскимъ козачьимъ войскомъ*, и введены во владѣніе землями на-всегда имъ пожалованными, въ количествѣ слишкомъ 74,000 десятинъ. Страннымъ случаемъ мѣсто имъ данное, составляло нѣкогда южную часть Калміуской паланки «Запорожскихъ вольностей», особенно по рѣч. Бердѣ, гдѣ находятся теперь ихъ селенія. Тамъ усѣлись они не рыцарскимъ орденомъ, не толпою безбрачныхъ *молойцовъ*, но настоящимъ военно-земледѣльческимъ обществомъ, хотя духъ рыцарства и военной «охоты» не погасъ въ немъ [1].

---

[1] Вотъ имена сподвижниковъ Гладкаго при переходѣ его изъ Турціи: эсаулъ *Василій Туманевичъ*, писарь *Степанъ Коханенко* и куренные атаманы: *Григорій Смирный*, *Трофимъ Баланъ*, *Василій Федоренко*, *Моисей Католикъ*, *Антонъ Чернюга*, *Василій Бурый*, *Иванъ Чупрына*, *Иванъ Дубина*, *Иванъ Таранъ*, *Павелъ Орелъ*, *Иванъ Оберемокъ*, *Илья Бардашенко*, *Степанъ Чумакъ*, *Андрей Стрѣльцовъ* (бывшій кошевымъ),

Въ 1830 г. при переходѣ въ Россію, Гладкій велъ съ собою 346 семействъ, въ коихъ считалось 716 душъ муж. п. и 668 ж. п., 374 «бурлака», а 577 козаковъ, оставалось на службѣ при арміи на своихъ лодкахъ. Большія стада лошадей, скота и овецъ гнали они предъ собою и цѣлыя сотни Татарскихъ кибитокъ слѣдовали за войскомъ [1]. Въ немъ были еще два-три старика, которые участвовали въ войнѣ 1770 годовъ и видѣли «своими глазами» паденіе Сѣчи на р. Подпольной. Съ какимъ чувствомъ ступили они на свою обѣтованную землю, такъ близкую отъ своихъ завѣтныхъ «стародавнихъ вольностей» !!

Теперь Азовское козачье войско приняло видъ самой благоустроенной военной общины, пользующейся даже возможнымъ земледѣльческимъ благосостояніемъ. Въ теченіи 12-ти минувшихъ лѣтъ оно устроило четыре станицы или села, слѣдующихъ наименованій:

Петръ Заика, Григорій Чернюга, Антонъ Бартовскій, Иванъ Калакай, Иванъ Кожухаръ, Григорій Таранъ, Якимъ Середа, Никифоръ Чалый и *Петро Рудый.*

[1] Осенью 1830 г. приближаясь къ Коренилской переправѣ, я видѣлъ надъ Бугомъ ожидающій дубовъ таборъ этого Запорожскаго войска, когда оно слѣдовало на свои земли. Эти мѣста, нѣкогда для нихъ столько знакомыя (въ походахъ 1769—1772), теперь въ ихъ отсутствіе изъ отечества, изъ пустыни превратились въ богатую область; все вокругъ ихъ измѣнилось, только они возвращались на родину такимижъ какъ и отправились «выходцями-бурлаками».

	муж.	жен.
1. Петровская, въ которой	778.	708.
2. Никольская	1,430.	1,339.
3. Новоспасовская	1,452.	1,451.
4. Покровская........	693.	621.
5. Стародубовская.....	379.	370.
	4,732.	4,489.

Всего народонаселенія 9,260 д., но въ томъ числѣ есть уже болѣе половины людей не-Запорожскаго происхожденія. Они расположены въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ. между рѣчками: Бердою и Обыточною и Азовскимъ моремъ. Главная квартира войска и мѣстопребываніе наказнаго атамана Г. М. Гладкаго въ ст. Петровской, т. е. крѣпости Св Петра, на устьѣ Берды, построенной въ 1770 году. Въ немъ считается 1 генералъ, штабъ-офицеровъ 4, офицеровъ 35, урядниковъ 123. Ежегодно отправляютъ они на 20-ти лодкахъ команду, имѣющую двухъ штабъ-офицеровъ, 21 офицеровъ, 23 урядниковъ и 385 козаковъ въ Кавказскій корпусъ, для крейсированія на восточныхъ берегахъ Чернаго моря. ихъ безпрестанные военные подвиги доказываютъ, что не смотря на перемѣну имени, одежды и даже мѣста жительства, духъ «славнаго Запорожья» — «добраго брацтва, козачества» — духъ Сулимы, Павлюка, Наливайки, Сѣрка и др. не угасъ въ ихъ сердцахъ, и всегда съ тѣмъ же оружіемъ, на тѣхъ же степяхъ, и на томъ же Чер-

номъ морѣ готовы они съ честью и славою сражаться за свое отечество. Въ 1844 и 1845 годахъ командовали этими отрядами подполковники *Антонъ Дьяченко* и *Яковъ Бараховичъ*, и не разъ удостоились Монаршей благодарности.

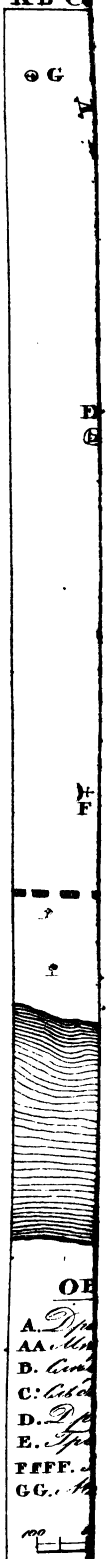
Таковы были судьбы Запорожской общины отъ основанія Новой-Сѣчи, «да и прежде», до ея «атакованія», «да и послѣ»; — говоря языкомъ грамматъ и пѣсень Запорожскихъ. Мы сказали все что знали; пусть другіе болѣе опытные дополнятъ или исправятъ простую повѣсть нашу.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Прежде нежели было окончено настоящее сказаніе о судьбѣ Запорожья въ его *четвертомъ* и послѣднемъ Русскомъ Кошѣ, я рѣшился посѣтить тѣ мѣста, гдѣ жило и подвизалось это знаменитое «Низовое» козачество, чтобы исправить на мѣстѣ многія географическія погрѣшности, сдѣланныя мною при первомъ изданіи этой книги и чтобы взглянуть на эту нѣкогда столь заманчивую для Русскаго народа «Палестину». Я думаю, что и читателямъ нашимъ интересно будетъ узнать, что сталось съ этою Сѣчью и что осталось отъ Запорожскихъ Кошей на Чертомлыкѣ, Каменкѣ и Подпольной. Результатъ поѣздки моей, къ несчастію весьма краткой, предлагаю въ видѣ эпилога къ нашей « Исторіи Новой-Сѣчи ».

24 Іюня 1845 г. въ понедѣльникъ, пробравшись чрезъ болота и рытвины, оставшіяся послѣ неслыханнаго наводненія Днѣпра, я живо проскакалъ 10-ти-верстное пространство, отдѣлявшее

Къ С

м. Нововоронцовку отъ с. Грушевки, и подъ вечеръ прибылъ въ это село, построенное уже на выгонѣ, такъ сказать, бывшей Новой-Сѣчи. Рѣчка Базавлукъ бѣжитъ у самаго селенія и отдѣляетъ Херсонскую губернію отъ Екатеринославской, а во времена Запорожья отдѣляла Кодацкую отъ Ингульской паланки. Какъ будто нарочно, въ воспоминаніе буйнаго неукротимаго духа Запорожья, ужасный ураганъ захватилъ насъ при самомъ въѣздѣ въ это селеніе, — такъ внезапно и съ такою силою, — что мы опасались ежеминутно или разрушенія деревни или вторичнаго наводненія. Базавлукъ, обыкновенно самая тихая и скромная рѣчка, превратившись въ огромное рѣчище (озеро), бушевалъ какъ временщикъ въ богатомъ кафтанѣ. Волны его далеко хлестали на берегъ, унося разрушенныя ими прежде избы и пни вырванныхъ съ корня деревьевъ; въ воздухѣ вились древесныя вѣтки, соломенныя крыши и цѣлыя тучи песку. Напуганныя лошади, хотя и дѣтки степей, стояли какъ окаменѣлыя, пока ураганъ не промчался, и пока этотъ прекрасный край не принялъ своего обыкновеннаго вида.

Селеніе представляло на всякомъ шагу слѣды ужаснаго разрушенія; особенно та часть, которая была поближе къ рѣчкѣ, похожа была на пепелище послѣ пожара. Господской дворъ и 159 другихъ строеній и поселянскихъ избъ были подмыты, разрыты и частью совершенно унесены водою,

поднявшеюся болѣе чѣмъ на 7 аршинъ выше своего обыкновеннаго уровня. Среди такого разрушенія, въ обломкахъ какой то на скоро прибранной избы, едва высохшей отъ наводненія, нашелъ я г. *Карла Зоммера*, главнаго управителя имѣнія барона Штиглица и М. И. *Максимова*, его повѣреннаго. Они, вполнѣ достойные представители своего почтеннаго помѣщика, приняли меня съ Германскою вѣжливостію и Русскимъ радушіемъ. Вполнѣ уважая цѣль моей поѣздки, они, какъ хозяева въ этомъ центрѣ Запорожья, охотно вызвались проводить меня въ обѣ Сѣчи, принадлежащія теперь барону Штиглицу: первая, т. е. *Старая* или Польскаго Коша, подъ названіемъ *Капуловки*, вторая или *Новая*, исторію которой мы начертали выше, подъ названіемъ *Покровскаго*. Оба селенія вмѣстѣ съ бывшею *Крымскою-Каменкою, Рогачикомъ*, *Бѣлозеркою* и 100,000 дес. степи, плавней, лѣсковъ и острововъ, бароны Николай и Лудвигъ Штиглицы купили у вдовы бывшаго генералъ-прокурора, столько разъ нами упомянутаго, князя Вяземскаго. Эти земли были ему пожалованы Императрицею Екатериною II, вскорѣ послѣ разрушенія Запорожья.

Въ Грушевкѣ не было никогда Запорожскаго селенія, но по Базавлуку отъ устья до вершины были зимовники старшинъ и козаковъ. Памятникомъ ихъ пребыванія въ здѣшнихъ мѣстахъ, служитъ сохранившійся здѣсь во всей почти цѣлости

могильный крестъ, высѣченный изъ твердаго бѣлаго камня, гладко обдѣланнаго, съ слѣдующею на немъ легендою:

И. Н. Ц. И.

«Здѣ опо чива рабъ

Божій Се менъ Бѣлый

Козакъ войска За порожскаго куреня

Коренивскаго. Пре ставися року 1762

Мѣсяца Генваря»....

Поселяне питаютъ къ этой могилѣ большое уваженіе, отъ того гг. управляющіе смотрятъ за ея цѣлостію. Когда наводненіе сдѣлалось столь сильно, что достигло до нея, поселяне сняли крестъ, спрятали его въ сухомъ мѣстѣ, и когда вода опала, поставили его на прежнемъ каменномъ подножіи.

Чтобы сократить путь и сдѣлать его пріятнымъ въ столь знойное время, когда жаръ въ тѣни доходилъ до 28° Реом., мнѣ предложили ѣхать водою, что легко было сдѣлать: рѣчище Базавлукъ покрыло степь верстъ на 15 въ ширину. И такъ, 25 Іюня въ самое прекрасное утро сѣлъ я въ истинно-Запорожскій *моноксилъ* (дубъ), управляемый мастерски старымъ Днѣпровскимъ лоцманомъ и 4-мя гребцами. Такъ достигли мы до

главной трубы Базавлука и вышли на Екатеринославскій берегъ его въ томъ мѣстѣ, гдѣ начинается одинъ изъ рукавовъ Днѣпра, называемый рѣч. Подпольною. Дорога, по которой мы тогда пустились въ экипажѣ, была та самая, которая шла во время Запорожья отъ моста на р. Солоной впадающей вблизи оттуда въ Базавлукъ и по которому обыкновенно, какъ сказали мы не разъ, возвращалось торжественно войско Низовое «на домъ», по окончаніи кампаніи. Такъ мы вскорѣ достигли самаго селенія Покровскаго, расположеннаго по всему теченію Подпольной, и я убѣдился, что «Новая-Сѣчь» точно составляла родъ полуострова, какъ это упоминалось въ грамматахъ, бывъ окружена съ 3-хъ сторонъ этою рѣчкою, впадающею съ одного конца въ Днѣпръ, съ другаго въ Базавлукъ. Но и это; впаденіе въ Днѣпръ имѣетъ свое названіе,— его зовутъ рѣч. *Сысиною* или Лысиною; онъ весьма глубокъ, и служилъ фарватеромъ Запорожскимъ лодкамъ для прохода въ Днѣпръ и слѣдственно въ Черное море. Съ одной только стороны, именно той, отъ которой мы подвигались къ селенію, Сѣчь была доступна съ суши и тутъ устроены были ихъ простыя землянныя укрѣпленія, которыя они называли *раскатами* или *окопами*.

Настоящее селеніе тянулось уже довольно правильно съ полъ-версты, а еще мы не видѣли ничего, чтобы могло воображенію, напитанному

историческими воспоминаніями о Запорожьи, указать такое близкое сосѣдство знаменитаго его Коша или Сѣчи. Вскорѣ показалась вершина довольно хорошей каменной церкви. «Знаете ли, сказалъ мнѣ г. Максимовъ, какъ зовутъ эту часть селенія, по которой мы теперь ѣдемъ? Ее зовутъ *Шанбашъ*; это вѣроятно упомянутое въ вашей книгѣ *Гассанъ Баша*, предмѣстье Сѣчи, которое козаки и прежде называли *Шамъ-башею*, а поселяне наши передѣлали его въ Шамбашъ». Земля изрытая, закиданная обломками кирпича, камнями, съ курганами безъ симметріи лежащими, доказала, что мы стояли на мѣстѣ *Крамнаго-базара*, описаннаго нами въ I-й части настоящей книги, въ главѣ о «Запорожской торговлѣ». Показался валъ и ровъ, засыпанный пескомъ, упиравшійся обоими концами съ запада и востока въ дугу рѣч. Подпольной. Здѣсь начинался собственно Кошъ и въ него вели ворота, слѣды которыхъ видны доселѣ, именно тѣ самыя, о которыхъ говоритъ Калнишевскій въ письмѣ своемъ къ судьѣ Николаю Тимофѣевичу, приведенномъ нами выше (часть III глава II стр. 86). Здѣсь была и башня съ пушками, изъ которыхъ приказывалъ онъ стрѣлять при торжественномъ вступленіи войска въ Сѣчь. Слѣды двухъ другихъ башень видны гораздо явственнѣе.

Какъ бы передовымъ стражемъ на дорогѣ въ «Сѣчь-маты» Запорожья, на довольно возвышенномъ курганѣ, стоитъ весьма замѣчательный могиль-

ный крестъ, совершенно такой же отдѣлки, наружности и камня, какъ находящійся въ Грушевкѣ съ слѣдующею на немъ надписью:

И. Н. Ц. И.
« Здѣ поставленъ
крестъ
Благородію Его Панства Степана атамана бувшаго кошеваго, а куреня Минскаго. Но онъ положенъ
есть подъ
церквою
пресвятой Богородицы.
Преставися року 17»...
....

остальныхъ буквъ вовсе не видно. И такъ этотъ простой крестъ есть могильный памятникъ одного изъ начальниковъ Запорожья, кошеваго *Стефана Гладкаго*, о которомъ знаемъ только то, что онъ былъ атаманомъ въ 1741 г. и отцемъ другаго атамана *Данила Стефановича* (Гладкаго). Какъ зашелъ такъ далеко отъ церкви этотъ камень, скажемъ ниже.

За валомъ все селеніе до самой рѣки, за исключеніемъ западной части, особымъ рвомъ и валомъ отдѣленной, называется въ народѣ *городомъ* или *городкомъ*. О живущихъ здѣсь людяхъ поселяне говорятъ, что они живутъ «на городѣ» (na grodzie) или «въ городку». Извѣстно, что что и у Русскихъ и у Поляковъ gród и городокъ значилъ крѣпость или цитадель города, а у Поляковъ еще и судилище, преимущественно уголовное, старостинское. Этотъ «городъ» былъ уже собственно Кошъ, Сѣчь, то, что Текелій въ своемъ рапортѣ назвалъ «укрѣпленіемъ Кошей». Курени тянулись здѣсь во всю длину вала, составляя родъ лучей, центромъ коихъ была церковная площадь, отдѣлявшаяся еще особымъ укрѣпленіемъ, которое проходило почти у самой церкви и упиралось тоже на р. Подпольной. На западной же сторонѣ «города» было особое укрѣпленіе, называвшееся «Новосѣченскимъ ретраншаментомъ», которое видно доселѣ очень хорошо (на планѣ Новой-Сѣчи, лит. Е) и у народа преимущественно именуется *окопомъ*. Та же часть, гдѣ находится церковь, составляла *паланку*, т. е. пребываніе старшины, мѣсто, гдѣ хранилась казна, канцелярія и пр. [1]. У самой подошвы этого

---

[1] Это легко видѣть на приложенномъ нами планѣ Новой-Сѣчи, снятомъ на мѣстѣ стараніемъ главноуправляющаго имѣніемъ Штиглица въ здѣшнемъ краѣ г. Зоммера, которому еще разъ приносимъ покорнѣйшую благодарность.

церковнаго, такъ-сказать, окопа, виденъ полуобмелевшій заливъ, со всехъ сторонъ закрытый лесными островами, который называется *уступомъ;* некогда, какъ видно, онъ былъ укрепленъ сваями отъ обваловъ со всемъ гидротехническимъ искуствомъ. Это бывшая Запорожская гавань, где стояли ихъ лодки и куда входили иностранныя суда, подымавшіяся съ моря. Здесь они были въ совершенной безопасности отъ ветровъ, а Сечь не боялась измены со стороны ихъ экипажа, ибо входъ въ Подпольную не легко было выучить, а вошедши въ нее, суда уже стояли подъ самыми пушками, укреплявшими платформу церковной колокольни. Съ востока этотъ уступъ окружаетъ самый очаровательный и, не смотря на зной, бархатною зеленью одетый островъ. Вокругъ видны были обломки якорей, снастей, торчали железныя кольца для канатовъ, только судовъ не было, да и вода «сплыла», какъ говорятъ поселяне.

Старой Покровской церкви, оконченной въ 1740-хъ г. уже нетъ, она была деревянная. Запорожцы не успели совершить своего благочестиваго намеренія, о которомъ писалъ кошевый въ 1771 г. (глав. IV стр. 130), чтобы древнія мечети, мраморъ и кирпичь въ земле зарытыя, употребить на постройку храма «по окончаніи войны». Запорожье и само скончалось, а церковь не только не была вновь выстроена, но еще и старую разгра-

били[1]. Теперь она уже сломана и мѣсто ея престола указываетъ родъ монумента, приличный этому мѣсту, сложенный изъ камней, обломковъ прежней Сѣчи, съ желѣзнымъ крестомъ на верху и дощечкою, на которой написано, что этотъ памятникъ воздвигнутъ усердіемъ какого-то *Булгара*, бѣднаго, но благочестиваго и усерднаго къ святынѣ поселянина.

Вскорѣ вокругъ насъ собрались старики, сѣдые какъ лунь, на костыляхъ и бодрые, и смотрѣли на меня съ какою то недовѣрчивостію. «Чого вы шукаете, пане»? — «Запорожцивъ, дидуню», сказалъ я. «На що вамъ Запорожци? отвѣчалъ онъ со вздохомъ, ихъ вже нема на свити, да и николы не буде, що ихъ и шукать». — «Они не пропали дидуню, чижь ты не знаешь письни, що

«Слава козацька николы не згине».

Эта ученая цитата такъ убѣдила стариковъ, что они охотно пустились въ разсказы и въ полнотѣ чувствъ *признались*, что они «мабуть (быть можетъ) и сами знали Запорожцевъ, — а може мы и слуги ихъ, чи що». И такъ вотъ первое откры-

---

[1] Жившій еще въ 1839 г. Никопольскій мѣщанинъ *Михаилъ Решетнякъ*, бывшій Сѣчевый козакъ еще при Императрицѣ Елисаветѣ, расказывалъ, что онъ самъ видѣлъ, какъ Калмыки, Донцы и солдаты, (безъ вѣдома Начальства) обдирали церковь, топоромъ обрубая Царскія врата и срывая золотыя медали и *vota* козачества. Это подтверждается и пѣснею гдѣ сказано :

«Пишли Донци живитися ...... и пр.

тіе: въ с. Покровскомъ осталось еще двѣ, три семьи бывшаго *подданства* Запорожскаго, и изъ столь знатнаго класса людей былъ мой ораторъ, называвшійся *Вышкварокъ* по причинѣ своего малаго роста[1]. Его веселое лицо, его улыбка на тонкихъ губахъ и живые черные глаза, при совершенно сѣдыхъ волосахъ, бородѣ и бровяхъ, представляли намъ чистый неподдѣльный типъ за-Днѣпровскаго Украинца, т. е. обитателя степей нашихъ, а правду сказать эти типы исчезаютъ и постепенно « москалятся », какъ говоритъ народъ, т. е. образуясь дѣлаются сходными съ Великороссіянами. Г. Зоммеръ еще болѣе поощрилъ его сказавъ, что и *Панъ* ихъ г. Штиглицъ будетъ радъ, когда онъ мнѣ — путешественнику раскажетъ про бывшую Сѣчь. Тогда-то Вышкварокъ призвавъ въ помощь церковнаго « дида » (сторожа) указывалъ намъ свои « достопамятности », все таки не говоря утвердительно, а съ приговоркою « мабуть », т. е. быть можетъ.

По словамъ его Запорожская Покровская церковь была сперва походная, т. е. палатка изъ складныхъ ширмъ. Но послѣ, по благословенію Кіевскаго митрополита, построили другую деревяннную о 5 главахъ; престоловъ было два: одинъ главный внизу, во имя С. Покрова Богоматери

---

[1] Свиное сало, разрѣзанное на кусочки и изжаренное называется *шкварка*, а большой кусокъ такъ стопленный, что остается одна кожа — *вышкварокъ*.

«якъ завше бувало», а другой на хорахъ, во имя Св. Чудотворца Николая, покровителя, какъ извѣстно, мореходовъ, воиновъ и лодочниковъ. Въ церкви царскія врата были серебрянныя, да и весь иконостасъ богатой Кіевской живописи, унизанъ былъ серебрянными окладами, паникадилами и *жертвами* (vota). По обычаю Польскому, мореходцы, раненные, больные или воины имѣли обычай дѣлать обѣты и въ случаѣ спасенія отъ опасности, удачи или выздоровленія, приносили въ даръ церкви и вѣшали на ленточкахъ: серебренные крестики, сердца, руки, ноги, бляшки съ изображеніями святыхъ, даже чарки и сосуды. Такъ я видѣлъ въ Никопольской церкви одинъ серебренный сосудъ изъ Прусскихъ и Польскихъ талеровъ, въ другой — серебренный стаканъ съ Польскими медалями и Латинскою надписью: «Domine salvum ſac regem». Всякій умирающій козакъ, если имѣлъ на себѣ иконку, крестикъ, или былъ жалованъ значкомъ или царскою медалью, непремѣнно отписывалъ все это на церковь и послѣ его смерти, его атаманъ или *хлопецъ*, т. е. вѣрный слуга, вѣшалъ оные на иконостасѣ у избранной умершимъ иконы. На *цментарѣ* (кладбищѣ), т. е. церковной площади, гдѣ собиралась «рада», (къ крайнему удивленію нашему весьма необширной), были гробницы кошевыхъ съ «капличками» (часовнями), т. е. каменными или деревянными крышками на столбикахъ, или же про-

стые кресты съ приличными надписями, какъ мы это видѣли при входѣ въ Сѣчь. Но тѣла ихъ опочивали подъ спудомъ церковнымъ, въ особомъ склепѣ, къ которому уже нѣтъ теперь хода или же поселяне его скрываютъ. Они говорятъ, что послѣ атакованія Сѣчи, Текелій приказавъ коменданту, по прозванію *Нора* (подполков. Норову), чтобъ и «духу Запорожскаго тамъ не осталось», сей послѣдній сломалъ все, что можно было сломать, такъ что не только курени, домы, но даже «каплички» и могильные кресты не уцѣлѣли. Оставшіеся еще на мѣстѣ жители, большею частію слуги Запорожскіе, съ благоговѣніемъ развезли что могли въ разныя части края, а два-три домика, бывшіе на площади, были куплены и уцѣлѣли донынѣ. Такъ уцѣлѣлъ и крестъ кошеваго *Стефана Гладкаго*, единственный изъ памятниковъ атаманскихъ. Говорятъ также, что подрядчики, присланные княземъ Вяземскимъ, не находя подъ рукою камня на фундаменты, ломали тоже эти кресты и часовни для постройки магазина, доселѣ существующаго, чему были еще живые свидѣтели.

Новая Покровская церковь, на той же площади построенная, весьма скромной наружности, обведена оградою изъ камня, оставшагося отъ прежнихъ строеній. Входъ чрезъ колокольню деревянную, тоже новую, хотя уже довольно ветхую. Когда мы вошли въ этотъ храмъ, я съ истиннымъ благоговѣніемъ и усердіемъ молился въ столь за-

мѣчательной для православія святынѣ, какъ церковь войска Запорожскаго, которое столько крови за нее пролило. Но къ сожалѣнію и въ самой церкви, мало или почти ничего отъ *Новой-Сѣчи* не осталось. Прежній иконостасъ, великолѣпной рѣзной, весьма изящной работы съ иконами Кіевской на Италіанскій манеръ живописи, снятъ и лежитъ на хорахъ, гдѣ также нашли мы остатки хоругвей, паникадилъ, лампадъ, флорессовъ, украшеній и пр. Сопровождавшіе насъ старики говорятъ, что уже въ 1780 годахъ прежняя церковь была совершенно обнажена, какъ они это помнятъ хорошо, ходивши туда говѣть ежегодно въ своей молодости, хотя и жили далеко отъ Покровска. Г. Максимовъ указалъ мнѣ на правомъ крылосѣ четыре *мѣста* деревянныя, грубой рѣзной работы и живописи, уцѣлѣвшія отъ прежнихъ временъ, у которыхъ кошевой и три главные старшины (судья, писарь и эсаулъ), обыкновенно люди пожилыхъ лѣтъ, слушали Божественную литургію[1]. Старики говорятъ, что на эктеніи послѣ молитвъ за здравіе Государя и Императорской фамиліи, упоминали кошеваго по имени, а старшинъ войсковыхъ міромъ; когда же читалось Евангеліе, то все войско вынимало сабли до половины, въ знакъ готовности защищать церковь и словомъ и дѣломъ, т. е. ору-

---

[1] Изображеніе этихъ *мѣстъ*, помѣщено на прилагаемомъ къ этому очерку планѣ Старой-Сѣчи, въ с. Капуловкѣ.

жіемъ. Настоятель церкви, одѣвшись въ ризы, показалъ намъ антиминсъ, лежавшій на престолѣ, и данный въ Сѣчевую Покровскую церковь, по благословенію архіепископа — митрополита Кіевскаго *Тимоѳея Щербацкаго* 6 Февраля 1754 г., при кошевомъ *Якимѣ Игнатовичѣ*. На книгѣ Евангелій, читаемыхъ обыкновенно въ страстную седмицу великаго поста, находится слѣдующая надпись:

«Лавры Кіевопечерскія архимандритъ *Романъ Копа* «высокопочтенному его милости Пану *Іоанну Малашевичу*, войска Запорожскаго Низоваго Кошевому, сію «страданій Христовыхъ Евангельскую книгу въ даръ «приноситъ».

Вотъ единственный слѣдъ этого достославнаго предводителя козаковъ Запорожскихъ, возвратившаго ихъ на родину, извлекшаго ихъ изъ Алешковскаго порабощенія и основателя этой же Новой-Сѣчи и этого храма Божія, которые мы теперь посѣщали. Никто не знаетъ, ни гдѣ почили его кости, ни куда дѣвался его крестъ могильный. Другая любопытная книга церковная есть *Ірмолой рукописный*, т. е. собраніе священныхъ гимновъ съ нотами, украшенный самыми удивительными, въ родѣ манускриптовъ среднихъ вѣковъ, фигурами, флорессами и изображеніями людей и животныхъ. Видно, что она была въ безпрестанномъ употребленіи — такъ истерта, что весьма естественно, судя по страсти Запорожцевъ

къ церковному пѣнію. На ея листахъ нашли мы нѣсколько замѣтокъ, сдѣланныхъ вѣроятно настоятелями Покровской церкви. Вотъ двѣ болѣе любопытныя: 1) «1763 г. мѣсяца Ноября противъ «9 числа, была буря крѣпко сильна, что и верхи «Сѣчевой церкви посвертало». 2) «1792 г. на «Кубани Запорожцы сѣдали». Не такъ ли начинались всѣ лѣтописи въ Европѣ, когда на Евангеліяхъ и мисселяхъ, записывались важнѣйшіе историческіе или фамильные акты?

Вышедъ на площадь, старики показали намъ на груды золы, камня, кирпича и при нихъ полузасыпанныя ямы. Это была «паланка», т. е. мѣсто, гдѣ стояли «дворцы войсковые», просто домики кошевыхъ или старшины. Желаете ли знать, что такое эти «дворцы»? — вотъ вамъ два примѣра. Одинъ домъ принадлежитъ теперь поселянину *Обдуленкѣ* (вѣроятно сыну козака Корениvскаго куреня Ивана Обдуленка). Онъ очень малъ и совершенно похожъ на добрую избу Кіевскаго поселянина, прочно и правильно построенъ изъ грушеваго или дубоваго лѣсу и выбѣленъ глиною. Внутри дѣлится на двѣ половины съ чуланчиками по сторонамъ. Въ главной избѣ безъ полу, на большомъ сволокѣ изъ осокороваго дерева, составляющаго и поддержку всей крыши и главное украшеніе дома, прекрасными полу-славянскими буквами вырѣзана слѣдующая надпись, раздѣленная по срединѣ изображеніемъ креста:

«Божіимъ соизволе ніемъ и помощью,
а стараніемъ Якима Игнатовича
товарища куреня Выше Стеблевскаго
созданъ домъ сей 1746 г. м. Іюня 6 д.».

Слѣдственно эта бѣдная изба была достояніемъ и жилищемъ столь отличнаго и храбраго кошеваго атамана Якима Игнатовича, который правилъ войскомъ въ 1744, 1749, 1751 и 1752 годахъ. Видно жизнь козачества была проста и скромна, когда кошевые могли довольствоваться такими домиками. Въ самой надписи на сволокѣ видно ихъ смиреніе: Игнатовичь строивъ избу свою въ годъ когда не былъ атаманомъ, не назвалъ себя по обычаю старшиною войсковымъ, ниже «бывшимъ кошевымъ», а просто *товарищемъ* своего куреня. Этого равенства требовала строгая «козацькая регула». Такіе домы обыкновенно покупались готовые въ Чигринскихъ или Лебединскомъ лѣсахъ и разобранные перевозились съ мѣста на мѣсто; лѣсъ такъ хорошъ и срубленъ такъ прочно, что этому домику уже сто лѣтъ, а онъ столь еще крѣпокъ, что желательно, дабы наши каменные и кирпичные домы по городамъ, были имъ подобны въ этомъ отношеніи.

Другой такой домъ принадлежитъ теперь поселянину *Марку Рукавишному*. Вошедъ въ избу мы

нашли въ ней сидящую на скамьѣ старуху почти глухую и слѣпую. Машинально пряла она шерсть, припѣвая самымъ заунывнымъ голосомъ какую-то погребальную думу. Оказалось, что она поетъ одну рыцарьскую пѣснь Черноморцевъ уже нѣсколько лѣтъ сряду:

« Ой крикнули та лебедочки
Море переплывши;
Заплакалы Черноморцы
Кони погубивши ».

Поселяне кое-какъ вразумили ее о нашемъ желаніи и получивъ въ отвѣтъ « нехай соби дывляца »; — разсказали мнѣ, что она еще « соби дивка » (т. е. наслаждается дѣвствомъ), что ея отецъ былъ изъ *подданства* Запорожскаго, и когда продавались на сломку « дворцы » Сѣчевые, онъ изъ благоговѣнія купилъ этотъ домикъ и жилъ въ немъ до смерти, оставивъ его въ наслѣдство дочери. Домъ такой же формы и величины какъ и предъидущій, а на сволокѣ по обѣимъ сторонамъ отлично вырѣзаннаго креста слѣдующая надпись:

« Благословеніемъ Отца и изволеніемъ Сына и со-
« дѣйствіемъ Св. Духа аминь: а коштомъ Пана Василія
« Григорьевича знатнаго товарища куреня Минскаго
« создася домъ сей 1747 года мѣсяца Августа 13.

Слѣдственно, судя по куреннымъ реестрамъ, этотъ домъ былъ жилищемъ и собственностію *Василія Григорьевича* или *Григорьева,* по прозванію

Сыча, бывшаго три раза кошевымъ въ 1745, 1746, и 1750 г., а въ 1749 г. — если вспомнятъ читатели, онъ былъ первымъ депутатомъ со стороны Коша въ пограничной коммисіи, учрежденной близъ Никитина (Никополя) между Татарами и Запорожцами.

Третій такой домъ, перевезенный тоже изъ Сѣчи, находится теперь въ Никополѣ и принадлежитъ купчихѣ *Татьянѣ Шмигайловой*. На сволокѣ его вырѣзана слѣдующая надпись:

«Изволеніемъ Бога Отца и Искупителя Іисусъ Христа и совершеніемъ Святаго Духа аминь. Созданъ домъ сей стараніемъ *Максима Калниболоцкаго* 1746 году Іюня»....

Кто былъ строитель этого дома, узнать трудно. По куреннымъ реестрамъ Калниболотскаго куреня, три было козака съ именемъ *Максима* и одинъ, называвшійся по куреню *Калниболоцкимъ* же, былъ шафаремъ Никитинскаго перевоза.

На дворѣ дома Покровскаго поселянина *Забутнаго* показывали мнѣ старики мѣсто погреба, въ которомъ была войсковая *пушкарня* (планъ Новой-Сѣчи лит. К.). По сказанію очевидцевъ это былъ обширный подвалъ, гдѣ хранилась войсковая «армата» т. е. пушки, ружья, боевая аммуниція и запасное оружіе, и гдѣ помѣщался секвестръ, т. е. войсковая тюрьма. Тамъ-то прикованный къ пушкѣ преступникъ ожидалъ своей горь-

кой участи. На этомъ же мѣстѣ былъ *стовбъ*, т. е. позорное мѣсто (по Польски pręgierz) гдѣ выставляли виновнаго на позоръ народный[1].

Отсюда отправились мы на бывшее Сѣчевое кладбище, лежащее къ сѣверу отъ Гассанъ-Баши или предмѣстья (лит. Н.), на которомъ уцѣлѣло только съ десятокъ кургановъ и могильныхъ крестовъ, большею частію изломанныхъ, съ истертыми надписями, такъ что мы на двухъ только могли прочитать нѣсколько словъ. На одномъ:

«Здѣсь опочиваетъ рабъ Божій *Онисько*[2] *Пѣсъ* куреня Сергѣевскаго куренный атаманъ. Преставися року 1770 мѣсяца Февраля».

На другомъ крестѣ осталось одно только слово: «Іоаннъ». Ужь не Малашевича ли это гробъ, ибо другая сторона креста прекрасно изсѣчена и разукрашена. Форма и величина креста постоянно таже, что и Грушевскаго памятника.

Здѣсь простились мы съ Новою-Сѣчью и *Вышкваркомъ* и, провожаемые добрымъ моимъ спутникомъ М. И. Максимовымъ (г. Зоммеръ

---

[1] Близъ этого дома въ 1845 г. поселяне отрыли кладъ Запорожскій, т. е. мѣшокъ изъ зеленаго сукна съ нѣсколькими тысячами серебренныхъ Крымскихъ *пара*. По нѣсколькимъ экземплярамъ, видѣннымъ Гг. Григорьевымъ и Негри, оказалось, что они почти всѣ биты въ Бакчисараѣ при Ханахъ: Мухамедъ-Гиреѣ III (1623), Хаджи-Селимъ-Гиреѣ I (1670), Саадетъ-Гиреѣ (1691), Девлетъ-Гиреѣ (1698), Менгли-Гиреѣ II (1724), Капланъ-Гиреѣ I (1713) и Арсланъ-Гиреѣ (1748).

[2] Въ куренныхъ реестрахъ онъ названъ *Максимомъ*.

долженъ былъ по службѣ спѣшить домой), пустились мы параллельно съ рѣч. Подпольною и, проѣхавъ не болѣе 7 верстъ, очутились въ с. Капуловкѣ на устьи рѣч. Чертомлыка, чрезъ одинъ рукавъ котораго — р. Каменку, мрачную своими скалами, я переправился на канунѣ съ страхомъ по поламъ. Здѣсь была та знаменитая Сѣчь, которая называется «*Старою*», и быть можетъ, это самая древняя и первобытная усадьба Запорожской общины. Она основана, какъ кажется, еще въ началѣ XVI столѣтія, но мы объ ней рѣшительно ничего не знаемъ; даже достопочтенный Бантышъ-Каменскій не говоритъ ни о ея постройкѣ ни о ея паденіи. Поселяне зовутъ ее *Галагановскою - Сѣчью*, въ память того подвига, который совершилъ Малороссійскій полковникъ Галаганъ, столь же усердно *атаковавшій* «Старую-Сѣчь» въ 1709, какъ Текелій «Новую» въ 1775. Селеніе Капуловка имѣетъ мѣстность во многомъ сходную съ Покровскимъ и расположена при сліяніи рѣч. Чертомлыка съ Подпольною близъ впаденія сей послѣдней въ рукавъ Днѣпра. Одинъ рукавъ, соединяющій эту знаменитую рѣку съ Чертомлыкомъ и Подпольною, весьма глубокій и широкій, скрытый между деревьями плавней и островов, который вѣроятно служилъ козакамъ для проходу въ Днѣпръ и слѣдственно въ море, называется доселѣ рѣч. *Павлюкомъ*. Это имя есть уже историческое урочище, ибо едва ли не кошевой *Павлюкъ* былъ основателемъ этой древ-

нѣйшей Сѣчи, какъ можно полагать по грамматѣ Стефана Баторія (ч. I, стр. 30), переведшаго сюда козаковъ съ высшихъ частей Днѣпровскаго побережья. То, что можно назвать «Старою-Сѣчью», дѣлится на двѣ части: одна, въ самомъ селеніи, лежитъ надъ рѣч. Чертомлыкомъ, и тамъ видны слѣды вала и рва не только самой Сѣчи, но даже бывшаго тамъ при Петрѣ В. Старо-Сѣченскаго ретраншамента (лит. В. и С. на прилагаемомъ здѣсь планѣ). Но другая часть развалинъ или лучше сказать городище, гораздо древнѣе этой и въ народѣ преимущественно называемое «Старою-Сѣчью» быть можетъ первообразъ всѣхъ Сѣчей, находится на небольшомъ островкѣ[1] близъ слiянiя рѣчекъ Чертомлыка и Подпольной у входа въ рукавъ или рѣч. Павлюкъ (лит. А). Быть можетъ въ обыкновенное время этотъ островъ сообщался съ материкомъ посредствомъ подъемнаго моста или же парома. Разстоянiе между обоими укрѣпленiями или кошами не болѣе 200 или 210 саж. считая съ рѣчкою. Поселяне имѣютъ суевѣрное даже благоговѣнiе къ этому острову, а самые отважные роются въ нихъ безпрестанно, отыскивая клады. У одного такого розыскателя купилъ я цѣлые десятки добытыхъ тамъ серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ: Русскихъ, Польскихъ (преимущественно Іоанна Казимiра Короля) и Крымскихъ

[1] Онъ имѣетъ до 200 саж. длины и въ срединѣ до 130 саж. ширины; часть южная совсѣмъ почти подмыта.

не старѣе XVII и не позже первыхъ годовъ XVIII столѣтія.

Глядя на эти Сѣчи, легко постигнуть всю систему обороны Запорожцевъ и мысль, руководившую ихъ при основаніи тамъ своихъ Кошей. Уединенная и защищенная водою мѣстность была для козачества лучшимъ укрѣпленіемъ, нежели грозные замки латынскаго рыцарства, которыхъ некому да и не изъ чего было здѣсь построить. Вся сила ихъ Сѣчи была въ ея безвѣстности и страхѣ, который наводили вездѣ Запорожцы до послѣднихъ дней своего быта; — въ этой сѣти острововъ, каналовъ и пловучихъ лѣсковъ (плавень), которые ее окружали; а еще болѣе въ твердомъ и непоколебимомъ рыцарствѣ, котораго она была матерью и палладіумомъ. При внезапномъ или въ превосходныхъ силахъ вражьемъ наѣздѣ съ суши, Запорожцы легко могли скрываться и долго защищаться на своихъ островахъ; со стороны же Днѣпра безъ опытныхъ Днѣпровскихъ лоцмановъ о проходѣ въ Сѣчь и думать нельзя было.

Въ Капуловкѣ, т. е. Старой-Сѣчи была тоже церковь во имя Св. Покрова Богоматери; въ памяти народной осталось свѣдѣніе, что она была на островѣ и до сихъ поръ показываютъ вамъ яму очень похожую на бывшіе фундаменты храма Божія (лит. А. А.). Но была-ль она срыта до основанія во время разоренія самой Сѣчи въ 1709 г. или же она была унесена Запорожцами во время

бѣгства въ Турцію, при Мазепѣ, ничего не знаемъ. Теперь, кромѣ упомянутаго островка, всякій годъ болѣе и болѣе подмываемаго водою и на которомъ слабые слѣды укрѣпленія впрочемъ довольно замѣтны и полуобрушившагося вала надъ самымъ Чертомлыкомъ, внутри селенія, — ничего другаго отъ прежнихъ Кошей не осталось; — такъ усердно разрушено все временемъ или рукою человѣческою. За то могильныхъ камней гораздо больше, чѣмъ въ Покровскомъ и даже гораздо любопытнѣе видѣнныхъ нами. Но всѣ они не древни и почти всѣ принадлежатъ, по времени, къ Алешковскому Кошу Запорожья. Всѣ, за исключеніемъ двухъ памятниковъ, сходны по формѣ, надписямъ, отдѣлкѣ и матеріалу съ описанными выше, въ Грушевкѣ и Новой-Сѣчи. Вотъ уцѣлѣвшія надписи:

1. *На обломкѣ креста*:

«Року 1728 мѣсяца Ноября дня 4. Помяни Господи душу усопшаго»...

2. *На цѣломъ крестѣ:*

«Помяни Господи душу усопшагося, здѣсь почиваетъ рабъ Божій Симеонъ.... товарищъ куреня Васюринскаго. Преставися року 1718».

3. На *цѣломъ*, отлично сохранившемся *крестѣ* полуистертая надпись:

«Здѣсь почиваетъ рабъ Божій Даніилъ Конеловскій (товарищъ)».

4. *На цѣломъ крестѣ:*

«Помяни Господи раба своего Ефрема Носѣвку, куреня Васюринскаго, а преставися року 1728 мѣсяца Декабря 12 дня».

5. *На обломкахъ креста:*

....«Преставися рабъ Божій Лукьянъ товарищь куреня Ведмедовскаго, року 1729 мѣсяца Сентября дня 17».

6. *На цѣломъ крестѣ*, у подошвы котораго положенъ родъ саркофага изъ бѣлаго камня, въ видѣ гроба. Подобнаго памятника мы уже болѣе не находили. Жаль только, что изъ надписи уцѣлѣли только тѣ строки, которыя были на подножіи креста въ землѣ:

«Отъ Р. Х. 1720
мѣсяца Но-
ября 5 дня.

7. *На цѣломъ крестѣ:*

«Здѣ опочиваетъ рабъ Божій.... Волошинъ, атаманъ куреня Тимошевскаго.... року 1728 Генваря 28 дня.

8. *На цѣломъ крестѣ:*

«Здѣ опочиваетъ рабъ Божій Данило Бовсѣенко, куреня Сергѣевскаго року 1729. Мѣсяца Марта 4-го дня».

Всѣ восемь могилъ находятся въ самомъ селеніи Капуловкѣ, на городищѣ предмѣстья или базара *Старой-Сѣчи* и поселяне на немъ своихъ покойниковъ не хоронятъ (лит. Д). Слѣдующіе же здѣсь два креста принадлежатъ уже Новой-Сѣчи и находятся за селеніемъ, вверхъ по рѣчкѣ Чертомлыку, въ 2½ верстахъ отъ прежнихъ могилъ.

9. *На цѣломъ крестѣ*:

«Здѣ преставися рабъ Божій
Федоръ Товстоногъ, куреня
Щербиновскаго козакъ; погребенъ
року 1770. Ноября
4-го дня».

Слѣдственно, это могила храбраго войсковаго старшины и эсаула Товстонога, бывшаго атаманомъ Щербиновскаго куреня въ 1766 и 1767 годахъ, и отличившагося въ войнѣ 1769 и 1770 г. Умеръ по возвратѣ изъ экспедиціи.

10. *На цѣломъ крестѣ:*

«Здѣ опочиваетъ рабъ Божій
Семенъ Тарапъ, козакъ куреня
Шкуринскаго. Преставися року
1742 мца Декабря 3 дня. (Лит. G).

Но какимъ образомъ восемь изъ поименованныхъ нами уцѣлѣвшихъ надписей зашли сюда, когда ни одного здѣшнему Кошу принадлежавшаго (1515—1709), креста мы не отыскали? Вѣроятно

или это могилы оставшихся на родинѣ козаковъ послѣ разоренія этой Сѣчи въ 1709 г., или же товарищество умершее въ пагубномъ Алешковскомъ Кошѣ, просило, чтобы ихъ кости перенесены были когда либо на родину. Козаки, въ 1730 годахъ возвратясь на р. Подпольную, желая почтить умершихъ на чужбинѣ несчастныхъ своихъ братій, вѣрно перенесли если не прахъ, то хотя воспоминаніе объ нихъ, т. е. могильные кресты. Ниже увидимъ еще два тому примѣра. Но видно Сѣчь 1709 году уничтожали еще усерднѣе, чѣмъ въ 1775 г., когда отъ древняго Коша Запорожскаго не осталось не только никакого зданія, но даже ни одного, кромѣ здѣсь описаннаго ниже, гробоваго памятника.

Но за то чудомъ, можно сказать, сохранился отъ Баторіевой Сѣчи самый любопытный и самый великолѣпный, по сравненію съ другими, памятникъ, изъ всѣхъ описанныхъ древнѣйшій, ибо доходитъ до второй половины XVII столѣтія. Это могильный камень Сѣрка, знаменитаго предводителя войска Запорожскаго въ самую героическую его эпоху. Онъ состоитъ изъ двухъ каменныхъ бѣлыхъ плитъ, изъ которыхъ одна почти овальная служитъ подножіемъ для другой конусообразной, или собственно памятника. *Иванъ Дмитріевичъ* по прозванію *Сѣрко* (т. е. волкъ) былъ кошевымъ атаманомъ по выбору войска въ 1659, 1660, 1663, 1668, 1673, 1674, 1675, 1676, 1677, 1678, 1679 и

1680 до Маія мѣсяца, въ которомъ умеръ. О его подвигахъ упоминаютъ многія царскія грамматы и обширно расказываютъ историки Малороссійскіе[1]. Онъ былъ грозою Турокъ и Татаръ, ходилъ на Очаковъ и въ Ногайскія степи гдѣ Запорожцы « не разъ (говоря языкомъ одного документа, приводимаго Г. Маркевичемъ) «Измайлову и грозному Аккерману крылья осмалили». Съ благоговѣніемъ смотрѣли мы на этотъ скромный монументъ, воздвигнутый храброму витязю и славному царскому слугѣ; — а никто въ Россіи даже не слыхалъ объ немъ. Онъ охраняется только просвѣщенною попечительностію управляющихъ с. Капуловкою и суевѣрнымъ благоговѣніемъ къ нему поселянъ, говорящихъ, что кто будетъ охранять могилу Сѣрка, тотъ будетъ такимъ же героемъ, какъ и онъ. Этотъ памятникъ находится на старомъ городищѣ Сѣчи, уединенно отъ другихъ могилъ, сзади дому поселянина *Михаила Немины* (лит. Е.), ничѣмъ неогражденный отъ степи; — вблизи вѣтрянная мельница. Рисунокъ его представленъ нами на заглавномъ листѣ настоящей книги; съ другой стороны слѣдующая надпись:

«Р. Б. (року Божого) А Х П (1680) Мая Д (4) преставися рабъ Божій, Іоаннъ Сѣрко Дмитровичь Атаманъ Кошевый войска Запорожскаго, Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества, Федора Алексѣевича. Памятникъ.. всего посполства..

---

[1] Одну такую граммату помѣщаемъ въ приложеніяхъ.

Остальныхъ буквъ не видно. Какъ уцѣлѣлъ онъ при всеобщемъ разрушеніи Сѣчи въ 1709 г., не знаемъ. Но объ немъ упоминаетъ уже и Бантышъ-Каменскій[1]. Быть можетъ могила столь знаменитаго и вѣрнаго атамана была пощажена солдатами изъ команды полковниковъ: Галагана и Яковлева, по особому повелѣнію.

Упомянутый нами искатель кладовъ на островкѣ, кромѣ монетъ тамъ найденныхъ, надѣлилъ насъ весьма оригинальною сказкою или преданіемъ объ основаніи всѣхъ четырехъ Кошей Запорожскихъ. Боюсь только, чтобъ моя перефразировка не уничтожила всей прелести его разсказа: «Въ давніе дни («колысь то було, и мы «того не бачилы», примолвилъ старикъ), здоровые, (рослые) и храбрые лыцари-козаки пустылись по Днѣпру до того мѣста, де начинаютця пороги.

---

[1] *Бантышъ-Каменскій* въ «Исторіи Малой-Россіи». Часть II, стр. 168, 169 и прим. 141 и 142. Только онъ ошибся въ днѣ смерти Сѣрка; вмѣсто 4 Мая написалъ 1 Августа. Вотъ слова историка-патріота Георгія Кониссскаго объ этомъ молодцѣ-атаманѣ: «Сѣрко храбрый, предпріимчивый, удачно воевалъ, предводительствуя малымъ войскомъ, почиталъ сраженіе игрушкою; гнушаясь корыстолюбіемъ, предоставлялъ добычу Запорожцамъ и частью дѣлился даже съ врагами своими. Гетманъ Самойловичъ однажды упрекалъ его, что онъ позволяетъ Татарамъ кочевать съ стадами на земляхъ Запорожскихъ. Сѣрко отвѣчалъ: что онъ это̀ дѣлаетъ изъ милосердія къ Ногайцамъ, терпѣвшимъ отъ недороду травъ, и что они и Запорожцамъ тоже дозволяютъ дѣлать. «Колыбъ и чортъ (сказалъ онъ), пане гетмане, помо«гавъ людямъ въ крайней ихъ нужди, то брезговаты тымъ не годится, «бо кажутъ люди: нужда законъ змѣняе».

Звидки воны пришлы и за чимъ, я вамъ не скажу. Воны началы соби шукать *мѣсця* (гдѣ бы поселиться) и побачили здѣшнія мѣста. А острова и плавни поныжче порогивъ назывались уже «за-порожемъ». Зъ ными бувъ пысарь вельми ученый, мабуть знахорь (дуже цѣкавый, поповичь, чи що), который мавъ у себе такую бумагу, що въ ній написаны булы вси будущіи судьбы козацтва. И це козаки зибравшись въ сходку, зибралы межъ себе кошового, тай спыталы у пысаря: «дежъ намъ селитця, тай чи на довго»? Пысарь по приказу своеи бумаги веливъ имъ систы Кошемъ на Чертомлыкѣ, що теперь у Капуловки нашои, и тамъ пробуты 200 лѣтъ; такъ и сталось. Сидѣлы воны тутъ поты, поки зъ *нымъ* (т. е. Мазепою, ибо Запорожцы иначе его не называли) не пишлы пидъ Шведа. Тоди воны поставилы свій Кошъ въ Камянци, що на Мѣловомъ (оврагѣ). Но пысарь, который все живъ, имъ сказавъ: «не дуже будуйтесь (не слишкомъ стройтесь) не просыдите». Такъ и було. Пишлы наши козаки звитце пидъ Турка и пробулы у Турка 20 лѣтъ, якъ сказано въ бумази, а пысарь все ще живъ зъ нымы. Но колы на Запорожскихъ «вольностяхъ» началы строить *Линію* (старую Украинскую), пысарь сказавъ: «що воны скоро пыдутъ на старе мисце, що Кошъ тамъ буде стоять 40 лѣтъ, а потимъ уже и війска не буде», — самъ взявъ тай умеръ. Такъ все и збулось, прибавилъ разскащикъ, то

булы люды здоровые (рослые), славные рыцари, истинные козаки, уже такихъ людей нема на свѣтѣ ».

Вотъ все что осталось отъ этихъ двухъ столь знаменитыхъ въ исторіи нашей урочищъ. Теперь обѣ Сѣчи имѣютъ видъ мирныхъ селеній посреди очаровательныхъ низовьевъ Днѣпра. На мѣстѣ, гдѣ стоялъ какой-то курень, мы въ каменномъ нѣмецкомъ домикѣ съ удовольствіемъ видѣли тарелки съ котлетами и бивштекомъ, о которыхъ Запорожцы и не слыхали, а одна малютка услаждала нашъ слухъ варіаціями Генсельта и Черни. На обратномъ пути въ Никополь между страшными скалами Базавлуцкой — Каменки, гдѣ не смотря на близость Сѣчи, въ 1750-хъ годахъ вѣчно гнѣздились *Харцизы* (гайдамаки), я встрѣтилъ длиннаго, худощаваго менониста, везущаго арфу и струны въ Покровское, а далѣе обогнали толстую повивальную бабку, которая спѣшила въ Капуловку т. е. Старую-Сѣчь. Такъ время все измѣнило!

Могильные памятники Запорожскіе раскинуты были во многихъ мѣстахъ ихъ « вольностей », особенно въ мѣстахъ, гдѣ были ихъ зимовники. Такого роду гробовой крестъ, найденный г. А. Г. Борзенкомъ въ с. Шолоховомъ въ верстахъ 8 отъ Капуловки и 16 отъ Сѣчи въ Покровскомъ, находящійся на самомъ устьи р. Солоной въ Базавлукъ. Тамъ издревле были зимовники и былъ даже мостикъ для переправы почты. Здѣсь на мысѣ въ

весьма прiятномъ мѣстоположенiи, среди старыхъ дикихъ грушъ и терновъ, столь любимыхъ Запорожцами, на небольшомъ курганѣ лежитъ каменная плита и въ нее вставленъ крестъ почти тойже наружности и отдѣлки, что и описанные нами выше, съ слѣдующею на немъ надписью:

«Злѣ опочиваетъ рабъ Божiй Кирилло козакъ куреня Медведовскаго, преставися року 1719 мѣсяца Ноября дня 29».

Близъ него усадьба священника, и вотъ легенда объ этой могилѣ. Вскорѣ послѣ бѣгства Запорожцевъ съ Мазепою въ Крымскiе предѣлы, козакъ Ведмедовскаго куреня *Кирилло* съ нѣсколькими своими молодиками остался спокойно въ своей землянкѣ или зимовникѣ и разводилъ свои стада, не заботясь о политикѣ. Прошло нѣсколько лѣтъ какъ въ этотъ край прибылъ родственникъ изъ Гетьманщины, чтобъ узнать объ участи этого Запорожца. Прiѣхавъ на устье Солоной, онъ напрасно стучался въ избу; выломавъ дверь, онъ нашелъ хозяина и молодиковъ мертвыми, быть можетъ отъ чумы. Собравъ кой-кого изъ жителей, онъ повалилъ хату, составилъ изъ развалинъ могилу и поставилъ на ней крестъ, досслѣ существующiй. Быть можетъ и такъ, но чтожъ тогда значитъ годъ и день смерти козака?

Кстати о Никополѣ, т. е. «Никитиномъ перевозѣ». Уже четвертое столѣтiе какъ учреждена

была тамъ «главнѣйшая Татарская переправа на Никитинскомъ рогу» и до сихъ поръ дубы и баржи, отправляющіеся съ Таврическаго берега на Никопольскій, причаливаютъ не въ Никополь, а въ «Никитинъ рогъ», какъ рыбаки и лоцманы называютъ мысъ въ этомъ городѣ, гдѣ учреждена пристань для судовъ. О Сѣчи въ Никитинѣ, о которой говоритъ Малороссійскій историкъ Маркевичь, здѣсь никто не знаетъ, тогда какъ всякій поселянинъ укажетъ вамъ на Сѣчи: въ Покровскомъ, Капуловкѣ или на Мѣловой — Каменкѣ. За то рыбаки здѣсь народъ самый поэтическій. Стоя надъ Днѣпромъ я увидѣлъ лодку, въ которой сидѣли два дюжихъ гребца, а старый, бѣлый отъ дряхлости старикъ, вѣроятно лоцманъ, правилъ ее длиннымъ шестомъ, какъ прутикомъ. Когда пристали къ берегу, старуха лѣтъ 50, росту въ 2 арш. 11 вершк. вышла изъ ближней избы, и отправивъ гребцовъ домой, привязала лодку къ обгорѣлому пню вбитому у берега, выгрузила ее, забрала рыбу ими добытую, развѣсила по берегу сѣти и взявъ на плеча три огромныхъ весла, столь же легко понесла ихъ, какъ наши дамы свой пахитосъ. Старикъ сидѣлъ и отдыхалъ, а я шагахъ въ пяти любовался этою группою. Украинцы страстные любители природы, и старикъ, забывъ усталость и ожидавшій его ужинъ, казалось былъ очарованъ великолѣпнымъ Іюньскимъ вечеромъ, какому равнаго нигдѣ кромѣ степей при-Днѣпровскихъ не бываетъ.

Чтобы познакомиться поближе, я подошелъ и спросилъ его, не знаетъ ли онъ, гдѣ была Сѣчь въ Никитинѣ. Онъ не отвѣчалъ ни слова. На вторичный вопросъ онъ сказалъ: «да въ Никитинѣ Сѣчи никогда не было. Тутъ не сидѣли кошемъ никогда, ибо тутъ была какъ бы проѣзжая дорога». Я сказалъ, что видѣлъ уже всѣ три бывшія Сѣчи и еще хочу посмотрѣть на Никополь. Между тѣмъ его позвала *баба* въ хату, я пошелъ туда же и за мискою свѣжей рыбы, которую я окропилъ имъ привезенною изъ Грушевки вишневкою, старикъ такъ разговорился, что расказалъ одно свое похожденіе, которое, не смотря на время, лежало въ его памяти какъ свинецъ въ ранѣ. «Однажды (я рѣшаюсь повторить его разсказъ) тому лѣтъ съ 20, уже въ глубокую осень, сидѣлъ я на песчаномъ мысу и вычерпывалъ воду изъ своей лодки. Фуртуна (буря) была жестокая и фаля заливала мою лодку и брызгала далеко на берегъ. Наша *тафа* (ватага рыбаковъ) измучась порядкомъ, *подуванясь* рыбою (раздѣлясь) разбрелась по хатамъ. Начало смеркать, ажъ ко мнѣ подходитъ какой то молодецъ, чорненкій, сухенькій, какъ съ иголки снятый. «Добрый вечеръ, рыбаче», сказалъ онъ мнѣ. — «Добрый вечеръ» сказалъ и я снимая шапку. «А перевези мене чоловиче на ту сторону». — «Перевезти? сказалъ я съ удивленіемъ, да теперь и самъ чортъ не перевезетъ, не замочивъ своихъ лапокъ». Онъ засмѣялся и сказалъ: «перевези

добрый чоловиче, не бойся, не скупаемся». А фаля такъ и брыжжетъ и мочитъ меня. Я тянулъ *ляму* (канатъ, т. е. трудился) цѣлый день, усталъ, да и опасно, не хотѣлъ перевозить. Тотъ все понукаетъ да проситъ, не можно и отвязаться. Вотъ бѣда! подумалъ я, дай перевезу, нехай отчепитця. Только одно удивляло меня. Фали забрызгали и мене и лодку, а онъ стоитъ себѣ сухенькій, сапоги такъ и блестятъ, да еще палочкою пыль съ себя сбиваетъ. Вотъ я перекрестился да и сталъ отвязывать канатъ, копаюсь, копаюсь, не могу распутать узла, не знаю или злой духъ меня опуталъ или *лямовщикъ* его такъ завязалъ, а молодчикъ такъ и понуждаетъ и проситъ. Вдругъ незнаю уже откуда взялся дидокъ съ бородою и посохомъ..... «А что ты морочишь тамъ рыбаче? спросилъ онъ меня. «А вотъ паноче, сказалъ я, чоловикъ проситъ, чтобъ перевезти его на ту сторону (Днѣпра) да я боюсь, фаля крѣпко сильна». Старикъ посмотрѣлъ на моего панича, тай вскрикнулъ: «а! такъ это ты? дамъ же я тебѣ проклятый,» — да ну его чесать своимъ посохомъ, что мнѣ ажъ искры въ глазахъ показались. Паничь гацъ въ воду, дидъ за нимъ, такъ и бѣгутъ по Днѣпру, будьто по степу. «Господи помилуй!» закричалъ я, — гляжу, ночь на дворѣ, никого нѣтъ, только фуртуна еще больше разыгралась и я сидя на лодкѣ, промокъ до костки. Тогда я побрелъ до хаты, думая про себя: вѣрно нечистый хотѣлъ

утопить меня грѣшнаго, да Св. Пророкъ Илія мой «патронъ» спасъ меня отъ внезапной смерти. «Слава Богу милосердому»! повторилъ я нѣсколько разъ и обѣщалъ сходить въ Софроніевскую пустынь, что подъ городками (Бериславлемъ) на поклоненіе»[1].

Наконецъ, чтобъ довершить мое паломничество, я пустился и въ Каменку, которую Запорожцы называли *Камяннымъ базаромъ* по причинѣ торговли здѣсь съ Ногайцами и Каменкою «де стара Сичь була». Извѣстно, что выгнанные изъ Коша на Чертомлыкѣ Запорожцы основали было себѣ здѣсь Сѣчь, почти на землѣ Турецкой, ибо граница оканчивалась на лѣвой сторонѣ этой рѣчки. Но Императоръ Петръ Великій повелѣлъ гетману Скоропадскому и своему генералу Бутурлину выгнать оттуда козаковъ и Сѣчь разорить. Съ того времени по 1740 г. это мѣсто было пусто; тогда въ немъ не устроился постъ для торговли и пограничныхъ сношеній съ Крымомъ. Выѣхавъ

---

[1] На стр. 56 настоящаго «Тома Исторіи Новой-Сѣчи», при словѣ *Цары-Комышъ*, я здѣлалъ знакъ (?), не зная какъ съ точностью опредѣлить эту мѣстность. Теперь посѣтивъ берега лимана Бугскаго и Днѣпровскаго, могу сказать: что урочище называемое Сары-Камышъ *(Желтые-Комыши)*, отъ чего козаки ихъ и назвали *брин'зею*, т. е. кукурузнымъ тѣстомъ, находится на Бугскомъ лиманѣ, въ 45-ти верстахъ отъ Очакова вверхъ, а въ 10-ти отъ развалинъ знаменитой Ольвіи: Русская-Коса или *Русскій-Шагъ*, у Турокъ называвшійся *Урусъ-Гечиди* такъ называется до нынѣ и находится на лѣвой сторонѣ тогоже лимана близъ с. Свято-Троицкаго (Хер. губ. и уѣзда.)

изъ станціи Мѣловой по дорогѣ изъ Никополя въ Бериславль, на 8-й верстѣ повернулъ я въ лѣво по направленію къ Днѣпру, держась двухъ кургановъ видныхъ на возвышеніи. Такимъ образомъ я обогнулъ оврагъ или рѣч. Каменку, тогда сильно разлившуюся посредствомъ наводненій отъ Днѣпра. На самомъ ея устьѣ, съ правой стороны, на границѣ двухъ помѣщичьихъ межей: Вертильяка (потомка кошеваго Калнишевскаго по женской линіи) и Эсаулова увидѣлъ я довольно возвышенный мысъ, входящій въ одинъ рукавъ Днѣпра, тоже называемый рѣч. Подпольною, лежащій въ самомъ очаровательномъ положеніи и такъ сходномъ, по мѣстоположенію, съ городищами Покровской и Капуловской Сѣчи, что я безъ проводника догадался, что это была *Сѣчь 1711 года.* Слѣды вала, обломки очень простыхъ зданій, ямы и наконецъ нѣсколько каменныхъ бѣлыхъ крестовъ такой же величины и отдѣлки, какъ описанные выше. Вечеръ темнѣлъ и я не могъ прочитать надписей, но они уже извѣстны читателямъ изъ записокъ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (стр. 607) по снимку г. корреспондента Вертильяка. Эти надписи столь замѣчательны, что я не могу не помѣстить ихъ здѣсь въ числѣ прочихъ.

1. *На одномъ крестѣ*:

«Во имя Пресвятыя и животворящція и нераздѣлныя Тройцы, аминь. Зде опочиваетъ рабъ Божій Ва-

силій Ерофѣевичъ Атаманъ Кошовый славнаго войска Запорожскаго Низоваго, а куреня Титоровскаго. Преставися въ року 1731 л. въ м. Маѣ дня 23».

Признаюсь чистосердечно, что объ этомъ кошевомъ, равно и о двухъ кошевыхъ братьяхъ Пашковскихъ, которыхъ только аттестатъ выданный ихъ внукамъ отысканъ, я ничего не зналъ и приношу искреннюю благодарность г. Вертильяку за этотъ новый документъ для исторіи Запорожья. Объ немъ тоже и почтенный авторъ «Исторіи Малоросссіи» не говоритъ ни слова.

2. *На другомъ:*

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь. Зде почиваетъ рабъ Божій, Константинъ Гордѣевичъ Атаманъ Кошовый славнаго войска Запорожскаго Низоваго, а куреня Платниревскаго. Преставися року АѰЛ (1730).

И вотъ объясненъ годъ смерти этого знаменитаго и преступнаго кошеваго, котораго козаки столь высоко цѣнили, что не смотря на обѣщаніе Монарха, что если Запорожцы его отрѣшатъ, а другаго кошеваго изберутъ, то получатъ Его прощеніе, рѣшились лучше «бѣдовать подъ Туркомъ», нежели измѣнить своему «батьку» кошевому. Но какимъ случаемъ прахъ или хотя могильный крестъ изгнанника, умершаго вѣроятно въ Олешкахъ, зашелъ въ Камянскую Сѣчь? — рѣшить трудно, развѣ пред-

положить сказанное выше, что его крестъ принесли съ собою Запорожцы по возвращеніи уже на родину въ 1734 и 1735 г. Хотя его молодечество и храбрость восхищали козаковъ, но предательство Шведамъ и бѣгство въ Олешки «подъ Крымскую руку» будутъ вѣчнымъ пятномъ на его славѣ. Объ Алешковской Сѣчи всегда съ горестію воспоминали Запорожцы и въ одной пѣсни поютъ:

«Эй братци, якъ бы вено не було,
А лучше Христіанской Царици служиты
Чимъ въ Алешкахъ намъ житы
И Бѣсурманамъ въ ярмѣ робыты».

что нынѣшніе потомки Запорожцевъ: Черноморцы, Азовцы и Дунайцы вполнѣ постигаютъ, служа вѣрно и со славою своему Царю и отечеству.

25-го Октября 1843.

КОНЕЦЪ III-й и ПОСЛѢДНЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ III-й ЧАСТИ.

ВАЖНЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Часть I.

стран.	*строки.*	*напечатано:*	*должно читать:*
24	11	подтверждено	подвержено.
129	29	Сань-яго	Сань-Яго
200	(въ примѣчаніи)	1733 г.	1770 г.

Часть II.

стран.	*строки.*	*напечатано:*	*должно читать:*
180	26	Носакъ	Носачь
344	(въ примѣчаніи)	antenticzny	autentyczny
—	—	Córką	córką

Часть III.

стран.	*строки.*	*напечатано:*	*должно читать:*
253	(въ примѣчаніи)	Коренилской	Корениxской